

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

Л. А. Журавлева

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА
СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО НАРКОТИЗМА**

Монография

Екатеринбург
РГППУ
2013

УДК 316.346.32-053.6:316.624.3

ББК С542.15-425

Ж91

Журавлева, Л. А.

Ж91 Институциональная природа современного молодежного наркотизма: монография / Л. А. Журавлева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 224 с.
ISBN 978-5-8050-0495-8

Исследуется институциональная природа молодежных социальных отклонений, рассмотрены феномен и детерминанты кризисного сознания как социально-философская проблема.

Рассчитана на специалистов в области девиантологии, философии, морали, антинаркотической деятельности: управленцев, социальных педагогов, психологов, социологов, может быть полезна аспирантам, преподавателям, а также всем, кто интересуется проблемами воспитания подрастающего поколения.

УДК 316.346.32-053.6:316.624.3

ББК С542.15-425

Рецензенты: доктор философских наук, профессор С. З. Гончаров (ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»); доктор философских наук, профессор Н. С. Кожеурова (ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках научно-исследовательского проекта «Виктимизация молодежи в городском пространстве» № 13-13-66003 а(р).

ISBN 978-5-8050-0495-8

© ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2013

© Журавлева Л. А., 2013

Введение

Актуальность исследования. Проблема социальных отклонений не потеряет своей актуальности до тех пор, пока будет существовать социум. Социальные отклонения – системное социокультурное явление, требующее междисциплинарного и мультипарадигмального социально-философского анализа. Современная наука ведет активный поиск социальных, психологических, биологических детерминантов отклоняющегося поведения. Вместе с тем, эта область по-прежнему остается одной из самых мифологизированных не только в обыденном, но и в профессиональном сознании. Недостаточно и социально-философских работ, в которых реализуется системный подход к анализу феномена отклоняющегося поведения в современном обществе. Особенно актуально для нашей страны исследование философии тех видов негативной девиантности, которые не имеют социально-культурных корней, а привнесены на волне модернизационных явлений. Наиболее деструктивный вид социальных отклонений – наркотизация как процесс вовлечения населения в нелегальные социальные практики, связанные с производством, распространением и потреблением наркотических веществ.

За последние 10 лет число людей с диагнозом «наркомания» выросло на 60 %, причем преимущественно за счет молодежи, а общее число наркоманов в 2008 г. достигало 1,5 млн человек¹. И это только официальные данные, показывающие нам верхушку айсберга – латентной, трудноконтролируемой проблемы.

Ежегодно в России вследствие приема наркотических средств умирают около 30 тыс. человек. Каждый год в стране выявляют 80 тыс. новых наркозависимых. Общее количество наркоманов – от 2 до 2,5 млн человек в возрасте от 18 до 39 лет, из них более 140 тыс. – дети и подростки². Сложившаяся ситуация является сегодня одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности страны, ее генофонду, нравственному и физическому здоровью населения. Именно этими обстоятельствами, важностью и актуальностью для общества указанной проблемы определяется объективная значимость проводимого нами исследования.

¹ *Фаризова С.* Наркоманов начнут искать в школах: Д. Медведев предложил меры по борьбе с «дурью» // Известия. 2009. 9 сент.

² Статистика наркомании в России. URL: <http://www.narco-net.ru/narco/statistika-narkomanii-v-rossii>.

По данным экспертов, количество наркопотребителей с учетом латентной составляющей достигало в 2010 г. 2,5 млн человек, или почти 2 % населения нашей страны¹. Евгений Брюн, главный нарколог Минздрава РФ, эксперт Лиги здоровья нации сообщил, что официально в России в 2012 г. было зарегистрировано 550 тыс. больных наркоманией, латентная составляющая – порядка 1,5 млн человек. Опыт употребления наркотиков, по экспертным оценкам, имеют 3–4 млн человек². Также, по данным статистики, опыт потребления наркотиков имеют 10–13 % старшеклассников и до 30 % студентов³. С момента начала употребления наркотиков наркоман живет около 7 лет. Средняя продолжительность жизни наркомана составляет около 25 лет⁴.

Ежегодно в нашей стране от наркотиков умирают более 100 тыс. человек. Большинство из них употребляют героин, который поступает из Афганистана⁵.

Негативный тренд наркотизации населения вывел Россию на третье место в мире по числу наркозависимых (после Афганистана и Ирана)⁶.

Ситуация усугубляется еще и тем, что вещество получает статус наркотика после его внесения в «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» – официальный документ, чье содержание определяет список наркотических веществ, свободный оборот которых запрещен и регулируется государством. Оперативные бизнесмены успевают получить барыши, продавая опасные, но пока не внесенные в этот перечень наркотики. Главный нарколог Минздрава Евгений Брюн сообщил на пресс-конференции в Москве, что запрет на безрецептурную продажу с 1 июня 2012 г. кодеиносодержащих препаратов привел к появлению на рынке нового наркотика – «веселяще-

¹ Протокол заседания коллегии ФСКН. URL: http://www.narkotiki.ru/gnk_6891.html.

² Юдина Л. Гибель не в кайф! Эпидемия наркомании в РФ началась в 1991 г. // Аргументы и факты. 2012. № 38.

³ Там же.

⁴ Борьба с наркоманией в цифрах и фактах из номера // Аргументы и факты. 2012. № 26.

⁵ Наркоманов будут сажать. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/245819/>.

⁶ Хрулева Т. Россия проигрывает очередную войну. URL: http://www.narkotiki.ru/internet_6938.html.

го газа» (закись азота), употребление которого может привести к поражению мозга¹. Этот наркотик свободно рекламируется и активно продается, а в ночных клубах он стал модным и почти необходимым атрибутом отдыха и релаксации.

Глобальный масштаб наркотизации вызывает потребность в создании новых методологических подходов, социально-философских концепций, объяснительных схем, выходящих на исследование природы, этиологии феномена наркотизма и проблему профилактики катастрофических последствий распространения данного явления в обществе.

Известно, что в среднем каждый наркоман вовлекает в процесс употребления зелья 10 и более человек в год². Кроме того, вместе с наркоманами страдают сотни тысяч их семей, растрачивается трудовой и интеллектуальный потенциал страны, нарушается общественный правопорядок и криминализируется общество в целом.

Особенно обострилась в последние годы проблема распространения наркомании среди таких социальных групп, как молодежь и несовершеннолетние. Именно эти категории населения в силу своей специфики наименее устойчивы и более всего страдают от потребления наркотиков.

Большинство западных подходов строится на тезисе: нельзя полностью избавиться от наркомании, но можно минимизировать негативные последствия для окружающих и предотвратить массовость явления, т. е. наркотическую эпидемию. Медики в развитых странах ставят целью «интерактивное» (а не так называемое пассивное здоровье, которым не нужно специально заниматься) здоровье нации (социальное здоровье), что предполагает формирование у каждого человека ценностного отношения к собственному здоровью и устранение причин наркотизма (и других социальных болезней и негативных аддикций – алкоголизма, табакокурения и др.) через изменение образа жизни человека и окружающей среды (экология человека и среды). Проводятся мероприятия по изменению образа жизни и с «созависимыми» (близким окружением наркоманов).

¹ Евгений Брюн: российские наркоманы переходят с дезоморфина на закись азота // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/3411291/ros-sijskie_narkomany_perehodyat_s_dezomorfina_na_zakis_azota#ixzz264W5vHs9.

² См.: Борьба с наркоманией в цифрах и фактах из номера...

Профилактика наркотизма представляет собой процесс эффективного включения человека в социум (социальные сети) через формирование образа жизни, направленного на сохранение здоровья и самореализацию, а не на саморазрушение (деструкцию); целостной субъектной личности; общей, духовной, профессиональной, деловой, коммуникативной и физической культуры; навыков самоорганизации (селфменеджмента): самодиагностики и коррекции, самовоспитания и самообразования.

Социогенная природа социальных отклонений предполагает комплексный подход к человеку и его окружению. Важно учитывать витагенный опыт и эффективность функционирования личности в социуме, прежде всего в семейных, дружеских, профессиональных группах. Любая дезадаптация человека в этих сферах или неблагоприятные социально-психологические и социальные характеристики этих групп могут провоцировать индивида на нестандартные поступки.

Таким образом, *целью* данной работы является теоретико-методологический анализ феномена социальных отклонений на примере наркотизма, разработка социально-философской концепции девиантности как институционализирующегося процесса.

Объектом исследования выступают социальные отклонения в современном российском обществе.

Предметом является анализ институциональной природы социальных отклонений на примере процесса наркотизации молодежи.

Задачи исследования:

- 1) теоретико-методологическое обоснование исследования социальных отклонений;
- 2) постановка проблемы адекватности социального контроля над девиантностью;
- 3) исследование наркотизации общества как социально-философской проблемы, выявление сущности и содержания процесса наркотизации, анализ кризисного социума как девиантогенного пространства;
- 4) обоснование институциональной природы социальных отклонений в современном российском обществе;
- 5) выявление сущностных характеристик и амбивалентной природы современных социальных институтов;

6) исследование сущности и особенностей наркотизации молодежи как креативной социальной общности;

7) анализ процесса наркотизации и виктимизации студенческой молодежи;

8) разработка концепции организации превентивной антинаркотической работы и профилактики других социальных отклонений.

Степень научной разработанности проблемы. Интерес к феномену отклоняющегося поведения присутствует во многих философских концепциях. Наиболее полно проблема отклонений исследуется философской школой киников (Антисфен, Диоген Синопский и др.), уделяющих самое пристальное внимание парадоксам и отклоняющимся формам поведения как новой (более совершенной) норме жизни¹.

Воззрения восточных мыслителей – древнекитайских, древнеегипетских – содержат идеи социального контроля над поведением граждан: они искали панацею от социальных отклонений.

Идеи о связи отклоняющегося поведения с общественным устройством и необходимости согласования индивидуальной добродетели и общественной справедливости встречаются у Сократа, Платона и Аристотеля. Причины социальных aberrаций рассматривали мыслители Средневековья и эпохи Просвещения (Фома Аквинский, Т. Гоббс, Д. Дидро, Ж.-А. Кондорсе, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.).

Все множество теорий, объясняющих причины и сущность девиантного поведения, действует в рамках трех основных подходов: биологического, психологического, социально-философского.

В рамках *биологического подхода* отклонения в поведении объясняются наследственностью, генетической предрасположенностью, физиологическими и физическими особенностями личности девианта. Родоначальником этого подхода является итальянский ученый Чезаре Ломброзо (1835–1909). Биологический подход игнорирует социальную обусловленность девиаций, абсолютизирует влияние биологических факторов на поведение человека. В современной науке принят многофакторный подход к анализу отклоняющегося поведения, хотя по-прежнему учитываются генетическая предрасположенность и физические особенности личности девианта.

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 234–268.

В рамках *психологического подхода* девиантное поведение объясняется психологическими факторами и психическими отклонениями. Данный подход связан с именем австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856–1939). З. Фрейд заложил фундамент общей теории человеческой мотивации как системы инстинктивных стремлений. Пытаясь понять механизм девиантного поведения, он пришел к выводу, что в его основе лежит инстинкт агрессии, часто проявляющийся в преступных действиях. Акцент на личностных и психологических факторах в поведении человека прослеживается и в концепциях неофрейдистов (А. Адлер, Г. С. Салливан, Э. Фромм, К. Хорни и др.). Так, К. Хорни связывает девиантное поведение со страхами, порожденными социальной средой. А. Адлер объясняет девиантные проявления недостаточностью социального чувства (социального интереса) личности, а также комплексами неполноценности и сверхкомпенсации (гипертрофированного развития какой-либо черты или способности).

Социально-философский подход к анализу девиантного поведения связан с выявлением сущности и социальных корней, с системным подходом к анализу причин отклонений. Социально-философские теории девиантного поведения учитывают социальные и культурные факторы, на основе которых людей считают девиантами.

Методология анализа отклоняющегося поведения была разработана еще в конце XIX в. французским социологом Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). Он считал преступность «нормальным» явлением, так как общество, лишенное ее, не могло бы существовать и никогда не существовало. О «ненормальности» преступности можно говорить лишь тогда, когда наблюдается ее резкий скачок, необычно высокий для данного общества процент преступлений. Преступность, по мнению Э. Дюркгейма, никогда не исчезнет, но будет менять свою форму.

Весомый вклад в разработку проблем девиантного поведения был внесен представителями чикагской школы, сложившейся в 20-е гг. XX в. на факультете социологии Чикагского университета, и ее последователями (Э. Берджесс, Ф. Знанецкий, Р. Э. Парк, У. Томас, С. Шоу и др.). Оригинальный подход к феномену наркотизации можно встретить в работах Альфреда Линдесмита «Наркотическая зависимость» (1947), Ховарда Беккера «Становясь курильщиком марихуаны» (1953) и «Использование марихуаны и социальный контроль» (1955). Иссле-

дователи эффективно использовали качественную стратегию (метод аналитической дедукции).

Методологическое значение для анализа феномена наркотизации имеют некоторые идеи, разработанные в рамках символического интеракционизма. Идея Джорджа Герберта Мида о плюрализме социальной реальности, о том, что каждая социальная ситуация отличается от других, поскольку зависит от контекста, в котором она возникает, а также от прошлого опыта и взглядов действующих лиц, в дальнейшем была развита его последователями и привела их к созданию теории стигматизации.

В рамках парадигмы символического интеракционизма была предложена типология девиантного поведения по критерию генезиса возникновения социальных отклонений и их зависимости от социального контроля. Эдвин Лемерт выделил по этому критерию два типа отклонений: первичные и вторичные.

В конце прошлого столетия появились интегративные теории, объясняющие сущность девиантности. Среди них следует отметить комплексные модели Рональда Айкерса, Фрэнка Пирсона, Нейла Уернера, Делберта Эллиота и ряда других исследователей, трактующие природу негативных социальных отклонений.

Системный анализ социальных девиаций предпринят в трудах современных отечественных и зарубежных исследователей Р. Айкерса, Ю. Д. Блувштейна, Я. И. Гишинского, А. В. Добрынина, Г. И. Забрянского, Ф. Зака, Ю. Ю. Комлева, В. Н. Кудрявцева, М. Лайне, З. Ламнека, Э. Лемерта, А. Лиски, В. С. Нерсесянца, С. Палмера, Э. Раски, Н. Х. Сафиуллина, П. А. Сорокина, В. Фокса, Я. Хамфри, Д. А. Шестакова, Г. Шнайдера, А. М. Яковлева и др.

Многие исследователи акцентируют свое внимание на анализе как общих, так и особенных причин социальных отклонений: А. Г. Амбрумова, Ю. М. Антонян, Г. Беккер, И. Блох, В. Боховкин, Б. С. Братусь, С. В. Быков, А. А. Габиани, В. Ганжин, Я. И. Гишинский, Я. Г. Голанд, С. И. Голод, И. Гофман, И. Н. Гурвич, А. И. Гуров, Е. В. Змановская, И. И. Карпец, Ю. Ю. Комлев, А. Козн, Н. Кристи, В. Н. Кудрявцев, М. Лайне, З. Ламнек, Э. Лемерт, Ю. П. Лисицын, С. Медник, Р. Мертон, С. Ф. Милюков, В. А. Номоконов, В. Д. Плахов, В. Реклесс, А. Салагаев, Э. Сатерленд, Н. Х. Сафиуллин, Х. Там, К. Христиансен, Д. А. Шестаков, Э. Шур, А. М. Яковлев и др.

Проблеме превенции девиантного поведения посвящены труды Г. А. Аванесова, И. Анденеса, Ю. Д. Блувштейна, Л. А. Волошиной, Я. И. Гилинского, С. И. Голода, А. И. Долговой, А. Э. Жалинского, В. К. Звирбуля, М. И. Зырина, В. В. Ключкова, Ю. Ю. Комлева, М. Лайне, Б. М. и М. Б. Левиных, А. Лепса, Г. М. Миньковского, В. Ф. Пирожкова, М. Е. Поздняковой, Э. Э. Раски, В. В. Романова, Г. С. Саркисова, Н. Х. Сафиуллина, П. И. Сидорова, Л. И. Спиридонова, И. В. Стрельчука, Г. Ф. Хохрякова, К. Шумана, А. М. Яковлева и др.

Несмотря на большое количество научных работ по данной проблематике, системное рассмотрение феномена социальных отклонений сквозь призму социальных институтов – достаточно новая область философского анализа.

Полученные данные могут найти применение при разработке рекомендаций по снижению уровня социально негативных девиаций и профилактике отклоняющегося поведения. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах философии, онтологии и теории познания, при подготовке специалистов в области социальной философии, философской антропологии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции, криминологии, сотрудников исправительных заведений, в работе муниципальных органов, при разработке различных законодательных актов.

Теоретико-методологическая база исследования. Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности, целостности, развития и конкретности в понимании функционирования социальных систем, включая социальные институты.

При решении поставленных задач автор исходил из социальной сущности человека, из единства его деятельности, общения и сознания; из того фундаментального обстоятельства, что содержание реальной деятельности, реального общения и реальных общественных отношений с необходимостью определяют главные установки, ценности, мотивы и уровень притязаний индивидов, что бы они о себе не мнили и что бы не декларировали публично.

Конкретным методологическим инструментарием, используемым в исследовании, являются: диалектический метод – для выявления и разрешения противоречий в самом предмете в единстве анализа и синтеза, качественных и количественных параметров этого предмета; системный и системно-функциональный методы, позволяющие

осмыслить поставленные проблемы достаточно полно, учесть реальные связи и опосредствованные влияния в рамках феномена наркотизма молодежи; институциональный подход, обеспечивающий возможность проанализировать проблему наркотизации в контексте развития социальных структур – локальных и глобальных; концепция отчуждения К. Маркса, ориентирующая на объективное и социокультурное понимание девиаций. Реализация указанных принципов, методов и подходов была подчинена человекоцентричной позиции автора.

Научная новизна состоит в разработке социально-философской концепции институциализации социальных отклонений в современных условиях, теоретико-методологических подходов к проблеме превенции отклоняющегося поведения и заключается в следующих положениях:

1. Социальные отклонения проистекают из ризоморфности и гетерогенности социального пространства, воспроизводящего различные, в том числе конфликтные, дискурсивные практики. Тенденция к дестандартизации социального поведения резко возрастает в кризисные времена, усиливая имморализм, ценностный плюрализм и противоречивость норм в обществе. Социальные отклонения имеют комплементарную природу, обладают синергетическим эффектом (взаимоусиления и взаимоподдержания), релевантны ценностным основаниям социального бытия.

2. Институциализация социальных отклонений связана с их феноменологией, диалектическим единством с нормами и социальными стандартами, выступающими основными компонентами социальных институтов как нормативно-ценностных комплексов, интегрирующих общество. Происходящая в современном обществе патология норм детерминирует рост наркотизации молодежи.

3. Кризисный мир выступает девиантогенным пространством, приводя к амбивалентности сознания, релятивности норм и ценностей, к социальной турбулентности и поляризации ожиданий относительно приемлемого социального поведения. Противоречивость моральных установок приводит к оценке некоторых видов аморального поведения как нормы рыночного общества.

4. Кризисность бытия формирует системную девиантность социальных институтов, воспроизводя социокультурные флуктуации. Наиболее деструктивными для общества являются культурно-исторически нерелевантные отклонения.

5. Молодежь как креативная группа в силу своих функциональных характеристик имеет предрасположенность к нормонарушению во всех его видах и проявлениях.

6. Современные российские социальные институты во многом девиантны и противоречивы. Социальный кентавризм связан с дисфункциональными сбоями ценностно-нормативных комплексов, вызванными переходом от советской к рыночной реальности, амбивалентностью ценностей и институций, резкой социальной дифференциацией и рассогласованностью социальной практики.

7. Кумулятивность социальных отклонений приводит к нарастанию институционализации девиантности, появлению псевдосоциальных институтов. Укрепившийся институт коррупции в силу системного характера способствует институционализации ряда негативных социальных практик и появлению теневых структур в цепочке «власть – бизнес – преступность». Наиболее ярко этот тренд наблюдается на примере наркотизации молодежи.

8. В современном обществе отсутствует адекватный социальный контроль над девиантностью из-за отсутствия должной социальной нормативности, достаточный для пресечения институционализации социальных отклонений.

9. Необходим социальный аудит эффективности моделей профилактики наркомании.

Нами разработана креативно-развивающая модель профилактики наркотизма, направленная на самореализацию личностных способностей и усвоение норм и ценностей корпоративной культуры в едином учебно-воспитательном процессе. Данная модель предполагает формирование в образовательном учреждении профилактического пространства, основанного на ценностном единстве педагогического коллектива (включая студентов, преподавателей и сотрудников) как субъекта деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его основные положения могут быть применены для комплексного социально-философского анализа феноменологии и этиологии социальных отклонений. Научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что результаты, полученные в ходе исследования, конкретизируют и развивают научные представления о фе-

номене наркотизации современной молодежи, способствуют более глубокому пониманию природы и моделей превенции, а это, в свою очередь, актуализирует проблему адекватного социального контроля над отклоняющимся поведением.

Концептуальные идеи диссертации были апробированы в следующих научных проектах, поддержанных РГНФ: грант РГНФ, 2004, № 04-06-83608а/У «Профилактика наркомании в образовательных учреждениях: мониторинг и оценка эффективности»; грант РГНФ, 2007, № 07-06-83606 а/У «Социальный аудит эффективности мер профилактики наркотической зависимости в образовательных учреждениях различного типа (на примере образовательных учреждений Свердловской области)»; грант РГНФ, 2011, № 11-13-66012 а/у «Город как наркогенное пространство»; грант РГНФ, 2013, № 13-13-66003 а(р) «Виктимизация молодежи в городском пространстве».

Результаты исследования были положены в основу концепции Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ) по воспитательной работе и профилактике наркомании и городской межвузовской акции «Студенчество за будущее без наркотиков».

Нами разработана и предложена к внедрению в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области Комплексная программа мер противодействия злоупотреблению наркотическими средствами (2005); разработаны методология и методика сравнительного исследования наркоситуации и профилактики наркомании в образовательных учреждениях различного типа (школа, гимназия, лицей, профессиональное училище, университет); составлены программы социологического исследования, подготовлен инструментарий, проведено пилотное исследование, апробирована технология социального аудита эффективности мер профилактики наркотической зависимости в образовательных учреждениях различного типа (на примере образовательных учреждений Свердловской области).

Внедрена концепция профилактики наркотизма в студенческой среде в Российском государственном профессионально-педагогическом университете (2003–2008 гг.). В 2004–2005 гг. проведено полевое исследование и получена объективная информация о наркоситуации в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа с учетом уровня латентности распространения наркотизма, разработана программа наркопрофилактики в образовательных учреждениях.

Полученные результаты могут найти практическое применение при разработке рекомендаций по снижению уровня социально негативных девиаций и профилактике отклоняющегося поведения; могут быть использованы в учебных курсах философии, при подготовке специалистов в области социальной философии, философской антропологии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции, криминологии, сотрудников исправительных заведений, в работе муниципальных органов, при разработке различных законодательных актов.

Основные теоретические положения исследования обсуждены на философской секции Межвузовского центра гуманитарного и социально-экономического образования при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (2010). Результаты диссертационной работы отражены в 58 публикациях, в том числе 15 монографиях и 10 статьях в журналах, аккредитованных ВАК РФ.

Рекомендации настоящего исследования нашли свое отражение в авторских курсах «Социология девиантного поведения и социального контроля», «Основы социологии», «История социологии», разработанных для бакалавров и магистров, обучающихся в Российском государственном профессионально-педагогическом университете.

Наиболее важные положения исследования апробированы на научно-практических конференциях: четырех международных – «Актуальные проблемы социологии культуры, образования и молодежи» памяти профессора В. Т. Шапка (Екатеринбург, 2012), «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л. Н. Когана (Екатеринбург, 2010), «Евразийство: история и современность» (Екатеринбург, 2011), «Сорокинские чтения – 2011. Глобальная социальная турбулентность и Россия» (Москва, 2011); шести всероссийских – «Экономика и культура» (Екатеринбург, 2010), «Актуальные проблемы гуманитарных, юридических и экономических наук в современной России» (Кумертау, 2010), «Сорокинские чтения. Социальная и культурная динамика России в условиях глобального кризиса: к 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина» (Москва, 2010), «Традиция. Духовность. Правопорядок» (Тюмень, 2011), «Человек креативный: способности, ценности, культура» (Екатеринбург, 2011), 4-й Всероссийский социологический конгресс (Москва, 2012).

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ

1.1. Социальные отклонения как феномен современного общества

В условиях социального кризиса, экономической нестабильности, когда сама социальная действительность оказывается девиантной, поведение людей становится все менее предсказуемым, резко увеличиваются масштабы социальных отклонений, нарастает социальная дезорганизация, серьезно угрожая социальному порядку. Социальный хаос начинается с ценностного релятивизма, преобразующего механизмы нормативности и детерминирующего обновление системы значений и смыслов, посредством которых люди осуществляют социокультурные коммуникации. Кризис, создавая экономическую и социальную напряженность в обществе, способствует искажению аксиологического поля, приводя к деградации личности и увеличивая коммуникативные сбои в обществе.

Социальные отклонения вездесущи. Они пронизывают всю социальную жизнь и проистекают из диалектики старого и нового, должного и сущего, предполагая свободу выбора социальным субъектом (актором) стиля социального поведения. Социальные отклонения связаны с креативной природой социального действия.

Однако в кризисные времена происходит всплеск отклонений в поведении людей, появляются новые их виды, травмируя обыденное сознание и нарушая социокультурную идентичность социума.

Наиболее полно сущность социальных отклонений раскрыта в работах директора Центра девиантологии Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук Я. И. Гилинского¹. Социальные отклонения, с его точки зрения, подобно флуктуациям неживой материи и мутациям живой, служат необходимым механизмом изменения, а следовательно, существования и развития каждой системы.

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я. И. Гилинского. СПб., 2000. С. 12.

Для понимания природы социальных отклонений кратко проанализируем основные направления их исследования.

Попытки осмысления природы нормонарушающего поведения присутствуют практически во всех трудах философов древности.

Проблеме отклоняющегося поведения посвящены многие труды представителей философской школы киников (Антисфен, Диоген Синопский и др.), которые уделяли самое пристальное внимание парадоксам и отклоняющимся формам поведения как новой (более совершенной) норме жизни¹.

Воззрения восточных мыслителей – древнекитайских, древнеегипетских – содержат идеи социального контроля за поведением граждан и свидетельствуют о поиске панацеи от социальных отклонений.

Идеи о связи отклоняющегося поведения с общественным устройством и необходимости согласования индивидуальной добродетели и общественной справедливости встречаются у Сократа, Платона и Аристотеля².

Все множество теорий, объясняющих причины и сущность девиантного поведения, можно разделить на три группы в зависимости от используемого подхода: биологического, психологического, социально-философского.

В рамках *биологического (антропобиологического) подхода* отклонения в поведении объясняются наследственностью, генетической предрасположенностью, физиологическими и физическими особенностями личности девианта.

Родоначальником этого подхода является итальянский ученый Чезаре Ломброзо (1835–1909). Будучи тюремным врачом, он имел возможность исследовать личность преступников. На основании антропологических измерений осужденных он пришел к выводу о существовании «прирожденного преступника», обладающего особыми физическими чертами (сплюснутый нос, редкая борода, низкий лоб, большие челюсти, высокие скулы, особое строение черепа, оказывающее воздействие на мозг, пониженная чувствительность к боли). Ч. Ломброзо разработал таблицу признаков «прирожденного преступника», где описал «атавистические» черты личности, которая от

¹ См.: Диоген Лаэртский. Указ. соч.

² Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969. Т. 1, ч. 1. С. 493–501.

рождения наделена преступными наклонностями¹. Высокая степень преступных наклонностей может проявляться во внешнем облике человека (низкий, покатый, «срезанный» лоб; ярко выраженная скуластость, «сдавленное» лицо; выпуклые надбровные дуги; большая выдвинутая вперед нижняя челюсть; бугры, выступающие на черепной коробке; рост не выше среднего; мускулистое тело; чрезмерно длинные руки).

Опираясь на статистические данные, Ч. Ломброзо доказывал наследственную природу девиантного поведения. Он приводил примеры из истории одной семьи за два столетия. В этой семье с «дурной» наследственностью за долгие годы число членов достигло 900 человек. Из них 200 стали преступниками, 200 душевнобольными и бродягами².

Теория Ч. Ломброзо оказала влияние на развитие криминологии, получила широкое распространение в социальных науках.

Последователь Ч. Ломброзо американский психолог, директор лаборатории конституциональных различий Колумбийского университета Уильям Шелдон уже в XX в. подчеркивал важность строения тела. Он полагал, что люди с определенным типом конституции имеют характерологические особенности.

Эндоморфы (люди умеренной полноты, с мягким и несколько округлым телом) в основном общительны, умеют ладить с другими, в меру эгоистичны, потворствуют своим желаниям.

Мезоморфы (люди, имеющие сильное и стройное тело) активны, напористы, не слишком чувствительны, проявляют склонность к беспокойству.

Эктоморфы (люди хрупкого и тонкого телосложения) наделены повышенной чувствительностью и нервозностью, склонны к самоанализу.

У. Шелдон исследовал поведение 200 юношей и сделал вывод, что наиболее склонны к девиации активные мезоморфы, хотя они далеко не всегда становятся преступниками³.

Сходные идеи высказывал немецкий психолог профессор Тюбингенского университета Эрнст Кречмер⁴.

¹ Ломброзо Ч. Преступление. М., 1994. С. 125.

² Там же. С. 139.

³ Шелдон У. Анализ конституциональных различий по биографическим данным // Психология индивидуальных различий: тексты. М., 1982. С. 248–261.

⁴ Кречмер Э. Строение тела и характер. М.; Л., 1930. 304 с.

Другие исследователи отмечали, что физические недостатки, например, низкий рост у мальчика, могут оказывать влияние на его поведение, формируя в данном случае так называемый комплекс Наполеона, провоцируя повышенную агрессивность и различного рода девиации.

В середине XX в. были получены данные о том, что некоторые умственные расстройства (особенно шизофрения) могут быть обусловлены генетической предрасположенностью. В 1980-е гг. исследования врачей подтвердили генетическую предрасположенность к заболеванию алкоголизмом и наркоманией.

В последнее время биологическое объяснение девиантного поведения основывается на результатах исследования аномалий половых хромосом. П. Джекобс и его коллеги установили, что наличие дополнительной у-хромосомы было свойственно мужчинам выше среднего роста с серьезными психопатическими расстройствами и повышенной агрессивностью. Дальнейшие исследования показали, что среди мужчин с дополнительной хромосомой наблюдался более высокий уровень правонарушений. Кроме того, они обладали более низким интеллектуальным потенциалом.

В XX в. получили распространение идеи о роли гормональных влияний на формирование агрессивного и преступного поведения (М. Шлапп, 1924) и ряд теорий, связывающих биологическое состояние человека (частота пульса, уровень серотонина в крови, повышенный уровень тестостерона) с его девиантностью¹.

В рамках биологического подхода игнорируется социальная обусловленность девиаций, абсолютизируется влияние биологических факторов на поведение человека. В современной криминологии и социологии девиаций принят многофакторный подход к анализу отклоняющегося поведения, хотя по-прежнему учитываются генетическая предрасположенность и физические особенности личности девианта.

В рамках *психологического подхода* девиантное поведение объяснялось психологическими факторами и психическими отклонениями. Такой взгляд связан прежде всего с именем австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856–1939). З. Фрейд заложил фундамент общей теории человеческой мотивации как системы инстинктивных

¹ Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 72–73.

стремлений. Пытаясь понять механизм девиантного поведения, он пришел к выводу, что в его основе лежит инстинкт агрессии, часто проявляющийся в преступных действиях.

Причинами девиаций, по З. Фрейду, являются также внутренний конфликт, душевный дискомфорт и сексуальная неудовлетворенность. З. Фрейд ввел понятие «преступники с чувством вины». Эта категория девиантов как бы желает наказания, они чувствуют себя виноватыми из-за своего «влечения к разрушениям». З. Фрейд изучал и сексуальные девиации, многие из них он объяснил эдиповым комплексом, страхом кастрации, неправильной сексуальной социализацией в детстве¹.

Акцент на личностных и психологических факторах в поведении человека характерен и для концепций неопрейдистов (А. Адлер, Г. С. Салливан, Э. Фромм, К. Хорни и др.). Так, К. Хорни связывает девиантное поведение со страхами, порожденными социальной средой. Как реакция на страх возникают различные защитные механизмы:

- рационализация, или преобразование невротического страха в рациональный страх перед внешней опасностью;
- подавление страха, при котором он замещается другими симптомами, иногда бравадой, тягой к риску, повышенной агрессивностью;
- «наркотизация» страха – прямая (с помощью алкоголя, наркотиков) или переносная (компенсаторная) в виде бурной внешней деятельности;
- бегство от ситуаций, вызывающих страх.

Эти способы защиты могут приводить к самоотчуждению личности, провоцировать неврозы, отклонения в поведении человека.

Альфред Адлер, продолжая развивать идеи Зигмунда Фрейда, вместо «инстинкта агрессии» как детерминанты девиантного поведения на первое место поставил «инстинкт превосходства»². Заслугой А. Адлера является и разработка учения о комплексе неполноценности, который толкает некоторых индивидов на антисоциальные поступки и преступления. А. Адлер пришел к парадоксальному выводу о том, что комплекс неполноценности переходит со временем в комплекс превосходства. Механизм этого превращения состоит в том, что

¹ Фрейд З. «Я» и «Оно»: труды разных лет: в 3 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 91.

² Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. С. 153–156.

социальная неприспособленность, неуверенность в себе сменяются искаженным стремлением стать сильным, превзойти других, утвердиться любой ценой (в том числе и через унижение другого человека).

Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах американского психолога Джона Долларда. Согласно разработанной ученым теории, девиантное поведение может быть вызвано фрустрацией – внутренним психологическим напряжением, которое возникает при неудачной попытке реализовать свои желания, стремления¹. Результатом фрустрации может быть не только злость, агрессивность, преступление, но и депрессия, уход в мир грез и фантазий. Итогом такой ситуации вполне может стать употребление алкоголя или наркотиков для снятия фрустрационной напряженности.

Для понимания сущности девиантного поведения представляют интерес мысли Эриха Фромма, высказанные им в работе «Душа человека». Э. Фромм предложил следующую типологию насилия²:

- реактивное насилие, проявляющееся рефлекторно в случае опасности или угрозы жизни человека;
- насилие из мести, отмечающееся чаще всего у ущербных людей, для которых месть является единственно возможным средством компенсации оскорбленного чувства собственного достоинства;
- компенсаторное насилие, проявляющееся в случае невозможности личностной самореализации в каком-либо деле.

Приведенная типология вполне подходит и для объяснения любого другого варианта девиантного поведения.

Изучение в рамках психологического подхода «особого психического склада» преступников и других девиантов оказалось непродуктивным, а вот исследование мотивации преступлений позволило понять механизм совершения отклоняющихся поступков.

Социально-философский подход к анализу девиантного поведения связан с выявлением сущности и социальных корней, вызывающих отклонения, с системным анализом их причин.

В социально-философских теориях девиантного поведения, которые мы рассмотрим, учитываются социальные и культурные факторы, на основе которых людей считают девиантами.

¹ Юридическая социология / под ред. В. А. Глазырина. М., 2000. С. 284–285.

² Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 21–26.

Методологические подходы к анализу девиантного поведения были заложены в трудах философов и социологов XIX в. О. Конта (идея социального порядка и контроля), Г. Спенсера (анализ социальных институтов и их роли в развитии социальных норм), К. Маркса (идея отчужденной социальности), П. А. Сорокина (идея девиантности как конфликта разнородных шаблонов поведения, методы и формы социального контроля за девиантным поведением).

Методология анализа отклоняющегося поведения была разработана еще в конце XIX в. французским социологом Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). Он считал преступность «нормальным» явлением, так как общество, лишенное ее, не могло бы существовать и никогда не существовало. О «ненормальности» преступности можно говорить лишь тогда, когда наблюдается ее резкий скачок – необычно большое для данного общества количество преступлений. Преступность, по мнению Э. Дюркгейма, никогда не исчезнет, но будет менять свою форму¹.

Э. Дюркгейм высказал парадоксальное утверждение о функциональности преступности, ее сигнализирующей о состоянии общества в целом функции. Он сравнивал девиации с болью. Человеку не нравится, когда у него что-нибудь болит, но эта боль – функция любого нормального организма, симптом заболевания.

Французскому мыслителю принадлежит идея о наличии позитивных отклонений и роли отклоняющегося поведения в развитии общества, его социальных норм. В работе «О разделении общественного труда. Метод социологии» он писал: «Согласно закону Афин, Сократ был преступник. Вменяемое ему преступление – независимость мысли – послужило на благо не только человечеству, но и его собственной стране. Оно помогло сложиться новой морали и вере, в которой нуждались жители Афин. Свобода мысли, которой мы пользуемся ныне, была бы невозможна, если бы запрещающие ее правила не нарушались»². Нарушения существующих норм показывают новые образцы поведения, подчеркивая нелепость норм, постепенно готовят общественное мнение к их пересмотру и замене новыми, более адекватными уровню развития общества.

¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 91.

² Там же.

Хотя Э. Дюркгейм и утверждает, что делать из преступления социальную болезнь – значит уничтожать всякое различие между физиологическим и патологическим, он признает, что сама преступность может принять ненормальную форму, если, например, она чрезмерно возрастает.

Среди основных причин девиантного поведения Э. Дюркгейм называл аномию (буквально – «разрегулированность», или «безнормность»). Теорию аномии он использовал в своем классическом труде – исследовании самоубийства¹. Объясняя это явление, Э. Дюркгейм подчеркивал, что социальные правила играют важную роль в регуляции жизни людей. Нормы управляют их поведением, люди знают, чего следует ожидать от других и чего ждут от них. Жизненный опыт людей более или менее соответствует ожиданиям, которые обусловлены социальными нормами. Однако во время кризисов или иных радикальных социальных перемен жизненный опыт перестает соответствовать идеалам, воплощенным в социальных нормах. В результате люди испытывают состояние дезориентации. Чтобы продемонстрировать воздействие аномии на поведение людей, Э. Дюркгейм показал, что в периоды неожиданных экономических спадов и подъемов уровень самоубийств, как правило, становится выше обычного. Он считал, что неожиданные упадок и процветание связаны с нарушением «коллективного порядка». Социальные нормы разрушаются, люди теряют ориентацию, и все это способствует девиантному поведению.

Концепция Э. Дюркгейма, так же, как взгляды О. Конта и Г. Спенсера, находится в русле функционалистского подхода к социальным явлениям. «Чтобы исследовать социальный факт, – писал Э. Дюркгейм, – мы должны выяснить его функцию в создании социального порядка»².

Хотя идеи Э. Дюркгейма не раз подвергались критике, его мысль о том, что социальная дезорганизация является причиной девиантного поведения, в наши дни считается общепризнанной. Термин «социальная дезорганизация» означает состояние общества, когда культурные ценности, нормы и социальные связи отсутствуют, ослабевают или противоречат друг другу. Это может быть, например, результатом смешения религиозных, этнических и расовых групп, имеющих различные верования, проявляющих верность различным идеалам, в час-

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: социол. этюд. М., 1994. 399 с.

² Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 26.

тности, по-разному относящихся к азартным играм, употреблению спиртных напитков и другим типам поведения. Это может наблюдаться при высоком уровне социальной мобильности и особенно – миграции членов поселенческих общностей, что приводит к конфликту норм из-за неоднородности и неустойчивости социальных взаимосвязей.

Идея о провоцирующей негативное девиантное поведение роли аномии, вызывающей социальную дезорганизацию, подтвердилась многочисленными социологическими исследованиями. Так, в результате исследований американских социологов К. Р. Шоу и Г. Д. Маккей (1942) было обнаружено, что официальный уровень правонарушений среди молодых людей особенно высок в городских районах, где проживают люди различного происхождения и наблюдается высокая степень текучести населения¹. Для таких районов характерен не только конфликт между культурными ценностями (что приводит к непредсказуемости и отсутствию единой совокупности ожиданий), но и трудности, возникающие в связи с контролем за соблюдением любых нормативных предписаний и стандартов (должностные лица даже и не пытаются его осуществлять). Противоречивые критерии оценки поведения и слабый контроль со стороны властей в значительной мере способствуют росту правонарушений.

Теория аномии нашла новое выражение в понятии «социальные обручи», введенном Тревисом Хирши (1969). Он утверждает, что чем больше молодые люди верят в ценности, принятые обществом (например, в справедливость законов и общественного устройства), чем активнее они стремятся к включению в социально одобряемую деятельность (во всех сферах) и чем глубже их привязанность к значимым другим и субъектам социализации (родителям, школе и сверстникам), тем меньше вероятность того, что они совершат девиантные поступки². Однако эмпирические исследования не подтвердили вывод, сделанный Т. Хирши. Группы сверстников, обладая характеристиками референтных образований, осуществляют регуляцию поведения своих членов через групповые нормы и ценности, но они же могут провоцировать отклоняющееся поведение.

¹ См.: Шоу К. Р., Маккей Г. Д. Теоретические выводы из экономического изучения Чикаго // Социология преступности (современные буржуазные теории): сб. ст. М., 1966. С. 289–291.

² См.: Смелзер Н. Дж. Социология. М., 1994. С. 221.

Теория аномии была использована при объяснении природы девиантного поведения в работах известного американского мыслителя XX в. Роберта Кинга Мертон (в рамках структурно-функционального подхода). Он несколько модифицировал данный концепт, приспособив его к условиям стабильного американского общества¹. Анализируя философский смысл этого понятия, Р. Мертон связал его с нормативной структурой общества и способами адаптации к ней. Под нормативной структурой здесь понимается структура отношений между нормами, ролями, статусами, ценностями и институциональными порядками. Причем отношения между некоторыми нормативными компонентами могут быть конфликтными.

Мертоновская трактовка аномии многомерна и позволяет выделить несколько различных смыслов социологического понятия «аномия», идущего от Э. Дюркгейма:

- Аномия является свойством социальной системы в целом, она возникает в результате распада нормативного и ценностного согласия в обществе.

- В узком смысле под аномией понимается нарушение соответствия и согласованности между нормами и ценностями, регулирующими один и тот же тип поведения. В случае, когда нормативное поведение оказывается неэффективным, для достижения значимой для субъекта цели могут использоваться нормативно запрещенные средства (например, допинг в профессиональном спорте). И наоборот, при обесценивании исходных целей самодостаточную ценность приобретает следование институционально предписанным нормам поведения (ритуализм).

- Социальная структура рассматривается не только как нормативная структура, координирующая нормы-ценности, но и как структура возможностей людей, предопределяющая их поведение в условиях выбора средств для достижения поставленных целей. В этом смысле под аномией понимается та или иная степень диссоциации, расхождения между нормативной структурой и возможностями человека.

Таким образом, Р. Мертон считал, что причиной девиации является разрыв между культурными целями общества и социально одоб-

¹ См.: Афанасьев В. С. Эволюционные концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж: альм. соц. исслед. 1992. № 2. С. 69–81.

ряемыми средствами их достижения. Другими словами, если люди ставят перед собой цель, которую нельзя достичь принятыми в данном обществе средствами, они пытаются найти иные средства, в том числе и социально осуждаемые. Естественно, это ведет к разного рода девиациям, является причиной появления нелегальных социальных практик.

Проблема заключается в том, чтобы определить, что это за средства, что за социальные силы, которые заставляют человека искать социально неодобряемые пути достижения цели. Вероятно, большая часть из них относится к числу агентов социализации. Это семья, школа, ближайшее окружение, трудовой коллектив, средства массовой информации.

Однако необходимо иметь в виду, что эти факторы не автоматически влияют на появление социальных отклонений. Социологи давно уже доказали, что неблагополучие в семье гораздо сильнее и активнее способствует возникновению отклонений в поведении, чем благополучие. Эта тенденция прослеживается и в отношении иных агентов социализации.

Но вместе с тем девианты появляются и в благополучных семьях, школах, организациях и др. Значит, девиация представляет собой следствие комплексного воздействия на личность, что требует учета ее особенностей, предшествующего образования, воспитания, склада характера, психологических черт, ситуации в обществе и в конкретной социальной среде.

Р. Мертон разработал классификацию девиантного поведения. Он выявил следующие типы приспособления индивидов к нормам, одобряемым средствам и целям: конформизм (полное подчинение социальным нормам, согласие с целями общества и законными средствами их достижения); инновация (согласие с целями, но отрицание существующих социально одобряемых способов их достижения); ритуализм (отрицание общественных целей, но использование законных средств, возведение их в абсолют); ретритизм (отрицание общественных целей и средств); бунт (отрицание старых и формирование новых целей и средств). Критики этой типологии обычно подчеркивали ее чрезмерно абстрактный характер, индивидуализацию отклоняющегося поведения и игнорирование многообразия субкультур и нормативных порядков в обществе, а также пренебрежение различиями между рациональными и иррациональными формами инновации и бунта.

Применив методологию Р. Мертон к анализу наркотизма, можно прийти к выводу: в той мере, в какой общество стабильно, в нем преобладает адаптация по типу конформизма. Особой необходимости уходить в иллюзорный мир с помощью наркотиков у большинства людей нет, существует возможность самореализации в социально приемлемых сферах.

Второй тип адаптации по классификации Р. Мертона – инновация – преобладает в обществе с выраженной социальной динамикой. В таком обществе цель, будь то материальный успех или власть как его эквивалент, редко может быть достигнута без нарушения норм. Нормы же защищены соответствующими социальными институтами. Тем самым перераспределение богатства и власти достигается либо ценой насилия, либо путем нарушения норм. Потребительское поведение большинства молодых людей ориентировано на поиск наслаждений и удовольствий, возникает желание все попробовать и испытать, «все взять от жизни». Средства массовой информации, реклама усиленно пропагандируют развлечения и гедонистические ценности. Возникает ситуация, когда погоня за «кайфом», все новыми порциями наслаждений приводит человека к наркомании, алкоголизму и другим формам отклоняющегося поведения, которые быстро позволяют почувствовать необычные ощущения, уводят от проблем в «мир покоя и счастья».

В условиях кризиса общества третий тип адаптации (ритуализм) характерен для тех, кто не надеется выиграть, но имеет много шансов все потерять. В такой ситуации естественно держаться рутинных форм социального поведения. Лишенные перспективы получить работу, образование, не имея средств создать семью, молодые люди ищут способы ухода от обыденной серости с помощью алкоголя и наркотиков, временно снимающих фрустрацию, социальные фобии. Главные ценности нарождающегося общества в данном случае отвергаются как слишком рискованные.

Четвертый тип адаптивного поведения (ретритизм) реализуют люди, которые пребывают в обществе, но, по сути, не являются его членами, да и не желают быть ими. Они не просто не участвуют в реализации общих ценностей, им вообще нет до них дела, как и до существующих норм и институтов. Это классический для «наркоманов со стажем» тип приспособления к социуму.

В периоды кризисов, резких социальных потрясений баланс между устоявшимися и инновационными ценностями нарушается. Общество, являясь саморегулирующейся системой, ищет средства, которые способствовали бы адаптации членов социума к изменившейся ситуации. Ценностно-моральный релятивизм сопровождается поисками новых смыслов и ценностей, конфликтами норм, идеалов, смысложизненных принципов. Предлагаемые элитой или богемой общества (либо иной эталонной группой, даже одним кумиром масс) поведенческие стандарты постепенно усваиваются другими социальными стратами, им как более привлекательным и престижным начинает следовать большинство. Такая ситуация наблюдалась в постсоветской России: молодежные кумиры, рок-певцы считали модным и престижным употребление наркотиков, о чем открыто заявляли на концертах и в печати, способствуя тем самым распространению наркотической эпидемии.

Изменяющиеся (трансформирующиеся) общества обычно плюралистичны, и наряду с ценностями прошлого и будущего в них существует немалое количество ценностей переходного периода (как правило, сиюминутных). Усиливающаяся социальная дифференциация модифицирует восприятие ценностей в разных социальных группах. Обостряется проблема этического выбора и на индивидуальном, и на групповом, и на социетальном уровнях. Общество поляризуется, начинает раскалываться на враждебные группы именно по принципу целей-ценностей («свой – чужие»). Жизнь отдельного человека становится непредсказуемой. Конфликт ценностей приводит к фрустрации, выходом из данного состояния нередко бывает приобщение к наркотикам.

Опираясь на основные идеи структурно-функционального подхода, процесс наркотизации можно проанализировать через предложенные Т. Парсонсом четыре «функциональных императива»: адаптация, целеориентация, интеграция и поддержание образца. Сущность наркотизма связывается с нарушением адаптационных механизмов личности как представителя определенной социальной группы. Употребление наркотиков можно рассматривать как вариант дисфункциональной адаптации личности к постоянно изменяющейся среде.

Концепции социальной дезорганизации рассматривают социальные силы, которые толкают человека на путь девиации. Так называемые культурные теории девиации по сути похожи на вышеупомянутые, но делают акцент на анализе культурных ценностей, благо-

приятствующих девиации, другими словами, сил, побуждающих людей к девиантному поведению.

В теориях субкультуры предпринимаются попытки объяснить подростковую преступность, в особенности бандитизм. А. Козн, Р. Клоуард и Л. Олин, рассматривая причины этого явления, подчеркивают значение конфликта между ценностями и целями преобладающего в обществе среднего слоя, с одной стороны, и возможностями подростков из низших слоев, не способных придерживаться этих ценностей и преследовать эти цели, — с другой¹. В то же время У. Миллер отмечал, что подростковая делинквентность строится на системе ценностей низших слоев. Эти теории субкультуры ориентированы на особенности определенных общественных слоев. А. Козн, Р. Клоуард и Л. Олин развивают мертоновскую методологию девиантности, во многом дополняя ее культурологическими концептами. Если Р. Мертон подчеркивает такую цель, как достижение успеха, а именно обретение материального благополучия, то А. Козн считает, что подростки совершают некие действия для того, чтобы добиться определенного социального положения и престижа среди сверстников, тем самым они создают собственную культуру, приобретающую статус контркультуры, конфронтирующей с преобладающими в обществе ценностями. Молодые люди из низших слоев страдают от своего низкого социального статуса и обусловленного им отказа в жизненных благах и ресурсах. Это вызывает у них реакцию неприятия ценностей среднего слоя, что проявляется уже на ранних этапах социализации. Р. Клоуард и Л. Олин оценивают подростковую делинквентность как осознанную адаптацию подростка из низшего слоя к разрыву между его устремлениями и действительными возможностями.

Торстейн Селлин (1896–1994), американский криминолог, представитель теории конфликта, подчеркивал, что девиация возникает вследствие конфликтов между нормами культуры. Он занимался изучением поведения отдельных групп, нормы которых отличаются от норм остального общества. Это обусловлено тем, что интересы группы не соответствуют нормам большинства. Например, в криминальных субкультурах полиция, скорее, ассоциируется с карательной или продажной организацией, чем со службой по охране порядка и защите

¹ См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 291.

частной собственности. Член подобной группы усваивает ее нормы и, таким образом, становится нонконформистом с точки зрения широких слоев общества.

Американский социолог Эдвин Сатерленд (1883–1950) пытался объяснить социальные отклонения, используя понятие дифференцированной ассоциации. Он утверждал, что преступности (форма девиации, которая интересовала его в первую очередь) обучаются. Люди воспринимают ценности, способствующие девиации, в ходе общения с носителями этих ценностей. Если большинство друзей и родственников человека занимаются преступной деятельностью, существует большая вероятность того, что он тоже станет преступником.

Э. Сатерленд описал факторы, сочетание которых способствует криминальному поведению. Он подчеркнул, что важную роль в этом играют не контакты с безличными организациями или институтами (например, с законодательными органами или церковью), а повседневное общение – в школе, дома или на месте постоянных уличных «тусовок». Частота контактов с девиантами, а также их количество и продолжительность оказывают влияние на интенсивность усвоения человеком девиантных ценностей. Важную роль играет и возраст. Чем человек моложе, тем с большей готовностью он усваивает образцы поведения, навязываемые другими. Как показали наши исследования, большинство подростков среди вариантов ответа на вопрос, какие мотивы способствуют наркотизации молодежи, отмечают «желание не выделяться в компании», «быть как все», «подражание другим» или «следование моде на употребление наркотиков».

Весомый вклад в разработку проблем девиантного поведения был внесен представителями чикагской школы, сложившейся в 20-е гг. XX в. на факультете социологии Чикагского университета, и ее последователями (Э. Берджесс, Ф. Знанецкий, Р. Э. Парк, У. Томас, С. Шоу и др.)¹.

В знаменитом труде «Польский крестьянин в Европе и Америке» У. Томас и Ф. Знанецкий проанализировали процесс адаптации эмигрантов к новым социокультурным условиям и показали спектр негативных последствий в случае возникновения дезадаптационных процессов.

¹ См.: Современная социологическая теория / сост. Г. Беккер, А. Босков. М., 1961. 322 с.; Барзгова Е. С. Американская социология (традиции и современность): курс лекций. Екатеринбург; Бишкек, 1997. С. 43–74.

Особое внимание представители чикагской школы уделили проблемам социальной экологии. Социальная среда большого города рассматривалась ими как социальная лаборатория для изучения актуальных проблем. Город Чикаго – как арена борьбы за существование, где различные социальные, профессиональные, этнические группы в ходе своего развития формировали экологическую структуру, отвечающую природе определяющего их существование социального конфликта. Социально-экологический подход стал в рамках чикагской школы определяющим при исследовании девиантного поведения – бродяжничества, наркомании, преступности (особенно несовершеннолетних), жизни в трущобах и т. д. Жизнь девиантных групп рассматривалась как с точки зрения пространственных структур их обитания, так и с точки зрения их социальных характеристик, под которыми подразумевались свойственные той или иной группе нормативные коды и системы жизненных ценностей.

Особый вклад в развитие методологии исследования наркотизма внесли Альфред Линдесмит – автор работы «Наркотическая зависимость» (1947) и Ховард Беккер: «Становясь курильщиком марихуаны» (1953), «Использование марихуаны и социальный контроль» (1955). В этих трудах реализована качественная стратегия (метод аналитической дедукции). А. Линдесмит в процессе исследования наркотической зависимости (им было проведено около пятидесяти интервью с наркоманами) дважды пересматривал свою гипотезу, получая все новые опровергающие ее факты и свидетельства. Исходное предположение о том, что потребление наркотиков – проблема психологического характера, в ходе исследования изменилось. А. Линдесмит сделал вывод о том, что зависимость возникает тогда, когда человек сначала использует наркотические вещества с познавательной целью, а затем осознает, что психоактивные вещества смягчают сильные страдания¹.

С. Стоуффер обобщил опыт исследования аттитюдов студентов в отношении запрещения алкоголя. Для изучения этой проблемы была создана шкала аттитюдов и сделано предположение, что она воссоздаст ту же картину, что и профессионально проведенные кейс-стади. Студентов попросили описать все ситуации, факты из их жизненного опыта, касающиеся алкоголя и закона, запрещающего его упо-

¹ См.: Девиантность и социальный контроль... С. 245.

требление, а также заполнить вопросники, основанные на шкале Терстоуна. Судейское ранжирование истории жизни было сравнено со шкальными баллами. Результаты подтвердили предположение о том, что относительно более сложная задача сбора и анализа жизненных историй не дает значительно больше знаний о множестве аттитудов, которые образовали шкалу¹.

Методологическое значение для анализа феномена наркотизации имеют некоторые идеи, разработанные в рамках символического интеракционизма. Идея Джорджа Герберта Мида о плюрализме социальной реальности, о том, что каждая социальная ситуация отличается от других, поскольку зависит от контекста, в котором она возникает, а также от прошлого опыта и взглядов различных действующих лиц, в дальнейшем была развита его последователями и привела их к созданию теории стигматизации.

В рамках парадигмы символического интеракционизма была предложена типология девиантного поведения по критерию генезиса возникновения социальных отклонений и их зависимости от социального контроля. Эдвин Лемерт выделил два типа отклонений: первичные и вторичные². Под первичными он понимал случайные несистематические нарушения социальных норм поведения, которые допускают многие люди в своей повседневной жизни. Скажем, некоторые представители молодежи время от времени могут курить сигареты с наркотиками, но при этом они не считают себя девиантами, так как их действия (по их мнению) не конфликтуют с ценностями ближайшего окружения. Однако если их «поймали с поличным» работники правоохранительных органов и данные факты стали достоянием общественности, то возникает вторичная девиация, связанная с наклеиванием ярлыка «наркоман». Происходит то, что описали в своих работах Э. Гоффман и Г. Беккер³. «Стигма» становится символом, оказывающим влияние на поведение людей, которые начинают действовать в соответствии с ожиданиями окружающих и срастаются с ролью девианта. Это может повлиять на становление девиантной карьеры личности.

¹ См.: Ключкина О. Б. Построение теорий на основе качественных данных // Социол. исслед. 2000. № 6. С. 93.

² Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. N.Y., 1951. 459 p.

³ Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. 895 с.

В своем классическом исследовании душевнобольных в книге «Приюты» (1968) Эрвин Гоффман описывает процесс становления девиантного поведения под влиянием негативной социальной реакции окружающих и официальных структур или стигмы – приклеенного к человеку ярлыка. Ролевая драматургия, подробно описанная Э. Гоффманом, не просто представляет факт социальной структурированности взаимодействия в группе, но, главным образом, показывает процесс персонализации личности, усвоения ею ролевых предписаний, индивидуального принятия и отвержения определенных ролей. В книге Говарда Беккера «Аутсайдеры»¹ процесс становления девиантного поведения описан как реакция нормонарушителя на наказание и стигму, поставленную на «девианта». А отклоняющееся поведение – это поведение, которое люди называют таковым. Таким образом Г. Беккер подчеркивает конвенциональную природу социальных отклонений.

Ситуация стигматизации довольно часто наблюдается и сегодня. Так, проведенные нами с учителями и административными работниками школ интервью показали, что подростки, застигнутые в туалете школы во время употребления легких наркотиков, публично назывались наркоманами и в дальнейшем подтверждали данный имидж, переходя к употреблению внутривенных наркотиков.

В рамках неомарксистской парадигмы социальные отклонения трактуются как порождение социального конфликта, происходящего в обществе между правящей элитой и угнетенными социальными группами. Остин Турк полагал, что социальное противоборство связано с эффектом криминализации социально уязвимых групп, являющейся результатом некой политики давления на низшие слои общества².

Р. Квинни также рассматривает данную проблему с марксистской точки зрения. Он утверждает, что законы и деятельность правоохранительных органов – это орудие, которое правящие классы (владеющие средствами производства) используют против тех, кто лишен власти. Например, в XII в. были приняты законы, запрещающие бродяжничество, что было обусловлено стремлением землевладельцев заставить бедняков работать, ибо в то время каждый десятый работник погибал от чумы или его забирали в отряды крестоносцев. Далее

¹ *Becker H. The Outsiders. N.Y., 1963. 224 p.*

² *Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago, 1969. 184 p.*

Р. Квинни подчеркивает, что если бы законы, якобы противоречащие интересам правящих классов (например, принятое в 30–40-е гг. XX в. законодательство, поддержавшее требования профсоюзов), не были приняты, мог произойти революционный взрыв, что привело бы к изменению социального строя¹.

В рамках неомарксистской парадигмы возникло целое направление – «радикальная криминология», где девианты рассматривались не как нарушители общепринятых норм, а, скорее, как бунтари, выступающие против капиталистического общества, и поэтому подвергающиеся жесткому социальному контролю, давлению и изоляции с помощью тотальных институтов: психиатрических клиник, тюрем и т. д.². Девиант в данном случае рассматривается как двойная жертва – общества и уголовной юстиции; виктимизация населения, по мнению представителей данного направления Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга, проистекает из социальной ситуации с присущей ей классовой и этнической дискриминацией.

В рамках феноменологических концепций (Д. Силверман, М. Филлипс, П. Филмер, Д. Уолш и др.) делается акцент на конвенциональном характере девиантности и ее связи с социальным статусом личности³.

Отдельно следует рассмотреть постмодернистские концепции. Для них характерна релятивизация понятий «норма» и «отклонение», само общество видится как девиантогенная реальность, поскольку правоохранительные органы и их институты, призванные поддерживать порядок, зачастую сами воспроизводят социальные отклонения.

Современные теории девиаций, учитывая идеи и выводы всех предшествующих концепций, используют многофакторный принцип объяснения отклоняющегося поведения, хотя аномия признается ведущей социальной причиной девиаций.

Взаимосвязь устройства современного общества с преступностью раскрыта в работах известного норвежского криминолога Нильса Кристи. По его мнению, «преступность – это плата за то, *как мы строим взаимоотношения в обществе*. А тип общественного устройства выбирают не случайно, он всегда кому-то выгоден»⁴. Современный тип об-

¹ *Quinney R. Class, State and Crime*. N.Y.; London, 1977. 366 p.

² См.: *Шнайдер Г. Й.* Криминология. М., 1994. 504 с.

³ См.: *Новые направления в социологической теории*. М., 1978. С. 98–101.

⁴ *Кристи Н.* Плотность общества. М., 2001. С. 131.

щества, считает исследователь, провоцирует преступность. В мегаполисах отсутствует тесное общение между соседями, возникает явление анонимности коммуникаций и социальной разобщенности. В крупных социальных образованиях («общество высокой плотности») люди воспринимают друг друга как функцию, а не как личность, что может провоцировать обезличенность общения, вызывать насилие и преступность. Социальная неустроенность и неадекватный социальный контроль также являются факторами, вызывающими рост девиаций.

Австралийский исследователь Джон Брейтуэйт в своей теории «восстановленного стыда» использует объяснительные возможности следующих концепций, интегрируя их: теории контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации. Он доказывает в работе «Преступление, стыд и воссоединение», что одним из самых мощных инструментов общественного контроля действительно является стыд, который, по убеждению автора, может быть разным – клеймящим и воссоединяющим¹.

Изучение социальных девиаций (от аморального поведения, пьянства до преступности) имеет в России давнюю традицию.

Октябрь 1917 г. выступил своеобразным рубежом, прервавшим изучение феномена девиантности, хотя это произошло не сразу – научный интерес к рассматриваемой проблеме не угасал вплоть до 1930-х гг., когда исследования девиаций были полностью запрещены, а многие ученые репрессированы.

Широко использовались статистические данные для оценки алкогольной ситуации. В результате их анализа и сопоставления был выявлен ряд тенденций алкогольного поведения россиян. Так, наблюдалось массовое тяготение к алкоголю людей с наименьшими доходами, но и увеличение материального достатка сопровождалось ростом расходов на алкоголь. Низкий уровень культуры «подпитывал» тягу к алкоголю, но в крупных городах – центрах культуры и образования – пили больше, чем в слабо урбанизированных регионах².

Выявленные временные колебания (по годам и сезонам) пытались сопоставить с экономическими факторами: ценами на хлеб, алкоголь, урожайностью и др. Исследовалась степень алкоголизации

¹ Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. 310 с.

² См.: Девиантность и социальный контроль... С. 30–42.

различных социальных общностей и групп. Так, было установлено, что в деревнях больше пили бедняки и зажиточные крестьяне («кулаки»), тогда как середняки оказались «трезвенниками». Среди городских рабочих наблюдалось сокращение потребления алкоголя по мере роста квалификации и заработка. В ряде исследований была доказана взаимосвязь алкоголизма и преступности (А. Н. Бунеев, А. А. Герцензон, П. И. Григорьев, Ю. П. Лисицын, К. В. Майстрах, С. А. Первушин и др.)¹. П. И. Григорьев в результате почтового опроса заведующих сельскими училищами (1898) выявил такой факт, как почти сплошное потребление алкоголя деревенскими детьми. По мнению В. К. Дмитриева, решающее значение в динамике алкоголизации принадлежит экономическим факторам, процессу индустриализации, тяжелому положению городского пролетариата. Анализ различий между понятиями «потребление алкоголя», «пьянство» и «алкоголизм» впервые был проведен С. А. Первушиным. Им же была предложена классификация алкопотребления: «столовое» потребление («для здоровья», для аппетита), присущее преимущественно высшим слоям общества; «обрядовое» – ритуальное, в соответствии с обычаем (свадьба, Новый год, праздник урожая), наиболее распространенное среди крестьян; «наркотическое» – с целью забыться, отвлечься от тягот и забот, преобладающее в рабочей среде (описанное в романе А. М. Горького «Мать»). В зависимости от типа алкопотребления предлагалась и практика его профилактики.

После введения в России «сухого» закона в 1914 г. появилась целая серия научных работ, в которых осуществлялись попытка рефлексии данного научного эксперимента и осмысление возможностей социального контроля над социальными отклонениями. Ученые описывали процесс реагирования и адаптации населения к нововведению. На первом этапе наблюдался так называемый эффект оцепенения: фиксировалось снижение производственного травматизма, пожаров и т. д. Однако на следующем этапе (это произошло уже к концу 1915 г.) ситуация не только вернулась к исходному уровню, но и резко ухудшилась. Возросло массовое потребление суррогатов (и число случаев отравления ими), а в деревне самогонование стало нормой, расширялись контрабанда спиртного и спекуляция алкогольными напитками. Сегодня эффекты от жестких мер социального контроля над девиантностью (в том числе

¹ См.: Девиантность и социальный контроль... С. 30–42.

и введение «сухого» закона) хорошо изучены и оценены как неадекватные целям снижения социальных отклонений и алкоголизации населения. Однако время от времени к ним все же прибегают.

Первые отечественные исследования наркотизма относятся к концу XIX в.¹ В 1885 г. по заказу губернатора Туркестанского края С. Моравицким было проведено исследование, результатом которого стала его работа «О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской долины». Были выявлены и описаны виды наркотиков, способы их выращивания и употребления, количество посадок, цены на наркотики. Потребителей С. Моравицкий делит на случайных и привычных. В работе описаны случаи детской наркомании (7–13 лет) и процесс привыкания к наркотикам женщин. Делается вывод о социокультурной сущности наркопотребления, месте наркотиков в повседневных практиках. Говорится, что для мусульман наркотики выступают в роли заменителя алкоголя, они вплетаются в традиции, образ жизни, повседневную жизнедеятельность местного населения.

Аналогичное исследование было проведено Г. Гребенкиным в Самарской области (1876).

В конце XIX в. вышло несколько книг, посвященных истории наркотиков и алкоголя. В работе Н. К. Реймера «Яды цивилизации» (1899) содержатся сведения о структуре потребляемых наркотиков, социальном составе и образе жизни их потребителей, приводятся интервью с наркоманами².

В конце XIX – начале XX в. появляются исследования Л. Сикорского, показавшего в 1897 г. параллелизм роста уровня преступности и потребления алкоголя.

Однако более активное изучение проблемы пришлось на 1920-е гг.³

Большое значение для анализа социологии девиантного поведения и исследования всех негативных форм отклоняющегося поведения имели труды М. Н. Гернета («Преступность и жилища бедняков», «Социальные факторы преступности» и др.)⁴.

¹ См.: Девиантность и социальный контроль... С. 46.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. 638 с.

Русско-американский социолог П. А. Сорокин в своей работе «Преступление и кара, подвиг и награда», опубликованной в 1913 г., определял социальный феномен как «...социальную связь, имеющую психическую природу и реализующуюся в сознании индивидов»¹, т. е., согласно его точке зрения, всякое взаимодействие, обладающее психическим характером, есть социальное явление.

П. А. Сорокин выделяет три основные формы актов поведения людей: дозволенные, должные, рекомендуемые. Каждая из них существует в связке с соответствующей оппозиционной санкцией: рекомендуемым актам (подвиг и услуга) – награды, запрещенным (преступление) – кара, дозволенным – «должная реакция».

Преступление трактуется П. А. Сорокиным как психическое явление, но он не игнорирует и его социальное происхождение.

П. А. Сорокин считает, что кары и награды шаблонизированы, т. е. если человек совершил преступление, то за него устанавливается определенное наказание – в соответствии с «карательным прецедентом». Динамика кар и наград подчинена развитию общества от примитивных антагонистических форм через преодоление кастовых, сословных и классовых противоречий к современным демократическим структурам. В перспективе все акты поведения должны мотивироваться не внешними ожиданиями окружающих, а внутриличностными побуждениями, из которых основным является любовь к ближнему.

Проблема социального контроля анализировалась не только П. А. Сорокиным, но и другими российскими учеными и писателями: Н. А. Бердяевым, А. И. Герценом, В. С. Соловьевым и т. д.

В исследовании отклоняющегося поведения в России можно выделить несколько этапов.

На первом этапе (с конца XIX в. до 30-х гг. XX в.) изучались социальные проблемы и причины распространения алкоголизма и наркомании, социально-гигиенические и бытовые аспекты данной девиации, ее взаимосвязь с другими формами отклоняющегося поведения. Отечественные исследователи А. Н. Бунеев, А. А. Герцензон, С. Г. Жислин, К. В. Майстрах, Ю. П. Лисицын и другие разрабатывали методики обследования данной категории девиантов, а также искали пути

¹ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социол. этюд об основных формах обществ. поведения и морали. СПб., 1999. С. 66.

излечения и профилактики этого вида социальной патологии. В 1923 г. был создан Институт социальной гигиены Наркомздрава РСФСР, который координировал исследования социальных проблем наркомании, разрабатывал проекты борьбы с этим явлением через проведение массовых мероприятий и развитие санитарного просвещения¹.

Второй этап (с начала 1930-х до конца 1950-х гг.) определяется ликвидацией научных учреждений, изучающих разные формы девиантного поведения, свертыванием научных исследований, преследованием ученых, занимавшихся данной проблемой. Сама тема социальных отклонений стала запретной. Считалось, что в условиях социализма ликвидирована основная причина девиантного поведения – эксплуатация человека человеком. Утверждалось, что такие отклонения, как наркомания, проституция и преступность являются рудиментами капитализма и будут искоренены по мере строительства коммунистического общества. На этом этапе главенствовал репрессивный подход к девиантам.

Третий этап (с конца 1950-х до конца 1980-х гг.) можно охарактеризовать как период возрождения исследований девиантного поведения. Однако занимались проблемами наркомании не социологи (в силу целого ряда причин – от идеологических до кадровых), а психиатры, наркологи, юристы, медики и другие специалисты.

На четвертом этапе (в период перестройки) происходит всплеск интереса со стороны социологов к ранее запретной теме. В это время появляется громадное количество мелких локальных исследований, не подкрепленных глубоким методологическим анализом девиантного поведения как социального феномена². Шквал негативной информации вызвал своеобразный шок в обществе, а в некоторых случаях

¹ См.: Герцензон А. А. Преступность и алкоголизм в РСФСР. М., 1922. 329 с.; Лисицын Ю. П., Копыт Н. Я. Алкоголизм. М., 1983. 264 с.

² См.: Болотовский И. С. Наркомания. Токсикомания. Казань, 1989. 91 с.; Гришко А. Я. О наркомании среди подростков // Социол. исслед. 1990. № 2. С. 73–77; Дунаевский В. В., Стяжкин В. Д. Наркомания и токсикомания. Л., 1990. 206 с.; Кириллов И. М., Шиленко Ю. В. Отношение учащихся к употреблению спиртных напитков и токсических веществ // Социол. исслед. 1992. № 4. С. 51–55; Климова Г. Г. Изменения в алкогольном поведении молодежи // Социол. исслед. 1992. № 8. С. 90–97; Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск, 1990. 222 с.; Попов В. А., Кондратьева О. Ю. Наркомизация России – шаг до национальной катастрофы // Социол. исслед. 1998. № 8. С. 65–69.

данные социологов приводили к раскручиванию репрессивного механизма в отношении девиантов, провоцируя со стороны населения требования «сильной руки» и жесткой политики в отношении наркоманов.

Сегодня настало время взвешенных и глубоких теоретических исследований данной проблемы. Можно говорить о начале пятого этапа в изучении теории девиаций. Появляются монографические работы, исследовательские центры, разрабатывающие методологические подходы к анализу различных видов социальной патологии¹. Одним из основных направлений в изучении данной проблемы является выяснение комплекса причин девиантного поведения, поскольку, зная корни какого-либо социального явления, можно найти научные подходы к осуществлению профилактической и реабилитационной деятельности в отношении групп риска.

Отклоняющееся поведение рассматривается с позиций системного подхода – как проявление некоторых единых закономерностей и механизмов социального бытия, как естественный и необходимый результат эволюции социума. Девиации можно рассматривать в качестве одного из вариантов и путей адаптации культуры к перманентным социальным изменениям.

Проблема отклонений исследуется в контексте изучения *ментальной экологии человека*, его взаимосвязи с окружающими людьми, социумом. Душевная и духовная среда, естественное место обитания человека, влияет на социальное поведение (может мобилизовать, стимулировать к дальнейшему развитию, а может угнетать, настраивать на саморазрушение).

Философское видение проблемы позволяет выявить основные характеристики и детерминанты отклоняющегося поведения, а также некоторые аспекты влияния социальных институтов на структуру и развитие девиаций в социуме.

Социальные отклонения в контексте философских размышлений могут рассматриваться в рамках двух основных парадигм. Во-первых, отклонения трактуются как феномен изменчивости социального бытия, влияющий на процессы формирования и динамики трансформации духовно-нравственных, правовых, политических и других норм и ценностей.

¹ См.: Девиантность и социальный контроль...; Афанасьев В. С., Гилинский Я. И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1995. 240 с.

Во-вторых, социальные отклонения могут пониматься как попытка выхода конкретного индивидуума за рамки фиксированных стандартных форм поведения, детерминированная многофакторностью и многоаспектностью социального бытия и уникальностью индивидуальных социальных реакций.

Многоаспектный характер феномена социальных отклонений позволяет использовать методологическую базу родственных философии дисциплин и прежде всего социологии.

Осмысление феномена девиантности нашло отражение в трудах современных отечественных ученых – Ю. Д. Блувштейна, Я. И. Гилинского, А. В. Добрынина, Ф. Зака, В. Н. Кудрявцева, В. С. Нересянца, А. М. Яковлева и др.

Многие исследователи уделяют внимание проблемам, связанным с понятиями «социальная норма» и «отклоняющееся поведение» (В. С. Афанасьев, М. И. Бобнева, Л. М. Войтова, Я. И. Гилинский, В. Г. Карпов, В. Н. Кудрявцев, Т. В. Шипунова, А. М. Яковлев и др.).

Большое количество работ посвящено причинам отклоняющегося поведения – как общим (Я. И. Гилинский, И. Гофман, И. И. Карпец, Ю. Ю. Комлев, В. Н. Кудрявцев, Н. Х. Сафиуллин, Р. Ф. Хабриев и др.), так и конкретным, детерминирующим отдельные виды социальных отклонений (А. Г. Амбрумова, Б. С. Братусь, А. А. Габiani, Г. Г. Заиграев, В. Г. Карпов, А. М. Яковлев и др.).

Профилактике отклоняющегося поведения и государственной политике по предупреждению негативных социальных отклонений посвящены труды Г. А. Аванесова, И. Анденеса, Ю. Д. Блувштейна, Л. А. Волошиной, Я. И. Гилинского, С. И. Голода, В. Н. Кудрявцева, М. Лайне, Б. М. и М. Б. Левиных, А. Лепса, В. Ф. Пирожкова, М. Е. Поздняковой, А. Л. Салагаева, Л. И. Спиридонова, К. Шумана, А. М. Яковлева и др.

Социальные отклонения как фактор социального бытия являются предметом социально-гуманитарного познания. Отечественная философия имеет мощный фундамент эпистемологического характера, суть которого заключается в признании определяющей роли субъекта познания, его активного ценностного отношения к изучаемому объекту, влияния социально-исторических параметров на процесс развития общества. Работы В. П. Кохановского, В. Г. Кузнецова, В. А. Лекторского, Л. А. Микешиной, В. С. Степина, В. С. Швырева, В. Г. Федотовой и других ученых посвящены гносеологическим аспектам социальных отношений.

В 90-е гг. XX столетия стали появляться крупные монографические исследования комплексного характера. Так, методологический анализ феномена социальных отклонений, исследование основных форм отклоняющегося поведения и направлений социального контроля над различными проявлениями девиации представлены в работе Я. И. Гилинского «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений». Однако, несмотря на большое количество литературы по проблемам социальных отклонений и отклоняющегося поведения, основные концепции и идеи остаются дискуссионными.

Социальная ситуация возлагает на личность ответственность за выбор модели поведения: конструктивной или деструктивной, духовной или бездуховной, моральной или аморальной. Анализ детерминантов социального поведения возвращает нас к проблеме сознания, поскольку, по образному выражению известного героя М. А. Булгакова, «кризис начинается в головах».

Анализ понятий «кризисный мир», «кризисное бытие», «кризисное сознание» отсылает нас к основному вопросу философии – об отношении сознания к бытию, о соотношении духовного и материального. Актуализирована и проблема исследования различных форм проявления кризисного сознания: катастрофического, тревожного, патологического, манипуляционного, иллюзорного, маргинального, амбивалентного.

Категория «сознание» имеет много определений и толкований. В широком смысле сознание является интегративным ментальным состоянием, совокупностью психических процессов человека, обеспечивающих многообразие форм социального поведения.

Ментальность мы понимаем как архетипическую конструкцию, связанную с коллективным бессознательным, основанную на общности базовых потребностей и мотивов социального действия той или иной социальной общности, группы, общества.

В узком смысле под сознанием можно понимать меру проявления человеческого Я, сущностных качеств личности в процессе развертывания ее бытия. Это, прежде всего, духовная характеристика человека, его способность к рефлексии, стремление к идеальному, Божественному. Человек, по выражению Гегеля, «есть зеркало Бога, он есть добро в себе»¹. Сознание имеет общественную природу; отражая

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 258.

социальное бытие, формирует субъективную картину мира – целостную модель, предопределяющую социальное поведение человека и его взаимоотношения с другими и самим собой.

Философский подход к определению сознания в гегелевской традиции акцентирует внимание на такой его сущностной характеристике, как *способность соотноситься*, осознавать предмет. Сознание и жизненный мир рассматриваются в неразрывном диалектическом единстве как два соотносительных полюса, не существующих в отрыве друг от друга.

«Парадокс человеческой субъективности» (Гуссерль) заключается в том, что она одновременно есть и конституирующий мир субъект, и существующий в мире объект¹. Сознание интенционально по своей сущности, являясь смыслообразующим отношением субъекта сознания к окружающей действительности. Оно само есть некоторая соотнесенность, раздвоенность, разделенность внутри себя. Это означает, что отношение субъекта сознания к объекту отражения (внутренней и внешней реальности) амбивалентно, опосредовано как экзогенными, так и эндогенными факторами. Экзогенный подход характерен для теории отражения (сознание отражает бытие), эндогенный – для интенциональных теорий сознания (сознание направлено на некий объект, субъективно осмысливает и творит окружающий мир).

Сознание иерархично по своей сути. Структура сознания включает в себя следующие элементы: самосознание («Я-концепция»), рассудок как мыслящее сознание, разум как самосознающий рассудок и дух как высшую форму сознания, объединяющую в себе все другие формы².

Как же получается, что сознание личности деформируется? Когда начинается деградация личности и можно ли этот процесс повернуть вспять? Ответы на данные вопросы мы находим в работах русских философов.

Аксиологическая модальность российской социальности раскрыта в социально-философских дискурсах русских мыслителей. Николай Бердяев в работе «О назначении человека» рассматривает социальные отклонения как имманентные атрибуты парадоксальных отношений

¹ См.: Шкуратов И. Феномен настроения: пути к осмыслению // Phenomen.Ru: филос. журн. URL: <http://phenomen.ru/public/journal.php?article=23>.

² См.: Стожко К. П. Экономическое сознание. Екатеринбург, 2002. С. 24–26.

личности и общества¹. Мир социальных объектов, лишенный духовности и свободы, поработщает («объективирует») личность, стремясь превратить человека в часть общества. Личность как средоточие духовности стремится к прорыву свободы и творчества в объектный феноменальный мир, создавая мир свободной социальности («соборности»).

Трагизм, парадоксальность нравственной жизни понимаются мыслителем не как столкновение добра и зла, божественного и дьявольского, а как, в первую очередь, конфликт ценностей, противостояние «одного добра с другим добром, одной ценности с другой ценностью»². Нравственный конфликт человека окрашен трагизмом, поскольку ему предоставлена не просто огромная свобода в разрешении нравственных конфликтов, но и возможность «самому решить, что хуже и что лучше»³. «...Никакой закон, никакая норма не в силах помочь разрешить нравственный конфликт»⁴. Свобода ценностного выбора возникает, когда человек внешне свободен. В этом случае «трагизм из конфликта личности с социальной средой переносится во внутреннюю духовную жизнь»⁵. Человек есть существо оценивающее и определяющее иерархию ценностей⁶.

Социальная объективация современного общества, по мнению Н. А. Бердяева, протекает «под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма»⁷. «Иерархия ценностей определяется по принципу пользы, при совершенном равнодушии к истине. Духовная культура задавлена. Ставится вопрос даже не о ценностях, творимых человеком, а о ценности самого человека. Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живет, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью. Подмена целей жизни средствами есть очень характерный процесс человеческой жизни, которым многое объясняется»⁸.

¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 142.

² Там же. С. 139.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ См.: Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/carstvo.html>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Как нам представляется, русский мыслитель показывает, что принудительная социальность через созданные институты приводит к всеобщему отчуждению личности, кризису культуры и морали. Эта идея девиантной (деструктивной, кризисной) социальности как макро-социальной причины роста отклоняющихся моделей поведения присутствует во многих социально-философских концепциях.

И. А. Ильин определяет кризис как состояние человека, «в котором выступают скрытые силы и склонности <...> они как бы произносят сами над собою суд и переживают поворотный пункт; это их перелом, перевал; час, в который решается их жизненная судьба; это время их буйного расцвета, за которым начнется – или их преодоление и крушение, или же умирание того человека или того человеческого дела, которое было достигнуто кризисом»¹.

Человеку, по мнению И. А. Ильина, дана способность воображать содержание и предметы не вещественного характера. К таким предметам не вещественного порядка относятся мир человеческой души и мир духовного смысла, мир добра, зла, греха и нравственного совершенства, мир Божественного откровения, религии и таинств. Все это человек переживает нечувственным воображением, созерцанием, духовной интуицией. Наконец, человеку дана сила мысли, которая может осуществляться в формах отвлеченного, плоского, формального рассудка и форме разума, не только не противоречащего вере, сердцу и духовной интуиции, но творчески сочетающегося с ними.

Духовность человека связывается мыслителем с умением человека ориентироваться на идеал, «прилепляться к совершенному, предпочитать его, насаждать его, добиваться его, служить ему, беречь его и в случае надобности умирать за него»². При этом И. А. Ильин констатирует, что «большинство людей жаждет не духа, а наслаждений; трепещет... от земных, чувственных сладострастий всех родов и видов, пресыщаясь ими и хладея ко всему иному»³. Деформация личности проистекает, по мнению философа, из отсутствия духовной практики человека, стремлений к идеалам и объясняется неверием в Бога.

Идеи И. А. Ильина ориентируют нас на морально-нравственные основания сознания, определяющие духовные ориентиры личности

¹ Ильин И. А. Кризис безбожия // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 1. С. 332.

² Там же. С. 339.

³ Там же.

(идеалы). Субъектом сознания выступает человеческая личность, находящаяся в перманентном состоянии осмысления (рефлексии) и преобразования мира в соответствие с ее идеалами, мировоззрением и системой ценностей.

120-летний юбилей Питирима Александровича Сорокина возродил интерес научной общественности к творчеству мыслителя, эвристическому потенциалу его концептуальных подходов и прогнозов, предвосхитивших многие тенденции развития современного мира. Экстраполяция большинства его идей на нашу современную российскую действительность представляется весьма продуктивной, особенно при анализе феномена социальных отклонений.

Наш великий соотечественник обращался к парадоксам кризисных времен, когда «историческая обстановка повелительно возбуждает самостоятельность населения, его инициативу, активность, сознание»¹, на протяжении всего творчества, но особенно ярко его интерес к данной теме проявился в следующих трудах: «Преступление и кара, подвиг и награда», «Социология революции», «Современное состояние России», «Кризис нашего времени», «Главные тенденции нашего времени», «Социокультурная динамика», «Человек и общество в условиях бедствия», «Интегрализм – моя философия» и многих других.

П. А. Сорокин рассматривает социальные отклонения как с позиций объективности социокультурных систем, находящихся в перманентном движении по горизонтали, вертикали и в виде флуктуации (колебания от оптимальной величины), так и с учетом субъективного фактора – сложной, интегральной сущности самого человека, его ценностного мира.

По мнению П. А. Сорокина, социальные отклонения («преступления») проистекают из «вечной цикличности» социального развития, динамизма социальной среды и социального взаимодействия, вызывающего необходимость изменения шаблонов группового поведения². «Благодаря неодинаковой эластичности старых шаблонов у различных индивидов группы и благодаря тому, что не все индивиды стоят в одинаковом отношении к новым условиям, приспособ-

¹ Сорокин П. А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 483.

² Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда... С. 261.

ление к новым условиям шло и идет не одновременно... у различных членов, а одновременно, одни опаздывают, другие опережают...»¹. Отсюда проистекает конфликт шаблонов, принимающий сознательно-мотивированную форму: нарушение шаблона превращается в «преступление», реакция – в «наказание», «сверхнормальный» акт – в «подвиг», реакция – в «награду»².

Парадоксальность кризисных времен была зафиксирована и проанализирована во многих трудах П. А. Сорокина. В переходные периоды общество становится беспорядочным, поскольку система культуры и социальных отношений дезинтегрируются, порождая беспорядки и отклонения в поведении людей (самоубийства, душевные болезни, преступность, рост жестокости наказаний, экономическая нищета)³. Описывая последствия кризисных периодов, он отмечает: «Когда система норм и стандартов претерпевает шок и становится дезинтегрированной, кривая аномических самоубийств неизменно идет вверх»⁴.

В книге «Кризис нашего времени» рост числа социальных отклонений П. А. Сорокин связывает с переходом от одной фундаментальной формы культуры к другой: «когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью “атомизированными”, и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым», это неизбежно порождает борьбу «особой интенсивности, отмеченную широчайшей вариативностью форм»⁵.

В условиях социального кризиса, экономической нестабильности, когда сама социальная действительность оказывается девиантной (отклоняющейся от нормы), поведение людей становится все менее предсказуемым, резко увеличиваются масштабы социальных отклонений, нарастает социальная дезорганизация, серьезно угрожая социальному порядку. Социальный хаос начинается с ценностного релятивизма, преобразуя механизмы нормативности и детерминируя обновление системы значений и смыслов, посредством которых люди

¹ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда... С. 261.

² Там же. С. 262.

³ Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1996. С. 364

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Там же. С. 356–357.

осуществляют социокультурное коммуникативное. Кризис, создавая экономическую и социальную напряженность в обществе, способствует искажению аксиологического поля, превращая ценности в простые релятивные конвенции, приводя к деградации личности и увеличивая коммуникативные сбои в обществе.

На уровне индивида ценностный кризис проявляется в отсутствии твердых убеждений «по поводу того, что правильно, а что нет», и приводит к смене жизненных ориентиров: приоритетным становится поиск удовольствий и чувственных ценностей¹. «В таких условиях человек теряет всякий моральный или рациональный контроль и даже просто здравый смысл»². В обществе, состоящем из таких индивидов, неизбежны, по мнению социолога, «умножение конфликтов, жестокая борьба, в которую оказываются вовлечены как локальные группы и классы, так и нации»³.

П. А. Сорокин поставил вопрос о парадоксах и иллюзорности ценностей и идеалов, воспроизведенных в кризисные времена. Анализ исторических фактов позволил социологу сформулировать «особый закон», названный им «законом социального иллюзионизма»⁴, проявляющийся в революционные и переходные периоды. В обесценивании идеалов и обмане населения властями («верующими иллюзионистами») заключается трагичность кризисных времен: «слепые вели слепых и все упали в яму»⁵.

Анализируя процесс дезинтеграции господствующей суперсистемы, П. А. Сорокин вывел «закон позитивной и негативной поляризации», который позволяет понять причину роста социальных отклонений в поведении людей в кризисные времена⁶. В отсутствии кризиса в обществе преобладает ценностное и моральное единство, большинство людей располагается как бы в середине межполюсного пространства. Однако во времена великих кризисов общество имеет тенденцию к поляризации, которая объясняется П. А. Сорокиным тем, что индивиды и социальные группы на деморализацию общест-

¹ Сорокин П. А. Кризис нашего времени. С. 356.

² Там же. С. 358.

³ Там же.

⁴ Сорокин П. А. Современное состояние России. С. 430.

⁵ Там же.

⁶ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 214–215.

ва и кризисы реагируют по-разному: одни склоняются к негативной девиантности (нравственному разложению, эгоизму, бездуховности, цинизму, преступности, умственным и психическим расстройствам), другие укрепляют потенциал институциональных обновлений посредством морального возрождения, творчества, мобилизации воли, подвижничества и альтруистического перевоплощения (позитивная девиантность).

Причем обычно негативная поляризация превалирует над позитивной в начальный период кризисных времен, в то время как позитивная становится доминирующей на последнем этапе критического периода и после его завершения при условии, что общество, о котором идет речь, не погибает в катастрофе¹.

Высказанные П. А. Сорокиным идеи являются как никогда актуальными и продуктивными для понимания происходящих сегодня в России процессов, позволяют увидеть логику и тенденции развития кризисного социума.

Применив методологию и концептуальные идеи мыслителя к анализу отклоняющегося поведения, можно увидеть данный феномен в контексте закономерностей и механизмов социального бытия, как естественный и необходимый результат динамики социокультурных систем. Социальные отклонения представляются в этом случае одним из вариантов и путей адаптации культуры к перманентным социальным изменениям. Отсюда следует вывод о «нормальности» и естественности социальных отклонений в поведении людей.

В кризисном социуме нормы становятся подвижными и противоречивыми благодаря интерференции старых и новых правовых и моральных отношений, провоцируя моральную поляризацию общества. Негативная поляризация становится доминирующей, приводя к нравственной деградации различных слоев населения, порождая массовые отклонения (насилие, агрессию, преступность, эротизацию культуры, сексуальную распушенность, наркотизацию и алкоголизацию).

Кризисное состояние общества затрудняет процесс формирования официальных каналов вертикальной восходящей мобильности (социального продвижения), высшее образование (даже престижное) не выступает гарантом социальной карьеры и материального благо-

¹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. С. 241–242.

получия выпускников. В современном российском обществе продолжает сохраняться ситуация невостребованности высококвалифицированного интеллектуального труда и низкой его материальной оценки со стороны государства. В то же время «авантюрная» карьера, работа в предпринимательских кругах с темным (криминальным) прошлым кажется многим представителям молодежи быстрым «социальным лифтом», каналом, ведущим наверх, к вершине социальной стратификации современного российского общества. В результате этого в социуме наблюдается расхождение между декларируемыми ценностями и реальными возможностями и мотивами людей, нарушается равновесие между жизненными целями (например, стать богатым) и приемлемыми средствами их достижения.

Особенно актуален сегодня анализ культурных ценностей чувственной суперсистемы, доминирующей в современном российском социуме. Можно констатировать, что в обществе сложился тип потребительского поведения, ориентированный на гедонизм (желание испытать все возможные виды удовольствий), престижно-статусное потребление товаров и услуг. Под влиянием СМИ, рекламы и прочих инструментов информационно-пропагандистского манипулирования сознанием формируются рецептивные (достижительные) стратегии социального поведения, нивелирующие ценность труда, семьи, культуры и ведущие к нарастанию ценностного конфликта в обществе.

Ситуация нестабильности, социального эквилибризма деформирует сознание, приводит к дисфункциональной (неадекватной, ложной) адаптации личности к изменяющейся кризисной социальной среде. Экстраполируя идеи П. А. Сорокина на современную российскую действительность, можно сделать вывод о неизбежности кризиса социальных институтов в условиях системного кризиса общества.

Э. Гидденс предлагает интеграционный подход к анализу сознания. В структуре сознания он выделяет три компонента:

1. Дискурсивное сознание – рассудочный (понятийный, логический) уровень сознания – это «то, что акторы способны сказать о социальных условиях или дать этому вербальное выражение, в особенности – об условиях своих действий; осведомленность, которая имеет дискурсивную форму»¹.

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 498.

2. Практическое сознание – реализуемое практически, не всегда рефлекслируемое знание – «то, что акторы знают (или во что верят) о социальных условиях, включая, в особенности, условия их собственной деятельности, но не могут выразить это в дискурсивной форме»¹.

3. Бессознательные мотивы, познавательная способность актора, определяющая и санкционирующая деятельность «только в относительно необычных или нестандартных условиях, в ситуациях, которые некоторым образом нарушают привычный (рутинный) ход событий»².

Данная модель, исходящая из концепции практики и дуальности структур, позволяет видеть сознание как активное начало, конструирующее социальные структуры и одновременно находящееся под воздействием этих структур. Опираясь на эту модель, можно сделать вывод, что кризисные времена (нестандартные социальные условия), приводя к социальной «турбулентности» и дезорганизации, формируют кризисное сознание у части населения и парадоксальные формы адаптации человека к кризисному социуму.

Одной из объяснительных моделей причин увеличения социальных отклонений в кризисном социуме является парадигма «играизации», в рамках которой исследуется интеграция игровых социальных практик в жизненные стратегии индивидов. Западные мыслители (З. Бауман, П. Козловски, Дж. Ритцер), анализируя социокультурные реалии современности, показали нарастание в обществе, вступившем в фазу постмодерна, нестабильности и непредсказуемых флуктуаций. Одной из коллективных реакций на происходящие изменения становится играизация социальных практик, означающая «внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии»³.

Согласно синергетике, порядок, развитие общества не мыслятся без бифуркаций – определенных периодов, в которых флуктуации внешних и внутренних факторов развития, а также непредвиденные последствия действий людей достигают критического уровня, что влечет за собой неустойчивость, возможность различных вариантов

¹ Гидденс Э. Устройство общества. С. 500.

² Там же. С. 45.

³ См.: Кравченко С. А. Играизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Обществ. науки и современность. 2002. № 6. С. 145.

развития ситуации. В играизированном обществе меняются принципы социальной стратификации. Доступ к тем или иным играизированным практикам выступает и критерием для новой дифференциации. В результате играизация становится новой формой отчуждения, ведет к манипулятивным коммуникациям и регрессии, способствует воспроизводству деструктивности. Регрессия может варьироваться от роста алкоголизации и наркотизации населения до усиления тяги к социальным действиям, связанным с повышенным риском и мистикой. Индивиды преступают порог дозволенного, совершают иррациональные поступки. Складываются такие социальные типы, как «авантюристы» и «марионетки».

Как уже было сказано, играизация представляет собой внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет формироваться новому типу социальной адаптации в условиях парааномии. Парааномия предполагает стирание различий между объективной и субъективной реальностью, нарушение целостного мира смыслов, размывание идентичностей, культурных целей и институциональных средств их достижения. Согласно терминологии Ж. Бодрийяра, парааномия – это мир симулякров (искусственно созданные конструкции, лишенные объективных оснований¹) и симуляций.

Ежедневные социальные практики относятся к двум основным измерениям: социально-экономическому (бедность, снижение качества жизни, ситуация на рынке труда и т. д.) и духовному (набор специфических ценностных ориентаций, установок, мотиваций и интериоризированных норм). В кризисные времена ценностные компоненты сознания обретают вид симулякров.

Каковы основные характеристики кризисного сознания? Над этим вопросом размышляли многие философы – Т. В. Адорно, Ф. Ницше, П. А. Сорокин, М. Хоркхаймер, О. Шпенглер и др.

Если исходить из этимологии слова «кризис» (в пер. с гр. – суд, приговор, решение), кризис изначально понимался как некий момент истины, суд над системой и ассоциировался с возможностью решения противоречий, тормозящих ее развитие.

¹ Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В. Лидерство и аутсайдерство в молодежной среде региона // Социол. исслед. 2008. № 2. С. 78.

Изучение феномена кризиса имеет длительную историю: он интересовал еще древних греков. Так, древнегреческий глагол «krinein» обозначает ежедневное состояние жизни, которое требует что-то проверять и выбирать, на что-то решаться. Существительное «кризис» происходит от него, и можно найти различные варианты перевода этого слова: «различие», «разные возможности», «выбор» или «отбор», «разрыв», «недостаток», «решение» и др. А еще – «точка изменений», «переменный момент»¹. Интересно отметить, что китайский иероглиф, обозначающий кризис, состоит из двух образов, первый из которых – опасность, а второй – благоприятная возможность. Если говорить о философии кризиса, то его можно охарактеризовать как элемент динамического цикла «стабильность – кризис – новая стабильность». Кризис обнаруживает себя через череду необратимых изменений в системе, которые запускают в действие инновационные механизмы. Современный кризис обнажил нравственный конфликт между культурой и желанием бизнесменов получать сверхприбыли, противоречивость интересов элиты и простых людей, ситуацию потери контроля властей над социальной ситуацией.

Кризисное сознание в концепциях Ф. Ницше, О. Шпенглера, М. Хоркхаймера соотносится с предчувствием социальными субъектами гибели («заката») определенной социальной системы, культуры, цивилизации. Кризисное сознание противоречиво, поскольку отражает процессы необратимых изменений по замене норм и ценностей и формирование нового качества системы.

Кризисное сознание как отражение кризисных времен является предметом анализа и в современной отечественной социальной философии. Его особенности достаточно глубоко, на наш взгляд, проанализированы в работе Ж. Т. Тощенко «Парадоксальный человек» и ряде других современных исследований². Парадоксальность кризисного сознания связана с отражением в сознании субъектов кризисных вре-

¹ Мультитран: электронный словарь. URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=4&&MessNum=168570&l1=1&l2=2>.

² См.: Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2008. 543 с.; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социол. исслед. 2006. № 6. С. 26–36; Гусейнов А. А. Негативная этика. СПб., 2007. 36 с.; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. 272 с.

мен, поэтому проявляется в сочетании противоположных (нередко конфликтующих друг с другом) установок, ценностных ориентаций, отсутствии идеалов или наличии ложных (или псевдо-) идеалов, в постановке деструктивных целей. Ложные идеалы, как правило, аморальны, амбивалентны, эклектичны, не релевантны смыслозначимым ценностям, потребностям личности и жизненным целям и связаны с противоречиями в процессе социализации личности. При этом ложные идеалы могут быть проявлением дисфункциональной адаптации личности к изменяющейся внешней среде, попыткой выживания в кризисном социуме.

Пусковым механизмом социальных отклонений выступает напряженность потребностей и влечений, происходящая из невозможности удовлетворить их социально приемлемым и эффективным способом. В основе причинной обусловленности социальных отклонений находится отчуждение как социальное противоречие, характеризующее состояние современного общества, которое постоянно воспроизводит отчужденную личность, готовую к использованию любых средств и способов ухода от действительности.

Социальные отклонения могут быть различных видов и их классификация возможна по самым разным основаниям:

1. *По характеру социальных последствий.* При позитивных последствиях отклонения служат средством развития системы, повышения уровня ее организованности, преодоления устаревших стандартов поведения (например, социальное творчество во всех его проявлениях – техническое, научное, художественное и т. д.); при негативных – дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию (преступность, терроризм, коррупция, агрессия, наркомания, пьянство и др.), выступают формой персонификации социального зла.

2. *По применяемым санкциям:*

- уголовно наказуемые виды отклоняющегося поведения, связанные с нарушением законов, юридических норм;

- уголовно ненаказуемые виды девиаций, связанные с нарушением моральных норм. Иногда этот вид поведения называют «преступление без жертв», однако от такого рода действий страдают сами нормонарушители (например, сексуальная неразборчивость, фанатизм или курение).

3. По характеру нарушенной нормы различают следующие виды девиаций:

- психические – отклонения от норм психического здоровья;
- физические – отклонения от норм физического здоровья, антропологических стандартов (включая рост, вес и т. д.);
- социальные – отклонения от социальных и культурных норм.

4. В зависимости от степени тяжести. По данному критерию определяются патологические и непатологические формы отклоняющегося поведения. В каждом из этих типов известны следующие подтипы девиантного поведения:

- антидисциплинарное поведение, связанное с нарушением дисциплины, установленных правил общежития;
- антисоциальное, связанное с нарушением традиций, обычаев, принятых в данной социально-культурной среде;
- аутоагрессивное, связанное с агрессией, направленной на самого себя (например, самоубийство);
- делинквентное, связанное с противоправными деяниями;
- криминальное поведение, связанное с преступными действиями.

5. По отношению общества к отклонениям дифференцируют следующие их виды:

- социально одобряемые отклонения (например, героизм, «трудоголизм», новаторство);
- социально осуждаемые девиации (все разновидности негативных форм отклоняющегося поведения: наркомания, пьянство, преступность и т. д.).

6. По степени распространения известны следующие девиации:

- индивидуальные – единичные, малораспространенные виды отклонений;
- массовые – широко распространенные виды отклонений, присущие многим представителям социума.

7. По очередности возникновения:

- первичные девиации – разовые, незначительные отклонения на фоне поведения, в основном соответствующего нормам;
- вторичные девиации – повторные, рецидивные проступки, существенные отклонения в поведении, осуждаемые окружением и расцениваемые как «неправильные»; могут возникнуть в ответ на стигму (ярлык), который социум наклеивает на человека, совершившего незначительный проступок (первичная девиация).

8. В зависимости от локализации, места протекания девиантных процессов можно выделить отклонения:

- реальные – протекающие в социальном пространстве;
- виртуальные – протекающие в виртуальном пространстве.

Между различными типами социальных отклонений существует прочная взаимосвязь: уголовно ненаказуемое действие (например, употребление наркотиков) может привести к уголовно наказуемым последствиям (например, наркоман совершает кражу, чтобы найти деньги на приобретение очередной дозы наркотиков); позитивные и негативные девиации зачастую вызываются одними и теми же социальными причинами (социальной неустроенностью, социальным неравенством, нарушением прав человека и др.).

Границы между позитивными и негативными отклонениями подвижны, в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры. Этим обусловлена сложность изучения, отслеживания, предупреждения каких-либо форм отклоняющегося поведения, особенно в молодежной (инновационной) среде.

1.2. Проблема адекватности социального контроля

Проблема социального управления и регулирования негативных социальных отклонений является наиболее актуальной и одновременно вечной философской проблемой. Остановимся на ней более подробно.

Одной из ключевых категорий при анализе девиантности является категория социального контроля как механизма социальной регуляции. Социальный контроль неотделим от отклоняющегося поведения, хотя в целом это понятие имеет более широкое философское значение.

Уже на заре человеческой цивилизации общество пыталось вводить социальный контроль и жестко карать за отклоняющееся поведение. Исторически первоначальной реакцией общества было запугивание, подавление, физическое уничтожение людей, в чем-то непохожих на других, нарушающих общепринятые устои. Использовались самые жестокие карательные меры: тюрьмы, пытки, гильотины, виселицы, костры, четвертования и другие формы наказания. Но даже самые суровые из них не искоренили девиантное поведение, а лишь доказали его социогенную природу и бесплодность репрессивной практики социального контроля.

Социальный контроль рассматривается, во-первых, как часть общего процесса социализации, формирующего внутренний контроль на основе индивидуальных самооценок, что уменьшает значение внешнего контроля; а во-вторых, как основа саморегуляции социальной системы, обеспечивающей упорядоченное взаимодействие составляющих эту систему элементов посредством нормативного регулирования.

Социальный контроль выступает также в качестве одного из важнейших звеньев управленческого процесса, рассматривается такими науками, как социальное управление, менеджмент, социальное прогнозирование и др. Контроль является связующим звеном между управленческим решением и его исполнением. Социальный контроль в данном контексте может быть понят как механизм достижения целей управляющей элиты. В связи с этим очевидна связь между социальным устройством, целями правящей элиты и практикуемыми формами социального контроля.

Мы будем рассматривать социальный контроль в широком философском смысле как совокупность процессов социального регулирования на различных уровнях: глобальном, социетальном, институциональном, групповом и индивидуальном. Социальный контроль – это механизм, обеспечивающий управляемость общества и реализацию целей социального управления.

Социальный контроль – это механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка, устранения, нейтрализации или минимизации нормонарушающего поведения¹.

Социальный контроль включает в себя всю совокупность средств и методов воздействия общества на субъектов отклоняющегося поведения с целью минимизации его последствий как для общества, так и для самой личности.

Социальный контроль, его цели и формы исторически видоизменялись, развиваясь вместе с нормами и социальными отклонениями.

Дефиниция «социальный контроль» введена в научный оборот французским ученым Габриэлем Тардом, представителем психологического направления в социологии. В первоначальной трактовке термин означал средство возвращения правонарушителя к нормальной

¹ Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 213.

жизни. Г. Тард рассматривал социальный контроль как фактор социализации личности. Позже представители чикагской социологической школы стали характеризовать социальный контроль как целенаправленное влияние общества на индивида в целях обеспечения в обществе социального порядка.

Проблема порядка и социального контроля рассматривалась в большинстве философских теорий (Платон, Аристотель, Конфуций, И. Фихте, Г. Гегель) и обсуждалась многими мыслителями (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин, Ч. Спенсер и др.). Были определены основные методы социального контроля (поощрение и наказание), классифицированы формы социального контроля (внутренний и внешний, формальный и неформальный и др.), описаны механизмы регуляции социального поведения (аттитюды, диспозиции, социализация личности и др.).

Кроме того, были названы основные институты социального контроля, начиная с семьи и школы и заканчивая закрытыми (тотальными) учреждениями (психиатрические клиники, монастыри и тюрьмы), а также предложены различные модели социального контроля¹.

Социальный контроль представляет собой механизм поддержания общественного порядка и управляемости.

Среди основных функций социального контроля можно выделить следующие:

- карающая – наказание нарушителя социальных норм;
- селективная – «выбраковка» неудачников социализации и нонконформистов, вытеснение их на «социальное дно», и наоборот, социальное продвижение конформистов;
- охранительная (адаптивная) – формирование уважения к традициям, культурным нормам, помощь в адаптации в той или иной социальной среде, поддержание целостности общества.

Социальный контроль зиждется на двух главных элементах:

- 1) нормах – системе правил и предписаний относительно того, как следует себя вести;
- 2) санкциях – средствах поощрения или наказания, стимулирующих людей к соблюдению социальных норм.

¹ Кравченко С. А., Мнацаканян М. О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998. С. 364.

Люди обычно ориентируются не только на нормы, но и на санкции. Если у какой-либо нормы отсутствует санкция, она перестает регулировать реальное поведение, переходит в разряд деклараций, «лозунгов» и уже не может быть механизмом социального контроля. Санкции вносят элемент предсказуемости в поведение людей.

Рассмотрим некоторые способы осуществления социального контроля.

Одним из них выступает социальный контроль через *социализацию*. В любом обществе люди приобретают социально значимые навыки поведения через социализацию. В процессе воспитания, обучения и усвоения жизненного опыта старших (под влиянием обычаев, традиций и привычек) дети бессознательно усваивают роли, необходимые им во взрослой жизни. В литературе часто приводится следующий убедительный пример. Как заставить женщин выполнять тяжелую домашнюю работу? Это возможно через социализацию, систему воспитания, усвоение еще в детстве девочкой роли жены, матери, чтобы она во взрослой жизни не представляла себя без семьи и с удовольствием выполняла свои обязанности, чувствовала бы себя несчастной, будучи лишенной их.

Задача социализации – воспитание законопослушных граждан, которые *хотят* действовать так, как они *должны* действовать в качестве членов данного общества. В силу этого социализация может выступать способом осуществления социального контроля.

Еще одним важным способом социального контроля выступает *самоконтроль*, т. е. человек становится способен сам регулировать свое поведение. По сути, самоконтроль является итоговой характеристикой социализации, воспитания, самовоспитания и самоактуализации личности. Люди, достигшие такой стадии развития, практически не нуждаются во внешнем контроле, действуют на основе интериоризованных социальных норм и личностных принципов. Внутриличностный источник регуляции формируется первоначально на эмоциональном уровне (стыд), а в дальнейшем – на когнитивном (совесть) и практическом (выбор поступков) уровнях.

Следующим способом социального контроля является контроль, связанный с *групповым давлением*. Практически в каждой группе существуют свои неписанные правила, нормы-предписания, которые соблюдаются ее членами, и в случае их нарушения группа карает деви-

анта (это могут быть неформальные негативные санкции: бойкот, замечания, насмешки, игнорирование, изгнание и т. д.; неформальные позитивные санкции: интенсивные контакты, одобрение, поддержка и т. д.). То есть группа (особенно референтная) реализует прежде всего неформальный контроль за поведением ее членов. Такой вид контроля может быть очень эффективным (А. С. Макаренко успешно использовал его в воспитательной практике), а может быть жестким и деструктивным (вспомним фильм «Чучело»). Однако в силу замкнутости и «диффузности» групповых образований выработанные в них нормы и санкции специфичны и действуют лишь в рамках этих групп.

Среди способов формального социального контроля следует отметить принуждение. В каждом обществе существует система формального контроля за поведением граждан: законы, система санкций и наказаний.

Само принуждение может выступать в двух формах:

- запретительно-карательной (антигуманной) – как попытка регулировать социальные отношения с помощью репрессивных мер, применяя насилие и унижая человеческое достоинство девиантов;

- предупредительно-реабилитационной (гуманной) – через предупреждение, профилактику различных форм девиантного поведения, гуманное отношение к девианту, разработку программы реабилитации в случае пребывания человека в тюрьме или клинике (подготовка к возвращению к нормальной жизни и выполнению своих социальных ролей).

Исследования показывают, что используемые сегодня средства социального контроля над девиантностью в силу своего несоответствия гуманистическим целям являются неэффективными. Идет поиск адекватных мер социального контроля, помогающих минимизировать девиантное поведение. Проблема является столь сложной, что многие представители постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко) ставили вопрос о принципиальной невозможности реализации мер социального контроля в эпоху хаоса и девиантогенности общества. Полиция, пенитенциарная система, тотальные учреждения превратились в негативные социальные институты, не решающие стоящие перед ними задачи.

М. Фуко размышлял над проблемами социального контроля и его результативности. В работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) он попытался доказать на исторических примерах, что эффективность наказания определяется его неотвратимостью, а не

зрелищным воздействием «карательного театра»: не ужасность зрелища публичного наказания, а именно неизбежность этого наказания должна отвращать от преступления.

М. Фуко ставил задачу анализа «микрофизики власти». Именно вездесущая власть создает новые формы репрессии, к которым он относит риторику «правового государства» и «прав человека». Человек предстает в его работах «Интеллектуалы и власть», «Воля к власти», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» как нечто описанное и жестко заданное в нормативном правовом пространстве, и тем самым отношения человека к миру, к другим и к себе полностью отдаются на откуп власти. Власть представлена М. Фуко как технология тотального надзора над индивидами, повсеместно реализованного в семейных, школьных, трудовых, лечебных, армейских, тюремных практиках, когда каждый человек следит за каждым. «“Паноптикон” Бентама – архитектурный образ этой композиции»¹. «Принцип его нам известен: по периметру – здание в форме кольца. В центре – башня. В башне – широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры, каждая из них по длине во всю толщину здания. В камере два окна: одно выходит внутрь (против соответствующего окна башни), а другое – наружу (таким образом вся камера насквозь просматривается). Стало быть, достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру посадить по одному умиlienному, больному, осужденному, рабочему или школьнику»². Основная цель паноптикона – привести индивида к осознанию того, что он находится в состоянии постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти. Такая схема «позволяет совершенствовать отправление власти, предусматривая для этого несколько путей. Она уменьшает число представителей власти, одновременно увеличивая число людей, подлежащих ее воздействию. Она делает возможным вмешательство власти в любой момент, и ее постоянное давление действует даже раньше, чем совершены проступки, ошибки или преступления»³.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 285.

² Там же. С. 291.

³ Там же. С. 300–301.

Фуко ищет выход из ситуации тотального контроля, превращающего людей в роботов, в исследовании стилей существования, возникающих в малых сообществах: женских, гомосексуальных, дзенских, в наркотической гедонистической культуре Калифорнии и т. д.

Современный социальный мир – это пространство повышенной сложности, в котором сосуществует множество общностей с различающейся культурой, субкультурой, находящихся на различном уровне исторического развития. Нарастающее «глоболокальное» многообразие, пронизанное бифуркациями, увеличивает масштабы эмерджентных эффектов и приводит к утрате стабильности социальных систем. Нелинейное развитие мира формирует нелинейное, плюралистическое общественное сознание с уникальными групповыми и индивидуальными слоями, с разрывами и парадоксами¹.

Изменяющийся социальный мир столкнулся с кризисом управляемости. Система жесткого социального контроля поведения людей оказалась неэффективной в новых условиях. Начался поиск релевантных и результативных форм контроля. В очередной раз повысилось исследовательское внимание к неформальным средствам социального контроля.

Социокультурный анализ истории России позволяет увидеть образцы аутентичного решения проблем, связанных с регулированием отклоняющегося поведения. Интересен опыт сельской крестьянской общины как основы общественного самоуправления и естественного неформального социального института, контролирующего все стороны жизни крестьян. Коллективная порука, ответственность общины за соблюдение норм и обычаев минимизировали социальные отклонения и регламентировали отношения между ее членами и внешними социальными организациями. Сочетание формального и неформального контроля, позитивных (возможность быть избранным старостой, принимать участие в общих сходах и решении важных для общины вопросов) и негативных (сельская расправа, суды) санкций, группового контроля и ценностного единства делало сельскую общину гибким институтом с адекватными формами регулирования системы отношений в крестьянском социуме. Трудовая мораль, коллективные работы, забота о каждом человеке – все это повышало значимость общинных

¹ Кравченко С. А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социол. исслед. 2007. № 3. С. 3–12.

отношений и мотивировало на соблюдение норм и традиций. Поиск исторически релевантных форм социального контроля является актуальной научной и практической проблемой.

О важности неформального социального контроля в городе рассуждал американский исследователь, представитель современного поколения чикагской школы Альберт Хантер. Он показал влияние на поведение горожанина феномена соседства как уникального образования, представляющего собой сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни¹.

«Огромное разнообразие типов соседств породило многочисленные попытки их систематизации. Доналд и Рачел Уоррен предложили положить в основу типологизации соседств три различных измерения: самосознание (*identity*) – как много людей чувствуют, что они связаны с соседями; взаимодействие (*interaction*) – как сильно взаимодействие между соседями и как часто они ходят в гости друг к другу; взаимосвязь (*linkages*) – есть ли связи соседств с обществом вне их и какова природа этих связей»². «На основании этих критериев Уоррены идентифицировали шесть типов соседств: интегральное, приходское, диффузное, переходное, аномическое, “ступенчатое”»³.

Опираясь на эту типологию, М. Готдинер выделяет в современном американском городе следующие типы соседств:

1. Этническая городская деревня – наиболее близкая патриархальной общности Уорренов группа горожан с сильной доминирующей субкультурной ориентацией в каждодневной жизни. Это стабильная коммуна с мощным самосознанием и высокой интенсивностью взаимодействия. Она занимает незначительное городское пространство и зачастую лишена определенного политического влияния. Соседство такого рода отличают высокая степень развития двух первых характеристик (самосознание и взаимодействие) и низкий уровень – последней (взаимосвязь). Подобные сообщества детально изучены социологами и городскими антропологами.

¹ См.: Вагин В. Социология города. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php.

² Там же.

³ Там же.

2. Взаимодействующие соседства среднего класса характеризуются высокими показателями в каждом измерении. Соседства такого рода широко представлены в пригородах, населенных семьями среднего возраста. Названные общности также неплохо изучены.

3. Диффузные соседства широко изучены в рамках исследований сетей взаимодействия горожан. Это сообщества без соседских взаимосвязей. В большинстве случаев такое соседство имеет сильную направленность на внешние контакты – с людьми вне пределов сообщества. В некоторых случаях толчок членам сообщества к выработке общих ценностей и ритуалов дает чувство принадлежности к месту.

4. Аномические соседства характерны для бедных частей города. Этот тип сообщества отличают низкий уровень избирательной активности и низкая степень организованности, а также низкий уровень межсоседских контактов из-за боязни стать жертвой преступления (высокий уровень преступности характерен для данных районов). Соседство такого рода отличается низким уровнем развития всех трех характеристик, предложенных Уорренами.

5. Переходный. Резиденты в такого рода соседствах высоко мобильны. Они живут на одном месте до той поры, пока их устраивает потенциал данной территории. Например, наличие хорошей школы для семей с детьми. Как только их перестает устраивать данное место (дети вырастают), семья выбирает для жительства другое место (ближе к местам отдыха в центральной части города). Соседи такого рода проявляют значительный интерес к ценностям места, в котором они живут, достаточно активно участвуют в делах сообщества. Соседства такого типа часто встречаются в пригородах.

6. Оборонительные соседства – еще один часто встречающийся тип сообщества, в котором главной задачей является защита места проживания от внешней угрозы. В качестве таковой может быть попытка заселения района представителями иных расовых, национальных меньшинств или семьями более низкого статуса. Активную защитную реакцию вызывает также стремление властей или девелоперов реконструировать часть окружающего пространства. Соседства такого типа отличают высокая интенсивность межсоседских контактов, высокая степень взаимодействия резидентов, а также нацеленность на внешние по отношению к сообществу цели. За-

частую контакты между соседями сохраняются и после переезда на новое место жительства¹.

Исследования Уорренов показали, что соседство как устойчивое территориальное социальное окружение может выступать фактором социального контроля и программирования поведения горожанина, задавая определенные нормы стиля жизни. В благополучных районах, где проживает средний класс, криминогенная ситуация намного лучше за счет активности и равнодушия людей и их оперативного обращения в полицию в случае столкновения с нестандартной ситуацией. В маргинальных же районах, напротив, происходит виктимизация населения из-за субкультурных особенностей и ментальности представителей этих субкультур.

Итак, сегодня исследователи и политики все чаще говорят о «кризисе наказания», признавая неэффективность социального контроля над девиантностью. Принят ряд международных правовых актов, направленных на ограничение репрессий и защиту прав подсудимых (в частности, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания – резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г.). Наиболее эффективной считается *практика предупреждения преступлений и других девиаций*, их постоянное вытеснение, замена на социально одобряемые, полезные обществу и индивиду формы и виды поведения. Однако такая практика нуждается в поддержке государства, эффективном функционировании институтов социальной политики и социализации личности, создании системы социальных институтов поддержки и сопровождения девиантов, что могут себе позволить только развитые страны.

Основные направления социального контроля сегодня следующие:

- выяснение природы и социальных корней девиантного поведения;
- вытеснение опасных форм патологии нейтральными;
- выбор некриминогенных средств решения любых общественных проблем;
- легализация и государственный контроль «преступлений без жертв» (например, проституции);

¹ Вагин В. Социология города.

- разработка адекватных моделей профилактики девиантного поведения;
- реализация целевых программ социальной поддержки групп риска;
- реадaptация и ресоциализация (повторная социализация) преступников и других девиантов, включающая систему реабилитационных мероприятий.

Таким образом, социальный контроль над девиантным поведением представляет собой целостную систему различных регуляторов поведения: государственных и общественных институтов, норм права, морали, обычаев, традиций, установок. Способами социального контроля выступают механизмы, регулирующие общественные отношения путем создания, поддержания и воспроизведения стандартов, образцов поведения, определяющих права и обязанности индивида¹.

В нашей стране за годы социализма сложилась запретительно-карательная система санкций, применяемая к девиантам. При этом в России не созданы институты профилактики и социального сопровождения девиантов. Репрессивная практика контроля отклоняющегося поведения продолжается и сейчас, отвергая доводы здравого смысла. По мнению работников пенитенциарной системы, карательные меры еще никого не исправили, наоборот, тюрьмы становятся своеобразным «институтом повышения квалификации» для преступников, где они обмениваются опытом и еще больше озлобляются². Почему это происходит даже сегодня, в период перехода к рыночной экономике, демократизации общества?

Можно отметить следующие основные причины:

- консерватизм, ригидность (жесткость) сложившегося карательного механизма, наличие бюрократического аппарата, не заинтересованного в отходе от привычных норм работы;
- острый дефицит квалифицированных сотрудников, владеющих методами психологической и социальной реабилитации аутистов, не имеющих стереотипов репрессивной практики работы (основанной на унижении человека и физическом принуждении);

¹ См.: Социальный контроль над девиантностью / под ред. Я. И. Гилинско-го. СПб., 1998. 196 с.

² См.: *Гернет М. Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Харьков, 1930. 264 с.; *Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве* / под ред. В. Абрамкина. М., 1996. 240 с.; *Хохряков Г. Ф.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991. 222 с.

- отсутствие института социальных работников, призванных работать с девиантами, курировать и опекать их в процессе адаптации к нормальной жизни;

- незрелость системы институтов реабилитации: приютов, ночлежек, кризисных центров, лечебно-профилактических учреждений (бесплатных), домов матери и ребенка (для отверженных семей несовершеннолетних матерей) и т. д.;

- сохранение у граждан репрессивного сознания, веры в эффективность репрессивной политики как средства решения социальных проблем (на уровне обыденного сознания даже сложились устойчивые речевые конструкции – «борьба» с алкоголизмом, «борьба» с наркоманией и другими формами девиантного поведения; многие убеждены, что в случае отмены смертной казни количество преступлений резко возрастает);

- отсутствие опыта организации групп самопомощи и поддержки (например, анонимных алкоголиков, больных наркоманией и т. д.).

Таким образом, характер социального контроля изменяется в соответствии с изменениями, происходящими в обществе.

Он может быть *жестким* (репрессивным). В этом случае неизбежен социальный застой, так как минимизируются социальные инновации, устанавливается конформизм, не приветствуются новые формы поведения (т. е. социум не развивается).

Слабый социальный контроль является неэффективным, повышает неустойчивость социальной системы (ее энтропию). Это приводит к хаосу, увеличению количества различных форм отклоняющегося поведения, нарастанию социальной деструкции. Поскольку данный тип социального контроля не нацелен на предупреждение отклоняющегося поведения, у большинства населения нет уверенности в неотвратимости наказания в случае совершения девиантного поступка.

Гибкий социальный контроль основан на учете новых социальных реалий и потребностей социальной системы в конструктивном изменении. Он сочетает целенаправленное воздействие социальных институтов, специально призванных осуществлять социальный контроль (карательных и судебных), а также традиционных институтов социализации личности (семьи, образования, средств массовой информации) и неформальных социальных групп (соседских общностей, групп самопомощи, дружеских компаний, объединений по интере-

сам). Гибкий социальный контроль позволяет обеспечивать превенцию и профилактику нежелательных форм поведения и минимизировать социальные последствия негативных девиаций.

Социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию и социализацию (усвоение норм индивидами); поощряет соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; порицает или наказывает за нарушение норм. Если институты находятся в кризисе, дисфункциональны, они могут воспроизводить деструктивные ценности и аномичные отношения и мутировать в теневые структуры.

1.3. Наркотизация общества как социально-философская проблема

Всем известно, что наркотические вещества несут большие несчастья и беды любому человеку: зависимость, «ломку», физическую и психическую деградацию, страдания близких, потерю работы, учебы, семьи, раннюю инвалидизацию и смерть. Но при этом известно, что наркотики обладают специфическим эффектом эйфории («кайфа»): приводят человека в состояние необычной легкости, восторга, блаженства, душевного покоя или же дают неописуемую остроту ощущений при восприятии красок, запахов, звуков. Именно стремление к безудержному наслаждению, безмерному удовольствию и лежит, по мнению большинства специалистов, в основе злоупотребления человеком наркотиками и другими психоактивными средствами¹. Социальное явление распространения, злоупотребления наркотиками получило название «наркомания», или «наркотизм».

Прежде всего необходимо определиться с ключевым понятием – «наркотик». *Наркотик* (от гр. *narkotikos* – растительный препарат, вызывающий бесчувственное сонное оцепенение, «нарке») – это вещество, оказывающее мощное воздействие на психику и поведение человека. Его систематическое потребление способно приводить к формированию психической и (или) физической (физиологической) зави-

¹ См.: Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»; Габияни А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы: кн. для учителя. М., 1990. 221 с.

симости – наркомании, а также состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме наркотиков и дискомфорт при отсутствии такой возможности.

Вещество признается наркотиком по трем критериям: медицинскому, социальному и правовому. Это означает, что, во-первых, оно оказывает особое действие на центральную нервную систему (изменяет поведение человека), во-вторых, его употребление принимает опасные для общества масштабы, в-третьих, прием данного вещества регламентируется нормативными документами. К психоактивным веществам, воздействующим на социальное, личностное, психическое и физическое здоровье детей и молодежи, по мнению специалистов, помимо собственно наркотиков следует относить также никотин и алкоголь, включая так широко рекламируемое пиво¹.

Сегодня в мире известно 100 наркотиков и около 50 психотропных препаратов, обладающих наркотическими свойствами. От вида наркотического средства зависят степень эйфории («кайфа») и характер абстинентного синдрома («ломки»)².

Наркомания (от гр. *nark* – оцепенение и *mania* – безумие, страсть) – это форма аддиктивного (зависимого) поведения, заключающаяся в патологическом влечении к наркотическим веществам. Именно так наркомания определяется в социальных науках. Медициной наркомания рассматривается как заболевание, для которого характерны физическая и психическая зависимость от наркотических средств, приводящие к физиологическому истощению организма и разрушению личности человека.

Различают узкое и широкое понимание наркомании. В широком смысле наркомания – это немедицинское употребление наркотиков, транквилизаторов и других психотропных препаратов, а также токсических веществ, табака, алкоголя (включая слабоалкогольные напитки) и даже чрезмерное употребление социально разрешенных наркотиков – кофе, чая, шоколада. В узком смысле под наркоманией подразумевается незаконное употребление запрещенных наркотических веществ.

¹ Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения: Всемирная история наркотиков. 1500–2000. М., 2004. С. 8–12.

² Подробнее см.: Белогуров С. Б. О наркотиках и наркоманах. СПб., 1997. С. 10–30; Иванова Е. Н. Как помочь наркоману. СПб., 1997. С. 16–35.

Наркоман – это лицо, поставленное на учет в специализированном медицинском учреждении с диагнозом «наркомания».

В нашей стране не существует единой статистики и учета наркопотребителей. Между тем, социально-демографический состав потребителей наркотических средств представляет значительный научный и практический интерес. Имеющиеся многочисленные локальные данные, которые к тому же собираются по различным методикам, не могут дать полной и объективной картины степени наркотизации общества, тем более претендовать на репрезентативность.

Известно, что наркоманы – это преимущественно молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Среди потребителей наркотических средств и наркоманов явно преобладают мужчины. Соотношение женщин и мужчин в разных регионах страны составляет от 1:2 до 1:6. За последние десять лет количество наркоманов увеличилось более чем в 12 раз, преимущественно в молодежных группах. По самым осторожным оценкам, потребителем психоактивных средств постоянно или эпизодически является каждый двадцатый житель нашей страны. Страшные цифры можно приводить и дальше, но решение надо искать не только в количественной оценке явления, но и в качественном его осмыслении.

В социально-философском аспекте наркомания – это *специфический деструктивный образ жизни*, пусковым механизмом которого является кризис идентичности, напряженность потребностей и влечений, сочетающаяся с невозможностью их удовлетворения социально приемлемыми и эффективными способами. Для потребителей наркотиков характерна тенденция к ценностному кризису, разрушению сознательной воли субъекта, проистекающая из рассогласованности между жизненными целями личности и возможными способами их реализации.

Причиной наркотизма, на наш взгляд, является отчуждение как социальное противоречие, характеризующее состояние современного общества, которое постоянно воспроизводит личность с особым типом сознания, готовую к использованию любых средств для решения своих проблем и любых способов ухода от действительности.

При этом современное общество является девиантогенным, поскольку коррупционные отношения становятся неписаной нормой жизни, порождают процессы институционализации негативных социальных практик. Девиантогенное пространство и отчужденная личность в их взаимодействии являются основой для роста социальных отклонений.

Понятия «наркомания», «наркоман», давно используемые наукой и в практике, не полностью отражают складывающуюся наркоситуацию в обществе, поскольку они игнорируют *социальную сущность* наркозависимости. Вот почему сегодня наука все чаще рассматривает проблему наркозависимости через понятие «наркотизм».

В специальной литературе данное понятие появилось не так давно – в 70-е гг. XX столетия. Оно было введено для обозначения негативного социального явления, характеризующегося приобщением граждан к немедицинскому потреблению наркотических и психотропных веществ, и позиционировалось как нетождественное понятию «наркомания», которое служит для обозначения именно заболевания, т. е. по своей природе является сугубо медицинским.

Таким образом, «наркотизм» – это качественно иное, чем «наркомания», понятие, оно является более широким и объемным, поскольку подразумевает не только медицинские (биологические), но и социальные и правовые аспекты употребления и распространения наркотиков, т. е. более глубоко выражает сущность этого сложного социального явления.

В философии под наркотизмом понимается прежде всего социальное явление, сущность которого состоит в приобщении к употреблению наркотиков отдельных групп населения. *Этот термин характеризует процесс распространения в обществе наркотических веществ, его феноменологию (сущностные свойства) и этиологию (комплекс детерминирующих причин).* Социальная медицина определяет наркотизм как негативное социальное явление, обусловленное неблагоприятными условиями внешней среды и антиобщественной ориентацией личности, которое выражается в незаконном умышленном потреблении наркотических веществ, причиняющем вред здоровью человека и представляющем опасность для общества.

В процессе научного осмысления феномена наркотизма проявляются новые его дефиниции и смыслы. Например, в области права понятие «наркотизм» определяется как общественно опасное явление, выражающееся в незаконном потреблении и иных незаконных действиях с наркотическими веществами, над которыми установлен специальный международно-правовой и внутригосударственный контроль.

В аллегорической, образной форме процесс наркотизации можно представить как некий континуум (беспрерывное образование).

На одной стороне его – однократная «дегустация» наркотического вещества, на другой – крайняя форма зависимости от наркотиков, когда их употребление превращается в одну из важнейших жизненных потребностей человека (наряду с дыханием, питанием и т. д.) и приводит к социальной смерти (выпадению из социума).

Мы понимаем под наркотизмом процесс распространения и характер потребления наркотических веществ как социально и культурно детерминированное явление, связанное не только с активными действиями наркопреступников, но и с противоречиями ценностного освоения мира и формированием деструктивного образа жизни субъекта деятельности. Таким образом, мы рассматриваем наркотизм в контексте множественной детерминации.

Несмотря на наше желание по мере возможности уклониться от оценочных суждений, все же следует признать, что наркотизм представляет собой явление социально негативное, так как оказывает долгосрочное отрицательное воздействие на общественный организм, производя в нем нежелательные изменения и деформации. Причем это явление распространяется буквально на все сферы жизни общества: на общественное производство и положение экономики в целом, состояние обороноспособности, физическое и духовное здоровье нации и ее культуру, процесс воспроизводства населения, на преступность (ее состояние, структуру и динамику) и т. д.¹. При масштабности и разнообразии возможного и фактически причиняемого обществу вреда наркотизм лидирует по динамике распространения среди молодежных отклонений.

Понятие нормы применительно к наркопотреблению может быть продемонстрировано на примере так называемого *медицинского потребления* наркотиков – обезболивающих средств, психостимуляторов, снотворных и др. и *немедицинского потребления* – без назначения врача, в дозах, превышающих назначенные, применение после отмены назначения или прием иных средств, нежели назначенные врачом, – т. е. *злоупотребления* наркотиками.

Наркомания, так же, как алкоголизм и курение, является формой аддиктивного (зависимого) поведения. Процессу потребления наркотиков сопутствует физическая и (или) психическая зависимость.

¹ Прохорова М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С. 14.

Под *физической зависимостью* понимается такое состояние организма, когда при прекращении приема средств, вызвавших зависимость, наблюдается развитие абстинентного синдрома. *Абстинентный синдром* («ломка») – комплекс специфических болезненных симптомов, которые исчезают лишь после приема определенного наркотического средства или его заменителя. Это бессонница, судороги, головная боль, боль в мышцах и суставах, насморк, желудочно-кишечные расстройства и т. п. Употребление наркотиков часто приводит к привыканию: чтобы достигнуть того же «обезболивающего» эффекта, дозу приходится постоянно увеличивать.

Психическая зависимость – еще более тяжелое проявление и следствие наркомании. Это такое состояние организма, для которого характерна патологическая потребность в приеме какого-либо средства с тем, чтобы избежать психологического дискомфорта, вызванного прекращением приема этого средства. Психическая зависимость превращает процесс наркопотребления в образ жизни, сужает жизненный горизонт и постепенно разрушает генетику социального поведения, изменяя потребности, идеалы и цели человека. Кстати, как мы уже говорили, наркотическим средством может быть не только наркотик или алкоголь, но и кофе, чай, табак, лекарства и целый круг явлений, вызывающих зависимость (хождение по магазинам, игры, виртуальные коммуникации, музыка, работа и др.).

Психическая зависимость проявляется в том, что наркоман, как образно описывают это состояние наркологи, испытывает к наркотикам чувство «любви». Он так же, как и влюбленный, все время думает о предмете своих желаний, постоянно ожидает встречи с ним и стремится к нему, радуется, если эта встреча вот-вот состоится, тоскует и нервничает, если она откладывается, готов на все, чтобы все время быть рядом с наркотиками.

Исследования, проводившиеся с середины 1990-х гг., позволили увидеть некий новый знаковый смысл наркопотребления в молодежной среде. Если в недавнем прошлом оно было элементом ритуальных церемоний, то для современного потребителя наркотиков это занятие не попутное, а имеющее собственную ценность. Он принимает наркотики ради самих наркотиков, и целью его являются ощущения как таковые, причем чем полнее и ярче эти ощущения, тем лучше.

Речь идет о возможных (суррогатных) формах реализации базовых социальных потребностей молодого поколения через процесс совместного употребления наркотиков. Прежде всего, это реализация таких значимых потребностей, как принадлежность к группе и идентификация с ней, достижение статуса значимого (взрослого) человека, самореализация, самоутверждение и коммуникация в среде сверстников, общение с представителями противоположного пола, ценностное самоопределение и поиск смысла жизни, желание получить новый социальный опыт, новые впечатления и разнообразные удовольствия.

Анализ результатов профилактики злоупотребления наркотиками среди несовершеннолетних и молодежи показывает ее низкую эффективность. Опережающие темпы роста больных с диагнозами «наркомания» и «токсикомания» среди подростков объясняются запаздыванием выявления групп риска среди несовершеннолетних и низкой эффективностью работы с ними. Иными словами, подростки попадают в поле зрения субъектов профилактики уже после того, как оказываются в достаточно сильной зависимости от наркотических веществ¹.

Необходима такая организация антинаркотической профилактики деятельности на местах, которая бы сформировала новое социокультурное пространство и вовлекла в профилактику все здоровые интеллектуальные, нравственно-волевые, культурно-ценностные, мировоззренческие и профессиональные ресурсы.

Такую работу, прежде всего, необходимо вести на уровне образовательных учреждений – школ, колледжей, вузов, где локальная оценка наркотической ситуации должна основываться на своеобразном общественном договоре всех участников образовательного процесса (обучающихся, их родителей, педагогического корпуса) о неприятии наркотиков, о внутреннем укладе, своеобразном «этическом кодексе», который исключает наркотики из социального пространства этого учреждения. Сегодня данный подход реализуется в практической деятельности через проекты «Школа без наркотиков», «Пространство, свободное от курения» и др. Именно учебное заведение, объективно являясь центром воспитательного пространства в микрорайоне проживания детей, должно инициировать и развивать конст-

¹ Черкесов В. В. Ключевые проблемы профилактики злоупотребления психоактивными веществами несовершеннолетними и молодежью. URL: <http://www.Antipav.ru>.

руктивное взаимодействие всех участников профилактического процесса как в самом учреждении (обучающиеся, педагоги, родители), так и вокруг него (полиция, социальные и медицинские службы, молодежные клубы, общественные и религиозные объединения и др.) в целях реализации комплекса превентивных мер, формирования безопасной для жизни и здоровья детей среды.

Анализ наркоситуации может осуществляться на разных уровнях: государственном, региональном, муниципальном и локальном.

Оценка наркоситуации на муниципальном уровне – там, где переплетаются интересы и ценности конкретных людей, семей, образовательных учреждений, муниципальных, государственных, общественных организаций; где сталкиваются пути молодого человека и наркоторговца, ценности здорового образа жизни и ценности пронаркотической субкультуры, проводимые через «улицу», должна приводить к организации взаимодействия всех социальных структур в целях противодействия распространяемому злу¹.

Мы рассматриваем антинаркотическую профилактическую деятельность как социально-философскую проблему, поскольку связываем ее с процессом ценностного освоения мира и сознательной волей субъекта, воспитанием ценностного сознания и субъектной личности. Решение этой проблемы должно основываться на идее социального партнерства, на принципе взаимодействия специалистов различных социальных практик. Синергетический эффект усилий всех заинтересованных государственных и общественных структур позволит найти пути регулирования и управления процессом распространения эпидемии наркотизма в современном обществе.

По вполне понятным причинам – в силу своей общественной опасности – феномен современного наркотизма давно стал объектом исследования различных наук. Однако для большинства исследовательских работ, обращенных к этой проблеме, характерны две особенности.

Первая особенность – это узкопредметный подход, что связано с использованием категориального аппарата какой-либо одной науки: медицины, психологии, биологии, социологии, антропологии и др.

¹ Филиппов В. М. Ключевые проблемы профилактики злоупотребления психоактивными веществами несовершеннолетними и молодежью // Наркология. 2004. № 1. С. 2–6.

Вторая особенность – своеобразный презентизм большинства исследований, т. е. попытка познать феномен современного массового наркотизма в отрыве от его более чем пятитысячелетней истории. В этом случае получается, что массовый наркотизм – это порождение именно современной цивилизации; между тем, данное явление имеет глубокие исторические корни и определенные социально-культурные предпосылки, игнорировать которые при анализе его современного состояния нельзя.

По нашему мнению, весьма полезно было бы взглянуть на феномен современного наркотизма (преимущественно молодежного) с культурно-исторических позиций. Такой подход позволил бы решить несколько исследовательских задач. Во-первых, разработать типологию наркотизма и выявить отличия и специфику современного наркотизма в сравнении с теми его формами, которые складывались на протяжении всей истории человечества, во-вторых, установить определенную преемственность современного наркотизма и его предшествующих, и даже архаических, форм.

Несмотря на то, что наркомания стала одной из сложнейших общественных проблем совсем недавно – лишь в XX в., опыт употребления наркотических веществ имеет тысячелетнюю историю. Самые первые литературные источники, мифы и легенды разных народов рассказывают о существовании двух параллельных миров: жестокого реального мира, где много несправедливого, есть зло, обман, разочарования, и мира идеального, в котором царят доброта и любовь. Человек втайне всегда мечтал хотя бы ненадолго оказаться в таком раю – там, где нет забот и тревог, печалей и проблем.

В силу природной любознательности человеку нетрудно было заметить, что природа в изобилии предлагает ему растения, которые повышают настроение, прибавляют сил, вылечивают раны, вызывают необычное состояние духа и иллюзию исполнения желаний. На протяжении последних пяти тысяч лет наблюдались периодические всплески наркомании то в одних, то в других странах. Фактов использования различных растений, вызывающих физиологические и психические изменения в организме человека, накоплено предостаточно¹. Приведем некоторые из них.

¹ Социальная педагогика: учеб. пособие / под общ. ред. М. А. Галагузовой. М., 2001. С. 241.

Археологам давно известно, что люди каменного века знали опиум, гашиш и кокаин, использовали эти наркотические вещества для изменения сознания в ходе религиозных обрядов или при подготовке к сражению. Существует упоминание об употреблении на Ближнем Востоке еще в V тысячелетии до н. э. так называемых злаков радости (по всей видимости, опиумного мака). На стенах погребальных комплексов индейцев Центральной и Южной Америки есть изображения людей, жующих листья коки (один из способов приема кокаина), датируемые серединой III тысячелетия до н. э.

На глиняных табличках, найденных при раскопках в шумерском городе Ниппуре, обнаружены рекомендации по приготовлению и употреблению опиума для утоления боли. Шумеры называли его «гиль», что означает «радость»¹. Однако нужно иметь в виду, что факт использования наркотика в одной культуре не дает нам права предполагать, что и в других культурах в это же самое время люди знали этот наркотик и употребляли его.

Древнегреческий историк Геродот в одной из своих книг рассказывал о воинственном кочевом народе – скифах, живших на севере от Черного и Каспийского морей. Он писал, что среди древних скифских племен принят обычай курения каких-то трав: «...они садились вокруг дерева, бросали в разводимый костер какие-то плоды и опьянялись дымом от этих плодов, как опьяняются вином»².

Головка мака фигурирует также во многих мифах Древней Греции как символ забвения, прекращения боли, мук, страданий. Древние греки верили, что цветок мака вырос из слез Венеры, которые она проливала, узнав о смерти своего дорогого Адониса; считали его необходимым атрибутом бога сна – Гипноса и его родного брата, бога смерти – Танатоса. Засохший млечный сок надрезанных коробочек мака – опий (опиум), по-видимому, применяли уже в раннюю эпоху греческой культуры XIV–XII вв. до н. э. Тремя коробочками мака увенчана голова статуи богини исцеления того времени.

Использование в первобытном обществе растений, обладающих сильными психоактивными свойствами, строго контролировалось колдунами, жрецами, шаманами. У истоков почти всех первобытных религий стоят психоактивные растения, которые были тонко вплете-

¹ См.: Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения... С. 26.

² Шуратова С. Г. Наркомания. Алма-Ата, 1990. С. 3.

ны в священные обряды и повседневные традиции народов, сопровождали человека с момента рождения и до самой смерти. Более того, согласно древним обычаям, наркотики употребляли только избранные и только с определенной целью; самовольное употребление наркотических средств влекло за собой самое суровое наказание. Благодаря этим верованиям и запретам многие народы были защищены от разрушающего действия наркотиков.

Позднее, когда были открыты лекарственные свойства этих растений, содержащуюся в них наркотическую субстанцию стали использовать в медицинских целях. Мак, гашиш, галлюциногенные грибы помогали людям переносить боль и забывать страх. Вплоть до XIII в., пока крестоносцы не привезли с Ближнего Востока опиум, они были основными наркотическими веществами в Европе. XVIII в. придал употреблению наркотиков политическую окраску. Их стали применять с целью подчинения одного государства другому: массовое употребление наркотиков приводило к разрушению здоровья целых наций, уничтожению государств.

Массовое употребление наркотиков в Европе началось только в XIX в. Этому во многом способствовали, с одной стороны, начавшееся промышленное производство опиума, с другой – литературная мода того времени. Поэты и прозаики, принимая наркотики, в основном гашиш или опиум, входили в состояние галлюциногенных снов, в которых и создавали свои произведения, часто описывая прелести наркотического состояния.

В начале XX в. в американских литературных кругах широко пропагандировалось употребление марихуаны – как средства, способного изменить состояние психики и сделать духовную жизнь человека богаче. Писатели и журналисты сами на себе ставили эксперименты, описывая потом в своих произведениях впечатления, фантастические видения, кажущиеся необыкновенно реальными. В 1960–70-х гг. это дало толчок к массовым экспериментам с наркотиками, особенно в студенческой среде. Зарождается движение хиппи, среди которых оказалось много интеллигенции – врачи, философы, психологи, верящие, что наркотики смогут изменить общество. Однако гибель молодых людей, принимающих наркотики, массовые отравления, расстройства психики заставили общество искать новые подходы и смыслы в вопросе употребления наркотиков.

Наиболее обоснованным аргументом против наркотизации общества стал следующий тезис: постичь тайны своего состояния, вызванного употреблением наркотических веществ, может только подготовленный человек, обладающий знаниями в области медицины, психологии, философии, необходимыми для правильного восприятия и осмысления эффектов, производимых наркотиками. Поэтому ученые попытались предложить молодежи новые пути достижения необычного эмоционального состояния – такие, как система медитативных упражнений, йога, музыка, а наркотики вернуть в стены научных лабораторий.

Отношение государственной власти к наркотикам и наркопотреблению сильно отличалось в разные периоды и у разных народов: от прогибиционизма (запрета и преследования за потребление) до терпимости и даже благожелательности.

В начале XX в. мировое сообщество начало предпринимать первые совместные шаги по решению проблемы наркотизма. Уже в 1912 г. был принят первый многосторонний международный договор по контролю над наркотиками – Гагская конвенция. Сегодня международный контроль над производством и распределением наркотических средств и психотропных веществ осуществляется на основе Единой конвенции о наркотических средствах (1961) и Конвенции о психотропных веществах (1971).

Во многих странах отношение к наркопотреблению сегодня смещается от политики войны с наркотиками к политике меньшего вреда. Так происходит в Нидерландах, Швейцарии, Великобритании, Австралии. Однако применяется и третий путь – сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам (например, в Швеции).

В Советском Союзе наркомания более-менее открыто существовала только в Средней Азии. С 1970-х гг. эта проблема начала приобретать все большую остроту, но о наркотизации общества по-прежнему было не принято говорить публично. Лишь в 90-х гг. прошлого века, когда начался лавинообразный рост числа наркоманов, пришло понимание сложности этого явления и беспомощности государства в решении данной проблемы.

В последние десятилетия в России употребление несовершеннолетними и молодежью наркотических и других психоактивных веществ превратилось в проблему, представляющую серьезную угрозу

здоровью населения, экономике страны, социальной сфере, правопорядку. На сегодняшний день в России количество наркопотребителей, по самым осторожным оценкам, превышает 10 млн чел. (почти 7 % населения). Думается, что для осмысления этого показателя будет немаловажным следующий факт. В документах Всемирной организации здравоохранения отмечается: если доля наркоманов в структуре населения составляет семь или более процентов, то начинают происходить необратимые процессы деградации населения¹.

Однако, как показывают последние статистические данные, пик распространения наиболее тяжелой наркотической зависимости – опиатной (героиновой) – пройден в России в 2000 г. С этого года отмечается снижение потребления героина, что стало отчетливо заметно в 2002 г. Но вряд ли это является следствием эффективной первичной профилактики.

Сомнения в том, что снижение потребления героина связано с эффективностью новых профилактических программ, вызывают следующие факты.

Во-первых, как показывает мировой опыт, эффект от профилактики в наркологии наступает через 5–10 лет, а общероссийская программа начала реализовываться только с 2000 г.

Во-вторых, профилактические программы работают на снижение потребления всех психоактивных веществ. У нас же в последнее время и официальная статистика, и социологические исследования фиксируют существенный рост употребления алкоголя (как правило, в виде пива и других слабоалкогольных напитков) именно в подростковой среде. Отмечается также рост употребления других наркотических веществ – стимуляторов и галлюциногенов².

В-третьих, замечено, что наркотизация населения всегда идет волнообразно. Периоды подъема чередуются с периодами спада. Это связано со многими факторами: с изменением «моды» на наркотические средства, закрытием одних каналов поставки и появлением других и т. д. Если в 90-е гг. прошлого века потребление наркотиков было элементом престижно-статусного поведения, модным, необычным,

¹ Позднякова М. Е. Социальные и психологические предпосылки наркотизации // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М., 2001. С. 534.

² См.: Егорова А. Ю. Актуальная проблема профилактики аддиктивного поведения. URL: <http://www.Antipav.ru>.

элитным, то в начале XXI в. знаком социального статуса и атрибутом общения в молодежной среде становится пиво. Ни одна молодежная тусовка, коллективное настроение которой подогревается навязчивой рекламой, не обходится без вопроса «Кто пойдет за...?». Причины замены наркотизма пивным алкоголизмом в современном российском обществе требуют своего отдельного исследования, но имеющиеся данные доказывают сходность детерминирующих их социальных причин.

В странах, где произрастают наркотические растения, общество давно учится вырабатывать социальную технику безопасности. Складываясь в тесном взаимодействии с теми или иными наркотиками, культура народа сама начинает вырабатывать защитные механизмы, препятствующие сплошной наркотизации населения. Так, например, во многих странах существует запрет на употребление алкогольных напитков лицами, не достигшими определенного возраста, или запрет на употребление наркотиков после серьезных нравственных испытаний личности (смерть близких, паломничество, боевые действия и др.).

В России также с давних времен существует запрет на употребление алкоголя и табака лицами, не достигшими определенного возраста. Он, кстати, действует и по сей день (ст. 4 Федерального закона Российской Федерации № 7-ФЗ от 10.07.01 г. запрещает продажу табачных изделий лицам, не достигшим 18 лет), однако его воздействие не очень эффективно¹.

Проблема наркомании в нашей стране в последние годы становится крайне актуальной. На распространение наркотиков непосредственное влияние оказывают продолжающийся до сих пор кризис всех сфер общественной жизни, сложные и неустойчивые социально-экономические условия жизни, способствующие неуверенности в завтрашнем дне, разрушение традиционных и общепринятых идеалов, стереотипов, моральных ориентиров без какой-либо адекватной замены, рост преступности.

Специалисты отмечают, что в последние годы Россия стала крупным рынком сбыта наркотиков. «В геополитическом плане наша страна оказалась на путях мировых потоков наркотиков, стала пограничной страной по отношению к тем странам и регионам, в которых

¹ Об ограничении курения табака: Федер. закон № 7-ФЗ от 10.07.2001 г. в ред. от 10.01.2003. URL: <http://www.businesspravo.ru>.

наркобизнес является одним из основных средств получения денег для закупки оружия, ведения войн, осуществления террористических актов. В самой России и граничащих с ней странах появились опасные наркозоны – Чечня, Таджикистан, Казахстан и др., что влияет на распространенность наркотиков в масштабах всей страны»¹.

Наркотизация общества приносит огромный экономический, социальный и моральный ущерб государству в виде прямых и косвенных потерь общественного труда. По свидетельству экспертов Всемирной организации здравоохранения, на борьбу с медико-социальными последствиями приема наркотиков уходит не менее 3 % валового национального дохода. Заболевания, связанные с наркотической зависимостью, ежегодно дают около 10 % всех случаев смерти и около 20 % всех госпитализаций.

Проведя краткий ретроспективный анализ историко-культурной наркотизации общества, можно достаточно определенно сказать, что в употреблении наркотических веществ людьми разных культур и народов есть определенное сходство. С одной стороны, длительность потребления человеческим обществом наркотиков свидетельствует о том, что они выполняют определенные, иногда жизненно важные социальные функции: анестезирующую (снятие или снижение боли); седативную, успокаивающую (снятие напряжения); психостимулирующую (подобно чаю или кофе); интегративную (объединение людей с определенной целью); идентификационную (принадлежность к определенной субкультуре).

С другой стороны, имеются значительные различия, что предопределяет существование разных типов наркотизма. Обобщение материала позволило выработать следующие критерии типизации данного явления:

1. Характер потребляемых наркотиков (легкие или тяжелые, данные природой, как маковый сок, или созданные в лаборатории путем переработки или химического синтеза).

2. Социальный статус наркопотребления в социально-культурной среде (одобрение или осуждение, принятие за норму или, напротив, признание отклоняющимся поведением).

¹ Наркомания: Ситуация, опыт, профилактика / под общ. ред. М. Е. Поздняковой. М., 2000. С. 7.

3. Социальная среда, социальная база, которая охватывает определенный тип наркотизма. (Есть наркотизм богатых, есть наркотизм бедных, молодежный наркотизм, восточный наркотизм, западный наркотизм и т. д. Естественно, что каждый социальный слой, который образует основу того или иного типа наркотизма, привносит нечто своеобразное и в характер наркомании.)

4. Функции, которые выполняют наркотики в социально-культурной среде или культурно-исторической эпохе. (Набор этих функций каждый раз весьма специфичен, начиная от религиозно-ритуальных обрядов и вплоть до содействия политической карьере, политическому лидерству, как это было у Гитлера.)

На основе предложенных критериев можно выделить следующие *типы* наркопотребления.

Первый тип наиболее древний – это *религиозно-ритуальный (патриархальный) наркотизм*. Он существовал еще у древних индейских племен – ацтеков и инков. Сегодня практикуется некоторыми племенами Африки, и главная его функция – помочь избранным, которые употребляют наркотик, достичь состояния психического транса и таким образом приобрести некие сверхспособности, помогающие поддерживать религиозность соплеменников и свою власть над ними, «зомбировать» и наказывать девиантов¹. Этот тип наркопотребления основан на возможности наркотиков приводить к изменению состояния сознания, хотя оно может достигаться и другими способами. Религиозно-ритуальный наркотизм особенно широко был развит и до сих пор существует на Востоке, хотя его модификации встречаются по всему миру.

Второй тип – *бытовой (восточный) наркотизм*. В Средней Азии, как и во многих странах Востока, употребление наркотиков (в основном растительного происхождения – гашиша и марихуаны) является элементом культуры (курение кальяна – ритуально-бытовое действие, разрешенное для старейшин) (напомним, что прием алкоголя запрещен Кораном). Курение кальяна на Востоке – давняя традиция, это часть образа жизни, и хотя оно носит бытовой характер, однако не приводит к массовой наркомании. Следует подчеркнуть, что этот ритуал доступен только относительно обеспеченным, духовно развитым людям, достигшим зрелого возраста, совершившим паломничество.

¹ См.: Капа-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. С. 11–12.

Бытовое употребление наркотиков в этой группе воспринимается как норма. Основные функции употребления наркотика в данном случае – ритуальная и престижно-статусная (выделение престижной группы, которой культурной средой разрешено употребление данного наркотика), и лишь вторичное значение имеют для принимающих наркотик расслабление, получение удовольствия, возможность уйти в мир грез и фантазий (гедонистическая функция).

Третий тип – *медицинский («лечебный») наркотизм*. Историю медицинского применения опиума принято вести от Гиппократ (440–377 гг. до н. э.). В его трудах упоминаются свойства 300 лекарственных растений, в том числе там есть ссылка на вещество, называемое меконином, которому приписывается наркотическое действие. Более определенное упоминание о млечном маковом соке можно найти у Теофраста (около 350 г. до н. э.). В его работе слово «меконин» обозначает опиум и рекомендуется при глазных болезнях и психических расстройствах.

Еще в древности люди распознали обезболивающие свойства многих наркотиков, и врачи экспериментировали при лечении тяжелых заболеваний, используя их. В Средние века и затем в Новое время врачи всерьез заинтересовались возможностью использования наркотических средств в качестве обезболивающего, но массовое распространение наркотики получили в медицине только в период Первой мировой войны. Впоследствии это породило волну морфинизма и кокаинизма у демобилизованных военных. Странно то, что врачи долгое время не замечали опасного побочного действия наркотиков на людей.

Четвертый тип – *элитный наркотизм* (богемное употребление наркотиков). Богемное употребление наркотиков – это наркотизм элиты, наркотизм склонных к девиациям художественных, творческих слоев общества. Но это в основном наркотизм одиночек. Само по себе творчество уже выступает своеобразным отклонением от нормы, являясь позитивной формой девиантного поведения. Богемное употребление основано на использовании возбуждающего, повышающего умственную и физическую энергию эффекта от приема наркотиков. Употребление наркотиков для стимулирования творчества стало своего рода традицией, модой в среде художественной интеллигенции.

В отечественной истории есть немало фактов употребления наркотиков известными литераторами. Ими «баловались» и Михаил Булгаков, и многие поэты Серебряного века (речь в основном идет о морфии и кокаине). Известно, что Владимир Высоцкий в последние годы жизни употреблял наркотики, как и многие современные поп- и рок-звезды. В книге «Anti/Фабрика. Flirt-Nime. Анатомия одного реалити-шоу, или История про живых людей» Милы Мичевой – радиоведущей, продюсера клубных вечеринок, знающей изнутри реалии элитных тусовок, описан богемный стиль употребления наркотиков как неотъемлемой части «светской» жизни и общения сильных мира сего¹.

На Западе картина аналогичная, но там богемное употребление наркотиков получило новое развитие во время молодежной революции 1960–70-х гг., когда была провозглашена психоделическая революция и употребление наркотиков как форма достижения измененного состояния сознания, психического транса было обосновано идеологически (главным идеологом стал Т. Лири). Исследования психоделических препаратов, осуществленные Станиславом Грофом, открыли возможности для описания трансперсональных переживаний человека, расширили поле для анализа бессознательного и позволили увидеть необходимость изучения межкультурных и ценностных связей людей². Поэтому мы считаем возможным выделить особый – пятый – тип употребления наркотиков – *протестный наркотизм* (как элемент контркультуры). Психоделическая революция была очень тесно связана с молодежными «революциями» в области секса, рок-музыки и социального неприятия всех основных ценностей стандартного буржуазного существования.

Шестой тип наркотизма – это *маргинальный наркотизм*, преобладающий в «пограничных» социальных группах и среди социальных аутсайдеров. Наиболее ярко он проявился во время вооруженных конфликтов между Великобританией и Китаем в середине XIX в., получивших название «опиумные войны», возникших в связи с тем, что английские торговцы ввозили в Китай опиум для массового потреб-

¹ Мичева М. Anti/Фабрика. Flirt-Nime. Анатомия одного реалити-шоу, или История про живых людей. М., 2006. 320 с.

² См.: Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992. 335 с.

ления бедными слоями. Доступность, дешевизна наркотиков, тяжелые условия труда и быта – вот главные предпосылки, которые обусловили широчайшее распространение опиума.

Основная цель приема наркотиков представителями «социального дна» – бегство от повседневности, серых будней, серьезных жизненных проблем, создание собственного иллюзорного мира, достижение временного состояния расслабления, получение ярких впечатлений, структурирование свободного времени. Данный тип наркопотребления характерен для большинства маргинальных групп, меняется лишь вид наркотических веществ, среди которых преобладают самые дешевые и низкокачественные. Так, например, сегодня среди безнадзорных детей и подростков распространен такой способ употребления наркотиков, как вдыхание токсических веществ (паров клея «Момент», красок, ацетона и т. д.).

И, наконец, седьмой тип – это *современный молодежный наркотизм*, который зародился в 1970-х гг. и пик которого пришелся на вторую половину 1990-х гг. Этот тип наркотизма весьма специфичен. Для него характерны свои особенности процесса потребления наркотиков, мода на те или иные их виды и новые цели наркопотребления. Для современного потребителя наркотиков это занятие не попутное, а самоценное. Он принимает наркотики ради самих наркотиков, и целью являются ощущения как таковые, причем чем полнее эти ощущения, тем лучше. Исходя из этого выбираются препараты и способы их введения¹. Особенности этого типа потребления связаны со спецификой молодежи как особой социальной общности и будут проанализированы в третьей главе данного исследования.

¹ Девиантность и социальный контроль... С. 246.

Глава 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ

2.1. Сущностные характеристики социальных институтов

Современный мир эпохи «постмодернити» становится все более непредсказуемым, опасным и неустойчивым, превращаясь в общество тотального риска и массовых отклонений. Социальные и экономические катаклизмы, террористические атаки, техногенные и экологические катастрофы принимают глобальные масштабы, поражая по принципу цепной реакции одну за другой все страны мира. Аномальность современного социума воспринимается как норма. Тотальная дестабилизация порождает фрагментацию общества, социальную эксклюзию и маргинализацию социальной жизни. Нормы эволюционируют, превращаясь в ненормальные (с точки зрения культуры и здравого смысла) явления, вызывая к жизни массовые формы асоциального поведения: коррумпированность отношений и мышления, эгоцентризм, аморальность, бескультурие, цинизм. Социальные отклонения как феномен социальной реальности постоянно привлекают внимание исследователей, но, тем не менее, их природа, виды, причины, последствия остаются недостаточно изученными. Отсюда – низкая эффективность деятельности институтов социального контроля и социальной политики государства, фрагментарность решения социальных проблем, в том числе и в отношении субъектов отклоняющегося поведения.

Социальные отклонения – системное социокультурное явление, требующее конкретно-исторического междисциплинарного и мультипарадигмального анализа. Инерционность российской политической системы с ее вертикальным ручным управлением, с ее пороками – бюрократизмом и вездесущей коррупцией при слабом развитии гражданского общества становится фактором, провоцирующим (или редуцирующим) рост девиантности.

Декомпозиция социальной устойчивости подразумевает отчуждение власти и гражданского общества, разрыв преемственности в русской культурной традиции, ослабление интегративной силы социума, конфликт жизненных укладов, интересов и ценностей различных (множественных) социальных общностей и групп, рост социаль-

ной инклюзии и социальной уязвимости части населения, противоречивость рыночной и экологической идеологии и политики (на различных уровнях), установок на эксплуатацию ресурсов и их воссоздание, защиту. Кризисность общества усиливает фрагментарность (клиповость) бытия, формирует установку на обладание вещами как маркерами социальной устойчивости, преуспевания.

Кризисные условия существования людей требуют ресоциализации и реадaptации к изменившимся ценностям и ментальности для поддержания интеграционной меры общества и формирования общепризнанных норм поведения. Общественное и быденное сознание реагирует на факторы макросоциологические, включая глобализацию форм социального бытия, цивилизационных вызовов (терроризм, экологические и природные катастрофы, военные и социальные конфликты, экономические потрясения, бюрократизация властвующей элиты, коррупционные отношения, теневизация бизнеса и др.), мезофакторы – региональные и местные проблемы, микрофакторы – слом привычного уклада жизни, социальное отчуждение, маргинализация поведения.

Одним из наиболее эвристичных подходов, позволяющих анализировать причины актуальных проблем общества, на наш взгляд, является институциональный подход, обладающий универсализмом и позволяющий сделать акцент на взаимозависимости субъектов социума.

Социальный институт – это базовая категория социальной философии, интерес к которой существовал еще в глубокой древности. Не будем заходить так далеко. Отметим лишь несколько ключевых фигур, связанных с разработкой методологии институционального анализа общества.

Начало институциональному анализу, вытекающему из самой сущности позитивной философии, положил основоположник социологии – О. Конт. Основное предназначение социальных институтов, по его мнению, заключается в поддержании общественного равновесия и в регулировании процессов функционирования социальных общностей. Социальный институт, полагает мыслитель, представляет собой механизм обеспечения солидарности, согласия, устойчивости и общественного прогресса. «Для новой философии порядок всегда составляет условие прогресса и, обратно, прогресс является необходимой целью порядка»¹.

¹ Конт О. Курс положительной философии: в 6 т. СПб., 1899. Т. 1. С. 4.

Г. Спенсер разработал концепцию социальных институтов с позиции эволюционно-организмического подхода. Под институтами он понимал «социальные суперорганизмы», регулирующие совместную жизнь людей. Институты возникают в ходе эволюции помимо сознательных намерений или «общественного договора» как ответ на рост численности популяции (происходит усложнение социальной структуры и дифференциация функций). Поскольку основное свойство любого организма – взаимодействие его частей, то главная задача социологии состоит в изучении синхронного взаимодействия социальных институтов.

Дальнейшее развитие концепции социальных институтов происходило в рамках структурно-функциональной парадигмы. Согласно Т. Парсонсу, структурный аспект позволяет «ухватить» социальный процесс и охарактеризовать институт как ситуацию и условия, нормы, как общность и как исполнение норм властных функций¹. В теории общества Т. Парсонса прежде всего привлекают моменты средового подхода, вплетенные в институциональный контекст. Институты обеспечивают стабильное функционирование общества, координируя социальные действия в общественной системе. Ценности и нормы, по его мнению, составляют суть социальных институтов. «Ценностный образец может стать структурной частью социальной системы только в том случае, если он институализирован, иначе говоря, только в случае установления его стабильного взаимодействия с областью взаимодействия»².

Р. Мертон усилил функциональный аспект анализа институтов через введение понятий «явные» и «латентные» функции, и проанализировал процесс превращения институтов в дестабилизирующий фактор развития общества в случае серьезных дисфункциональных сбоев и нарастании латентных функций.

В рамках парадигмы неонституционализма ее идеологами критиковался принцип устойчивой функциональной взаимосвязи общественных подсистем и подчеркивалась значимость широко практикуемых в обществе (экономике) *неформальных* отношений и стихийно сложившихся правил, которые также являются институтами³.

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1996. С. 495.

² Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 721–722.

³ См.: Коуз Р. Фирма, рынок, закон. М., 1993. 192 с.; Норд Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 73 и др.

Подчеркивались динамическая природа социальных институтов, их изменчивость, гибкость, приспособляемость к инновационным повседневным практикам и взаимодействиям. Инновационные правила могут устанавливаться активными социальными акторами, деятельность которых обычно закрепляется и навязывается обществу.

М. С. Комаров, А. М. Яковлев определяют социальные институты как относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества¹. В то же время указывается, что деятельность социального института «определяется, во-первых, набором специфических социальных норм и предписаний, регулирующих соответствующие типы поведения; во-вторых, интеграцией его в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности того или иного института, осуществлять социальный контроль над институциональными типами действий; в-третьих, наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предписаний и осуществление социального контроля»². Кроме того, каждый социальный институт «характеризуется наличием цели своей деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижение такой цели, набором социальных статусов и ролей, типичных для данного института»³.

Таким образом, в целом можно сказать, что *социальные институты – это устойчивые ценностно-нормативные комплексы с прочно закрепленными ролевыми и статусными агентскими позициями, определяющими ожидания людей, прямо влияющими на стабильность общества, его порядок, призванные организовывать и управлять процессами совместной жизнедеятельности людей в различных сферах и отраслях общества*. Институты являются основополагающими элементами структуры общества, формами существования социальных общностей, воспроизводящими, регламентирующими и контролирующими рутинные повседневные социальные практики.

¹ Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М., 1995. С. 227–228.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 158.

Основой социального института является совокупность институций – кодифицированных социальных отношений легитимного характера (устоявшихся зафиксированных и оформленных норм). Развитие институций приводит к появлению институциональных организаций, укрепление которых создает предпосылки для зарождения социального института. Превращение системы однородных институций в институты представляет собой сложный нелинейный процесс организационных изменений норм и ценностных отношений, возникающих при реализации определенных общественных потребностей. Если потребности не удовлетворяются легальными институтами, институции могут превращаться со временем в теньевые псевдоинституты (с нелегитимным статусом).

Итак, институтом называется совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности, имеющей значимость для функционирования общностей, организаций, групп и отдельных людей. Современное общество является высоко институционализированным, а современного человека начинают называть «*homo institutius*»¹.

Одной из важных черт любого социального института является его соответствие какой-либо социальной потребности.

Практически все теоретики общественных наук стремились определить, что необходимо для поддержания жизнедеятельности общества. Карл Маркс считал, что основой общества является потребность в материальном обеспечении выживания, которую можно удовлетворить только посредством совместной деятельности людей, – без этого общество не может существовать.

Институты служат не только организации совместной деятельности людей ради удовлетворения их социальных потребностей, они также регулируют и контролируют использование ресурсов, которыми располагает общество.

Следовательно, институты представляют собой социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в формах интеракции ради удовлетворения той или иной специальной потребности.

¹ См.: Клейнер Г. Б. *Homo economicus* и *Homo institutius* в российской институциональной среде // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 5–18.

В то же время для социальных институтов характерны разнообразие форм и изменчивость. Институты, обладая консервативной природой, тем не менее вынуждены реагировать на происходящие в социуме изменения и меняться вместе с ним. Представляется, что можно дать следующее формальное определение социального института: *социальный институт – это организованная система связей и социальных норм, основанная на стабильной совокупности символов, верований, ценностей, ролей и статусов, которые организуют и управляют всеми сферами социальной жизни.*

Процесс становления институтов, их преобразования из повторяющейся социальной практики в собственно институт, оформление норм поведения, правил, статуса, идеологии, системы ценностей, верований, символов, ролевых предписаний, укрепление организационных связей и коммуникаций, появление сопутствующей инфраструктуры и материальных ресурсов называется институционализацией. Обратный процесс – деинституционализацию («умирание» института) можно назвать институциональным кризисом. Кризис обнажает противоречия института, может привести к умиранию или, напротив, к его обновлению. Кризис начинается со снижения доверия к институту в связи со сбоями в его функционировании, усложняющими возможность удовлетворения им той социальной потребности, которая вызвала его к жизни. В дальнейшем это приводит к массовым нарушениям институциональных норм, переходу от анонимности ролей к их персонализации, размыванию ценностей и идеологием и заканчивается перераспределением функций кризисного института между другими институтами. Это происходит благодаря явлению институциональной комплементарности – усилению действенности институтов за счет их взаимовлияния.

Поскольку существует огромное множество самых разнообразных социальных институтов, представляется, что классифицировать их по какому-либо одному признаку весьма проблематично. В зависимости от критерия, положенного в основу типологизации, выделяют следующие типы институтов:

- по сфере деятельности (функциональному содержанию): экономические, политические, духовные, социальные;
- по функциям и основному предназначению: реляционные – включение в ролевую структуру общества (политические, экономические); ре-

гулятивные – определяющие рамки допустимого поведения и карающие за несоблюдение норм (институт права); социализирующие – институты образования, воспитания, семья, религия, наука, культура;

- по степени регламентации, формализации: формальные – действуют по строго установленным предписаниям (государство) и неформальные – основаны на социальном творчестве (наука, политические движения);

- по структуре: интегративные и простые;
- по правому статусу: легитимные и нелегитимные;
- по форме существования: открытые и закрытые.

Каждый социальный институт обладает своими отличительными чертами и закономерностями функционирования.

2.2. Амбивалентность современных социальных институтов

Вопрос о базовых функциях социальных институтов остается на сегодняшний день дискуссионным.

Среди основных функций социальных институтов можно выделить следующие:

- 1) социальное воспроизводство;
- 2) социализация;
- 3) производство и распределение ресурсов;
- 4) управление и контроль;
- 5) стабилизация общественных отношений.

Усложняющаяся социальная реальность, повышение уровня неопределенности и риска оказывают влияние на трансформационные процессы, происходящие в социальных институтах. В «текущие времена», по выражению З. Баумана, обнажается парадоксальная природа социальных институтов, повышается дисфункциональность их проявлений, нарастает тенденция к дерегуляции социальных отношений. Эвристичность институционального подхода дает возможность исследовать многие актуальные проблемы и социальные реалии и особенно важна при анализе социальных отклонений.

Амбивалентность существования социальных институтов проистекает из их природы: они консервативны, так как являются устойчивыми ценностно-нормативными комплексами с жестко соотнесенными агентскими позициями, ролями, определяющими ожидания лю-

дей, прямо влияющими на стабильность общества, его порядок, и в то же время они изменчивы и эволюционируют вслед за культурой и обществом, реагируют на новые потребности людей и инновационные социальные практики. В случае слабой динамики возникает процесс «старения» институтов, что снижает их адаптивные функции, делая нежизнеспособными и аномичными. Эту тенденцию мы можем наблюдать в большинстве европейских стран.

Для многих современных институтов России (и политических, и социальных, и экономических) характерна гибридизация советского содержания и новых («цивилизованных») форм существования, что так или иначе сказывается на их функционировании. Например, институт здравоохранения перешел на рельсы страховой медицины в ее советском варианте, что лишь ухудшило качество его работы и сделало медицинские услуги малодоступными для большинства населения. Институт рынка формировался под давлением ценностей «дикого» рынка в условиях недоверия экономических субъектов к действиям друг друга и постоянного вмешательства государства в рыночные механизмы (в популистских целях, подыгрывая патерналистским ожиданиям и поддерживая другие советские стереотипы электората).

Еще одним противоречием можно считать изменение вектора функционирования институтов в условиях «социального хаоса», возникающего в кризисные и переходные периоды. В этой ситуации сама действительность становится девиантной, а основу самоорганизации общества начинают составлять не искусственно созданные носители социальности (социальные институты), а изначально данные естественные структуры (малые контактные группы во всем их многообразии: семья, соседские, дружеские и партнерские группы). При этом нарастающий беспорядок вызывает ответную реакцию, стимулируя управленческую и организующую функции институтов, т. е. стремление усилить регламентирующее влияние на социальную деятельность и общественные отношения через ужесточение санкций и другие меры социального контроля, распространение идеологемы о необходимости «сильной руки» в попытке обеспечить определенный уровень стабильности в обществе.

Противоречивость социальных институтов может проистекать и из того, что их модель была слепо перенесена из других стран – с другой культурой и ментальностью, что в эпоху глобализации не

редкость, особенно для стран с догоняющей экономикой. В конце XX в. сложилась специальная область междисциплинарного исследования данного феномена – политическая транзитология (от англ. *transition* – переход).

Переход нашей страны (и ее социальных институтов) из советского (с редистрибутивным типом экономики) состояния в рыночное не обошелся без таких заимствований. Прежде всего это коснулось экономических институтов (собственности, рынка, производства, рекламы и др.), но поскольку все социальные институты взаимосвязаны между собой и могут усиливать или ослаблять друг друга, стремясь к определенной нормативной и идеологической унификации для достижения синергетического эффекта, возникла следующая ситуация: институты, успешно работающие в условиях развитых западных стран, в нашем обществе привели к воспроизводству массовых форм девиантности, потере управляемости и нарастанию деструктивных проблем. Так бывает, когда конкретно-историческая ситуация (судьба), культура, базовые ценности, традиции, ментальность, идентичность, стереотипы, интересы субъектов деятельности вступают в противоречие и конфликт с чужеродными ценностно-нормативными предписаниями, блокируя или снижая эффективность деятельности заимствованных институций, порождая тенденцию превращения институтов в теневые и отклоняющиеся. Так, например, институт рынка, формировавшийся в нашей стране в период перестройки без сложившегося института гражданского общества (и других институтов демократического общества), привел к воспроизводству девиантных практик (включая коррупционные и криминальные действия), а не побуждал появившихся предпринимателей к внедрению инноваций и честной конкуренции. Поэтому «лихие 90-е» прочно ассоциируются у нас с институционализацией девиантных практик и разгулом криминала.

Этот тренд мы можем увидеть на примере целого ряда институтов: образования (деформированного Болонской декларацией, основные цели которой конфронтировали со сложившейся потребностью работодателей и субъектов образовательного социума), семьи (с появившимися нетрадиционными стилями и укладами, начиная от доброго сожительства и заканчивая гомосексуальными связями), производства (с невыплатой зарплат и другими массовыми нарушениями прав наемных работников, деформацией трудовой мотивации).

Более подробно остановимся на анализе этой тенденции на примере института образования как наиболее типичного, традиционного института социализации личности.

Социальный институт образования представляет собой автономную устойчивую социальную практику, регламентирующую взаимодействие социальных общностей по поводу приобретения, усвоения компетенций, необходимых для эффективного функционирования социума. Роль института образования определяется формированием человеческого потенциала. Это относительно консервативный институт, нацеленный на сохранение устойчивости общества, и в то же время, способный оказывать мощное инновационное (или деструктивное) влияние на все сферы его развития (через качество и интеллектуальный потенциал трудовых ресурсов).

Образование, по образному выражению П. Сорокина, представляет собой «социальный лифт» – вертикально восходящий канал, где осуществляется селекция людей в стратификационном пространстве, определяются их социальная позиция, статус и образ жизни – то, что способствует выравниванию шансов представителей различных общностей и групп.

Институциональный подход к образованию позволяет анализировать данный феномен как элемент системы общественных отношений, взаимодействующий с другими социальными элементами: наукой, общественным производством, запросами работодателей, а также рассматривать взаимоотношения между образовательными подсистемами: дошкольными учреждениями и школой, школой и учреждениями профессионального образования (начального, среднего, высшего), вузовским и послевузовским.

Образование, реагируя на социальный заказ общества, является одним из этапов многоступенчатого процесса социализации личности, дает возможность обучающимся усвоить социальные роли, необходимые для активного включения в социальную жизнь (профессиональную, экономическую, политическую, культурную). Образование релевантно уровню экономического развития общества, его задачам и трендам, уровню развития науки. Общество формирует социальный заказ на профессиональные, интеллектуальные и моральные качества трудовых ресурсов. Как полагает Т. И. Заславская, «по сравнению с советским временем социально-культурный потенциал россиян за-

метно снизился»¹. Это выражается, по ее мнению, в трех важнейших тенденциях: во-первых, «в сознательном и активном разрушении государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры»; во-вторых, «во все более глубокой сегрегации разных слоев общества по социально-культурным критериям (характеру ценностей, интересов, образу и стилю жизни), что по сути дела означает возрождение сословности»; в-третьих, «в безусловном и очень резком снижении общественной морали и нравственности: личная выгода все чаще становится выше доводов совести, неуклонно падает авторитет закона и права, вульгаризируется повседневная массовая культура»². Данные тенденции свидетельствуют о кризисе института образования.

Философский подход к анализу социального института образования предполагает исследование данного феномена в единстве амбивалентных тенденций, выделение явных и скрытых (латентных) функций, а также дисфункций, определение характера, содержания, способа проявления противоречий, имеющих в образовании, и поиск путей их адекватного разрешения.

Среди важнейших явных функций социального института образования можно назвать следующие:

- стабилизационную, связанную с обеспечением устойчивости социального порядка через подготовку обучающихся к исполнению предсказуемых социальных ролей, поощрение их конформного поведения и преемственности поколений;
- социализирующую, обеспечивающую развитие личности и социального и культурного потенциала общества;
- экономическую, определяющую процесс формирования трудовых ресурсов и профессиональную структуру общества;
- селективную, связанную с реализацией социальных перемещений в зависимости от уровня образования и квалификации.

Можно заметить, что большинство этих функций выполняется лишь частично – не в полном объеме и не всеми учреждениями системы образования. Реализация данных функций затруднительна в условиях аномичности кризисного состояния общества, приводящего

¹ Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 20.

² Там же.

к ценностному конфликту различных групп населения. Образование как образ общества не может не отражать тенденции и противоречия, существующие в этом обществе.

Подготовка будущих специалистов в учреждениях системы высшего профессионального образования к технологической конкуренции затруднена не только из-за скудности финансирования, но и из-за невостребованности общественным производством, ибо высокотехнологичное производство не налажено, а наша страна приобретает статус государства с преобладанием сырьевой экономики.

К латентным функциям института образования отнесем те, реализация которых не входила в намерения руководителей данной системы, которые не соответствуют ожиданиям населения и не осознаются участниками системы. В условиях кризиса это функция самосохранения, имитация занятости части населения, что позволяет уберечь рынок труда от избыточного предложения; поддержание стабильных рабочих мест, подкрепленных государственным финансированием и оказанием платных услуг населению.

Когда скрытые функции начинают доминировать, налицо институциональный кризис – кризис механизмов, обеспечивающих социальное взаимодействие в той или иной сфере, что приводит к функциональным сбоям в работе социального института. В этой ситуации появляются параллельные структуры и теневые организации с дублирующими функциями, на базе которых формируется теневой социальный институт, направленный на реализацию социальной потребности, которая перестала удовлетворяться в должной мере традиционным институтом.

Дисфункции – «это те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы», блокируя ее нормальное функционирование¹. Изучение непреднамеренных последствий социальной практики института образования позволяет понять тенденции и тренды его развития.

Дисфункции института образования вытекают, по нашему мнению, из противоречий между внутренними («замкнутыми») интересами образовательной системы и интересами общественного производства. Так, например, учреждения высшего образования заинтере-

¹ Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 428.

сованы в открытии специальностей, привлекательных в глазах потребителя (юриспруденция, экономика, антикризисное управление, дизайн одежды и прически и др.). В результате выпускаемые специалисты не востребованы в общественном производстве, переполняют рынок труда, не могут найти работу по специальности, вынуждены переучиваться, получать второе высшее образование. Этот дисбаланс приводит к отчуждению работодателей от профессиональной школы и вынуждает их вести внутрифирменную подготовку и переподготовку персонала под нужды производственного процесса.

Кризисные явления в институте образования вызваны процессами демотивации преподавателей, работающих в ситуации высокой эмоциональной нагрузки, не подкрепленной соответствующей зарплатой и системой стимулирования профессиональной деятельности. Кроме того, нетрудно заметить и возросшую демотивацию учащихся и студентов, уповающих на то, что оплата образовательных услуг позволит им получить искомый диплом в любом случае и без особых интеллектуальных усилий. В университетах, даже самых престижных, наблюдается увеличение числа случаев представления студентами «покупных» или скачанных из Интернета рефератов, курсовых, дипломных работ. Все вузы обклеены объявлениями об оказании услуг такого рода. Демотивация основных субъектов образовательного пространства лежит в основе многих деструктивных тенденций института образования.

Деструктивный тренд института образования определяется кризисом общества, зависит от эндогенных и экзогенных факторов, которые в совокупности определяют направление его развития или стагнацию.

Разнонаправленность влияния внутренних и внешних детерминантов приводит к амбивалентности результатов. Среди экзогенных факторов особенно сильное влияние на институт оказывают интернационализация и унификация мировой системы образования (Болонская декларация, переход на двухступенчатую модель обучения, ЕГЭ, академические кредиты ECTS). Наиболее важными эндогенными факторами можно считать системный кризис общества и его базовых ценностей, деструктивное влияние «демографической ямы» на функционирование образовательных учреждений, коммерциализацию образования, разрыв связей с институтом науки, духовно-нравственный релятивизм, культурную трансформацию, доминирование аудиокуль-

туры, аудиовизуальной коммуникации, виртуального общения (в первую очередь в молодежной среде), формирование новых культурных интернет-стилей (письменный и разговорный стили в духе форум-текстов), потерю культурной самобытности, упрощение русского языка, его псевдомодернизацию. Кризисное состояние института образования ведет к появлению других институтов, берущих на себя его функции. Так, например, в современной России можно отметить укрепление института репетиторства.

Аномичное состояние социальной реальности приводит к отсутствию четких целей и задач, идеальной модели, образа будущего состояния образования, понятной для населения концепции образовательной политики государства, ценностной канвы проводимых реформ. Институт образования в нашей стране перестал быть «социальным лифтом» и становится девиантогенным пространством, провоцирующим рост социальных отклонений.

Но особенно ярко деструктивные тенденции проявляются в функционировании институтов, связанных с социальным контролем (полиция, суд, армия), тотальных институтов (тюрьмы, пенитенциарная система) и теневых институтов коррупции, преступности, проституции, наркотизма, которые становятся организациями с самовозобновляющимися формами патологий и рецидивных негативных отклонений, порождая «евсюковых» и многих других девиантов в погонах. Непрофессионализм, продажность, коррумпированность, безответственность, безнаказанность представителей властных структур приводят к тому, что защиту население начинает искать у криминальных лидеров. Примером трансформации института полиции можно считать события в станице Кушевской, в Сагре¹.

Нельзя не сказать и еще об одной парадоксальной тенденции – институционализации негативных социальных практик и появлении социальных отклонений в традиционных социальных институтах. На фоне роста дисфункциональности легальных социальных институтов появляются нелегальные, теневые, основанные не на удовлетворении базовых социальных потребностей, а на стремлении к обогащению за счет человеческих слабостей и низменных страстей.

¹ См.: Станица Кушевская, 2010 г.: маленькое зеркало большой беды / С. Бабурин [и др.]. М., 2011. 94 с.

В научной литературе проблема теневых институтов стала широко освещаться в начале XXI в. Хотя следует признать, что интерес к ней в зарубежной литературе был достаточно устойчивым в течение предыдущего столетия. Прежде всего, отметим следующих ученых: Р. Бромлей, М. Грановеттер, Г. Гроссман, П. Гутман, Э. де Сото, Д. Мид, К. Морриссон, А. Портес, С. Сассен-Куб, Э. Сатерленд, В. Танзи, Й. Убара, Э. Файг, К. Харт и др.

В отечественной социологии теневые социальные институты начали активно изучаться лишь в постперестроечное время, те или иные аспекты проблемы нашли отражение в трудах С. Ю. Барсуковой, В. П. Воротникова, С. П. Глинкиной, Т. И. Заславской, Т. И. Корягиной, Ю. В. Латова, А. А. Мухина, В. В. Радаева, Р. В. Рывкиной, Т. Шанина и других исследователей. Анализ роли теневых отношений в системе социальных институтов современного российского общества содержится в работах И. Ю. Жилина, Д. Г. Макарова, Л. А. Гордона и др.

Р. В. Рывкина показывает процесс усиления теневизации российского общества, выход этого процесса в неэкономические сферы – политику, образование, здравоохранение, культуру, науку, в сферу правопорядка, армию, в СМИ¹. Она доказывает системный характер теневизации, в которую втянуты уже не отдельные индивиды, а социальные группы, что образует теневую стратификацию.

Теневые институты возникают при сбое в функционировании социальных институтов, когда потребности людей в той или иной сфере не удовлетворяются, а их проблемы систематически не решаются. Дисфункции институтов могут возникать вследствие объективных (кризисные явления в обществе, несовершенство законодательства, неадекватный социальный контроль, коррупция) и субъективных (криминализация сознания, моральный релятивизм, деморализация общества) факторов.

В этом случае возникают теневые (нелегитимные) отношения, которые со временем обрастают сетевыми цепочками, нормами, неформальными правилами, ролевыми предписаниями, т. е. институализируются. Первоначально теневые отношения зарождаются внутри института, который своими непреднамеренными действиями способствовал этому. Постепенно, институализируясь, теневые отношения начинают стремиться к автономности и легитимизации.

¹ Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия // Социол. исслед. 2000. № . С. 3–13.

Теневые институты, по нашему мнению, являются псевдосоциальными институтами, поскольку основаны на деформации моральных норм и ценностей, действуют в эгоистических интересах криминальных и коррупционированных членов общества. Основная цель нелегального института – обогащение за счет роста социального отчуждения, разрушения здоровья населения, обесценивания человеческой жизни. В моральном плане следует отметить десоциализирующий эффект нелегальных институтов, утверждающих действенность аморальных принципов и норм.

Теневыми институтами мы считаем регулярные самовоспроизводящиеся социальные практики, обладающие всеми характеристиками социального института, но при этом являющиеся теневыми образованиями, связанными с нелегитимными формами поведения, и имеющие деструктивные последствия для общества.

Среди таких институтов можно отметить коррупцию, наркотизм, проституцию, нелегальную миграцию, которые сливаются с организованной преступностью и создают мощные социальные образования, регулирующие процессы воспроизводства той или иной формы девиантности, переходя национальные границы и образуя транснациональные структуры.

Теневые институты неоднородны, их можно типологизировать по различным основаниям:

- по масштабу: институты, функционирующие на глобальном, национальном, региональном, локальном уровне;
- по степени легитимизации: легитимные (вторичная и неформальная занятость) и криминальные (коррупция, наркотизация, проституция, организованная преступность).

Теневые институты как глобальные организации связаны с теневым нелегитимным бизнесом, построены на жестких идеологических предписаниях и ведут агрессивную маркетинговую политику, что позволяет им быть высокоприбыльными предприятиями с мощным социально деструктивным потенциалом, постоянно воспроизводящими депривированные слои общества с рецидивной девиантностью (группы социальной эксклюзии). Являясь элементом глобальных социальных сетей, они в то же самое время обладают высокой степенью латентности и характеристиками закрытых организаций

(выход из которых невозможен). Можно отметить и тотальный характер данных институтов: жесткий контроль всех процессов и абсолютная регламентация ролей и поведения каждого человека, вовлеченного в их деятельность.

Проанализируем данную тенденцию на примере наркотизма.

2.3. Институционализация наркотических практик в современных условиях

Наркотики проникают во все области социальной жизни – экономическую, образовательную, демографическую, правоохранительную, бытовую, досуговую, военную, даже политическую сферы. Процесс распространения наркотических веществ обусловлен социальными потребностями и превратился в достаточно устойчивую социальную практику со сложившейся системой норм и распределением ролей. Так происходит потому, что в любом обществе люди стремятся институционализировать свои отношения, связанные с актуальными потребностями. Еще в большей степени это относится к распространению товаров и услуг, официально запрещенных в обществе, – тех, потребление которых связано с серьезными рисками.

Наркотизм выступает как функциональная организация, призванная регулировать (организовывать, координировать и управлять) процессы производства, пропаганды и распространения наркотических веществ в обществе. Этот социальный институт обладает основными институциональными признаками. Единственная особенность, выводящая наркотизм за рамки традиционно признанных («позитивных») социальных институтов, – это его деструктивный потенциал, выражающийся в негативных последствиях его деятельности: разрушении физического и психического здоровья населения, разгуле теневой экономики, росте преступности, различных видов социальных отклонений и отрицании «вечных» ценностей (таких, как семья, здоровье, материальное благополучие). Кроме того, социальные связи и отношения внутри этого института являются нелегитимными, характеризуются высокой степенью латентности и повышенным риском.

Возникшая в ходе стихийной неформальной социальной практики система статусов и ролей стимулирует возникновение и развитие определенных специфических норм поведения, философии, символов,

атрибутики, ритуалов, правил, которые начинают закрепляться и оформляться как нормативные предписания. За исполнением «правил игры» следят специально выделенные группы «экспертов» (наркобароны, с одной стороны, и государственные структуры, надзирающие за распространением и потреблением наркотиков, с другой стороны).

Вся эта разветвленная и устойчивая система отношений не ограничивается проявлением в одной, отдельно взятой, социальной области, а проникает сразу во многие сферы общества. Естественно, что она, подобно религии, немедленно обрастает суммой идеологий, мифологий и технологий, а подчас даже культа. Подобно религии, система наркотизации и отношений по поводу наркотиков выполняет в обществе функции иллюзорной компенсации, а также автономизирующую и объединяющую по критериям отношения к наркотикам: употребляешь (а тем более распространяешь!) – «свой», социально близкий и необходимый, а не употребляешь и не распространяешь – чужак, враг, опасный человек.

Это означает, что вновь возникшие и окрепшие взаимосвязи наркотизации (особенно молодежи) с другими социальными сферами образуют некий новый социальный институт, т. е. комплекс социальных связей, придающий устойчивость различным формам человеческой деятельности. Институт наркотизма превращается в мощную организацию, обеспечивающую жизнедеятельность системы однородных институций, проникая и вращая в традиционные институты социализации личности и социального контроля.

Таким образом, *институт наркотизма в современных условиях можно охарактеризовать как своеобразную устойчивую форму человеческой деятельности, основанную на четко разработанной идеологии, агрессивной маркетинговой политике, сложившейся системе ролевых предписаний и агентских позиций, правил и норм, развитом социальном контроле за их соблюдением.*

Институт наркотизма обладает рядом противоречивых характеристик: нелегитимность сочетается со стремлением к легальности, закрытость – со стремлением вовлечь в его деятельность как можно большее число людей, тотальный контроль – с бесконтрольностью (стихийностью) процесса распространения наркотиков. С одной стороны, как уже говорилось, этот институт создает нормы и правила распространения и употребления наркотических веществ как помогаю-

шие реализовать объективно и неизбежно возникшую в обществе потребность многих людей уйти от реальных проблем и трудностей или получить опыт необычных ощущений. С другой стороны, он создает множество норм и правил (в том числе и юридических), регламентирующих и лимитирующих употребление наркотических веществ. Институт наркотизма содержит ритуальную, символическую, мифологическую, идеологическую субкультуру и способствует воспроизводству социальных статусов и ролей. В итоге сложившиеся отношения по поводу распространения и употребления наркотиков в экономическом плане представляют собой сегодня мощную индустрию, на которой базируется не только теневая, но и легальная экономика некоторых стран (Афганистан, Туркменистан, Колумбия, Перу и т. д.).

Наркотизм как система отношений по поводу производства, распространения и употребления наркотических веществ объединяет не все общество, но определенную его часть, тем более что она становится в последнее время все более обширной: в нее попадают не только те, кто позитивно относится к наркотикам (включая наркопотребителей и их ближайшее окружение), но и те, кто является их яростным противником! Кроме того, появилось достаточно много коммерческих предприятий (медицинских, реабилитационных и др.), заинтересованных в увеличении потока наркозависимых.

Система амбивалентная в этом случае является более устойчивой в социальном плане, чем система монолитная. Следовательно, ее опасность только возрастает. Несмотря на это, термин «наркотизм», возникший в 70-е гг. прошлого века, в таком широком плане не применяется.

Наркотизм – негативное социальное явление международного масштаба, смысл которого в производстве, распространении наркотических средств и психотропных веществ, находящихся под специальным международным и внутригосударственным контролем, и приобщении к их немедицинскому употреблению части населения. Экспансия транснационального наркобизнеса объясняется наличием в его распоряжении огромных денежных сумм, которые необходимо преумножать и защищать. Так, по информации ООН и МВФ, ежегодная сумма прибыли от незаконного оборота наркотиков в мире составляет около 600 млрд долл. – 7,6 % объема прибыли, получаемой от мировой торговли. Легализуется ежегодно до 1,5 трлн долл., полученных от торговли наркотиками, что соответствует 5 % стоимости мирового

валового продукта и, в сущности, является свидетельством того, что в рамках теневой экономики сформировалась еще одна самостоятельная область, которую называют экономикой наркоторговли: сегодня 70 % денег, находящихся в руках криминальных группировок, получены именно от наркобизнеса¹.

Формирование института наркотизма провоцируют экономические, социокультурные, демографические, политические, юридические и даже религиозные факторы.

Среди основных явных функций этого глобального института можно отметить следующие:

- организационная: налаживание работы всей технологической цепочки по производству, пропаганде, продвижению и распространению наркотических веществ в транснациональном масштабе;
- коммуникативная: установление связей и отношений между группами производителей, посредников, продавцов, реальных и потенциальных потребителей;
- контролирующая: контроль рынка наркотических средств на глобальном и национальном уровнях;
- регулятивная: регламентирование с помощью норм, правил, ролевых предписаний, системы санкций, лоббирования поведения социальных общностей и групп, имеющих прямое или косвенное отношение к данному институту;
- идеологическая (мифотворческая): разработка идеологии потребления наркотиков как статусного маркера и элемента субкультуры избранных, элиты общества, мифов о безвредности «легких» наркотиков;
- компенсаторная: иллюзорная компенсация, восполнение нехватки общения, внимания со стороны близких, возможностей самореализации, признания, эмоционального тепла, ярких впечатлений, снятие комплексов, тревог, стрессов и фобий;
- стратификационная: дифференциация по критерию отношения к наркотикам.

К латентным функциям института наркотизма можно отнести стремление к легализации деятельности, поддержку международного терроризма, расширение влияний сопутствующих групп и их лоббистских возможностей.

¹ Хатаев А. Мировой наркобизнес. URL: http://fskn.rkomi.ru/obzor_smi/fskn/2009/02_2009/obzor_smi_fskn_12_02_2009.htm.

В социальное взаимодействие под названием «наркотизм» вовлечены такие субъекты, как производители, распространители, потребители наркотических веществ, с одной стороны, и социальные структуры, препятствующие производству, перераспределению, потреблению этих веществ, с другой. При этом социальные скрепы, обеспечивающие взаимодействие субъектов из первой группы, на практике оказываются более прочными и устойчивыми.

В социальном аспекте негативное значение наркотизма можно условно разделить на два направления, которые в действительности неразрывны между собой: во-первых, это совокупность негативных социальных проявлений, связанных с наркотическими средствами (они выражаются в различных деяниях – производство, пересылка, сбыт); а во-вторых, это социальные последствия потребления данных веществ в виде реального или возможного вреда, причиняемого общественным отношениям.

Социальные последствия наркотизма аналогичны социальным последствиям преступности: это негативные изменения социальных ценностей, а также затраты и издержки общества на их преодоление. Негативные для общества последствия наркомании как социальной болезни имманентно присущи наркотизму в целом.

В социальном плане процесс наркотизации общества имеет глубоко разрушительные последствия. Это социальный институт, возникший из потребностей некоторой части общества, а затем ставший сильнейшим разрушительным фактором социального развития. Можно сравнить наркотизм с раковой клеткой, которая занимает в здоровом организме скромное место, но вдруг выходит из-под контроля и сама начинает «руководить» всеми обменными процессами.

Традиционные социальные институты в России – семья, образование, политика, религия, экономика – находятся в ситуации кризиса, испытывая бурную экспансию со стороны укрепляющегося социального института – наркотизма. Такая ситуация приводит к парадоксальным последствиям. Ряд важнейших функций традиционными институтами социализации не реализуется или реализуется частично, что препятствует становлению социальной субъектности личности молодого человека.

Речь идет прежде всего о коммуникативной, ценностной, идеологической функциях, которые начинает брать на себя институт нар-

котизма, компенсируя недостатки и противоречивость влияния традиционных социальных институтов, играя на базовых социальных потребностях молодежи как особой социально-демографической группы и предлагая привлекательные квазиценности и философию жизни.

Как и любой социальный институт, наркотизм возникает и функционирует в режиме консервации социальной потребности, вызвавшей его появление, при сохранении спроса на оказываемые им услуги. Если такая потребность становится незначительной или совсем исчезает, то существование института оказывается бессмысленным и его жизнь довольно быстро прекращается.

Возможно ли полностью ликвидировать социальную потребность в немедицинском употреблении наркотических и психотропных веществ? Вопрос риторический. Представляется, что такая цель является нереальной. Но стремиться к минимизации наркотизации населения, к снижению спроса на наркотики необходимо любому обществу, думающему о своем будущем.

Глава 3. СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

3.1. Молодежь как креативная социальная общность

Молодежь является объектом изучения многих социально-гуманитарных дисциплин: философии, ювенологии, педагогики, демографии, политологии, социологии, психологии, социальной психологии. Интерес обществоведов к молодежи объясняется следующими моментами.

Во-первых, молодежь традиционно рассматривается в плане будущего развития общества. По мере взросления нынешняя молодежь занимает ведущие позиции в экономике, политике, социальной и духовной сферах общества, поэтому изучение данной социальной группы позволяет спрогнозировать модель будущего общества, понять основные тенденции его развития. Кроме того, стало аксиоматичным утверждение, что социальный прогресс, уровень роста материального и духовного богатства общества находятся в прямой зависимости от степени развития человеческих качеств, нравственности, гуманизма, таланта и профессионализма молодого поколения.

Во-вторых, несмотря на усиливающуюся тенденцию старения населения и сокращения доли молодежи, данная группа занимает значительное место в структуре общества. Так, по данным демографов, в 2008 г. в России число молодых людей составляло почти 1/4, а в 2011 г. почти 1/5 всего населения страны¹.

При изучении проблем молодежи необходимо определить, кого мы называем молодежью, каковы особенности этой группы населения, какое значение имеет период молодости в формировании личности.

Социальная философия изучает молодежь как особую социальную группу, ее роль и место в воспроизводстве общества, возрастные границы, базовые потребности и ценности, способы деятельности, особенности стиля и образа жизни, процесс социализации молодых людей, социально-профессиональную ориентацию и адаптацию в коллективе, неформальные молодежные объединения и движения с учетом классовых, гендерных, этнических, государственных и региональных особенностей.

¹ Половозрастная структура населения России // Википедия: свобод. энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/>.

Ювенология как комплексная междотраслевая научная дисциплина интересуется теми проблемами социальной жизни, которые касаются общества в целом и в то же время затрагивают преимущественно молодежь (образование, семья, брак, политика, досуг) либо находят своеобразное преломление в молодежной среде (особенности воспитания, эффективность его форм, средств и методов, развитие социальной и политической активности).

Большой вклад в разработку теоретико-методологических проблем отечественной философии и социологии молодежи внесли Ю. Р. Вишневский, Ю. А. Zubok, С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский, Л. Н. Коган, И. С. Кон, В. Т. Лисовский, А. В. Меренков, Г. Г. Силласте, В. И. Чупров, В. Т. Шапко, В. Н. Шубкин и др. Разработаны темы своеобразия молодежных субкультур (В. В. Костюшев, В. Т. Лисовский, Ю. В. Черва), свободного времени как фактора развития личности (Л. Н. Абакумова, Е. М. Горенкова, С. М. Зиганшин, Л. И. Новикова, Г. П. Орлов, Е. С. Тощенко), сущности культурно-досуговой деятельности (Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильникова, Н. Б. Крылова).

По мнению российских социологов, в настоящее время отсутствует объективная информация о широком спектре культурных потребностей, интересов, ценностных ориентаций различных социальных групп, в том числе молодежи. Формы и способы проведения молодежи свободного времени являются важным индикатором ее социализации. От характера предпочтений в плане проведения свободного времени зависят формирующиеся ценностные ориентации, развитие личности молодого человека.

В России изучением социальной природы ценностных ориентаций занимались М. К. Горшков, О. Г. Дробницкий, А. Г. Здравомыслов, М. С. Каган, Д. А. Леонтьев, В. Т. Лисовский, В. П. Тугаринов, В. А. Ядов и другие философы и социологи.

Объектом изучения в ювенологии является молодежь как феномен социальной жизни и субъект социальных отношений. В данном контексте мы и будем анализировать особенности поведения представителей этой части общества.

Молодежь – социально-демографическая группа общества, выделяемая на основе совокупности возрастных и социально-статусных характеристик, особенностей жизнедеятельности и ментальности. Молодое поколение мы рассматриваем как элемент общества, необ-

ходимый для реализации естественно-исторического процесса социальной преемственности, призванный одновременно и сохранять социально-культурные ценности, и обновлять их под влиянием изменившихся условий. Основная функция этой группы, делающая ее креативной группой, – инновационное изменение общества в историческом движении от прошлого к настоящему и будущему. Непрерывность развития общества во многом зависит от социальных действий представителей этой группы, т. е. молодежи.

Возрастные пределы молодежи можно определить через основные вехи жизненного пути человека: время получения образования, приобретения профессии, вступления в трудовую жизнь, создания семьи, становления экономической самостоятельности и моральной и юридической ответственности и т. д. Освоение различных сфер жизнедеятельности происходит не одновременно, а последовательно в течение ряда лет. Включение молодого человека в эти сферы изменяет его сознание, интересы, потребности, стиль поведения и образ жизни.

Молодость – это важнейший этап жизненного пути, когда происходит интенсивная самореализация личности, завершается ее социальное определение (профессиональное, политическое, нравственное). Это период становления и развития личности, ее самоутверждения и утверждения в обществе. Это противоречивый этап: одновременно и подготовка к жизни, и начало самостоятельной жизни.

Возрастной диапазон молодежной группы – от 14–16 до 30 лет, хотя эти границы достаточно условны и подвижны и зависят от исторического и социально-экономического контекста.

Нижняя возрастная граница молодости – 14–16 лет: завершение физического созревания, приобретение внешнего вида взрослого человека, окончание первичной социализации и самоопределения.

Хотя по вопросу о верхней возрастной границе в научной литературе и продолжаются дискуссии, большинство социологов, демографов, психологов все же склоняются к 30-летнему рубежу. Основанием для этого является тот факт, что именно к этому возрасту большинство представителей молодого поколения достигают экономической самостоятельности через накопление социального и экономического капитала, обретение семейного статуса, т. е. приобретают основные характеристики взрослого человека.

Если в демографии используется преимущественно возрастной признак, то в социальных науках наступление взрослости связывается с социальной зрелостью – приобретением нового статуса и основных ролей взрослого человека. Критерием социальной зрелости является окончание процесса жизненного самоопределения, т. е. приобретение стабильного положения в системе общественных отношений.

Понятно, что иногда и в 30 лет человека нельзя назвать взрослым. Это относится к «вечным студентам», находящимся на попечении родителей; молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; инвалидов. Бывает и обратная ситуация, когда ранняя успешная карьера приводит к экономической самостоятельности в 20–25-летнем и даже более раннем возрасте. Так, во время Великой Отечественной войны подростки не только работали как взрослые, но нередко и содержали своих родственников, имея рабочую хлебную карточку.

Строго говоря, соотнести степень социальной зрелости и определенный возраст нельзя. Так, например, наши исследования показали, что студенты учреждений высшего профессионального образования представляют собой совокупность молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет. При этом студенты одного возраста, но обучающиеся на разных курсах, имеют различную степень зрелости, активности, самостоятельности (чем выше курс, тем выше познавательная и социальная активность).

Становление социальной зрелости – это процесс, который определяет сущность молодости, приближая молодого человека к взрослому состоянию, имеет конкретно-историческую и индивидуальную специфику, связан с жизненным путем каждого человека.

Таким образом, нижней границей этапа молодости является физиологическая зрелость, а высшей – социальная.

И. С. Кон трактовал молодость как граничащий с детством и зрелостью (взрослостью) жизненный этап, который проходит каждый человек в процессе социального становления. Он акцентировал внимание на конкретно-исторической природе и пограничности данной социально-демографической группы. «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных тем или другим социально-психологическим свойством. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус

и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации»¹.

Сложность и многогранность самого феномена молодежи, подвижность возрастных границ молодости обуславливают наличие в научной литературе большого числа подходов к определению молодежи и молодости, наиболее полный обзор которых представлен в работе Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка «Социология молодежи»². Обозначим некоторые из подходов:

- психофизиологический: молодость – это период развития человеческой личности между *«puberty»* (половая зрелость) и *«maturity»* (полная зрелость);

- социально-психологический: молодежь – группа людей определенного возраста со своими биологическими и психологическими отношениями, а потому – всеми особенностями возрастного класса;

- конфликтологический: молодость – это трудный, полный стрессов и чрезвычайно важный период; длящийся конфликт между индивидом и обществом; проблемная стадия развития человека;

- ролевой: молодость – это особая поведенческая фаза в жизни людей, когда они более не играют ролей ребенка и в то же время не являются полноправными носителями ролей взрослого;

- субкультурный: молодежь – это группа со своим специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями;

- стратификационный: молодежь – это социально-демографическая группа, ограниченная возрастными рамками; со специфическими социальными позициями, статусом и ролями;

- социализационный: молодость – это период социального роста, первичной социализации; главная цель юности – самоопределение, персонализация; в юношеском возрасте бурно развивается чувство индивидуальности;

- интеракционистский: молодость – это одно из трех состояний души, присущих каждому человеку. В отличие от состояния «роди-

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев. М., 1983. С. 384.

² Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология молодежи. Екатеринбург, 2006. 430 с.

тель» (ориентация на нормативное поведение) и «взрослый» (ориентация на принятие разумных решений) оно проявляется в спонтанности, непосредственности поведения;

- аксиологический (ценностный): молодость – социально значимый, важный этап в жизни человека;

- субъективный: молодость – это особое мироощущение, которое характеризуется устремленностью в будущее, оптимизмом, жизнелюбием, жадой деятельности; ощущать себя молодым можно вне зависимости от реального возраста;

- процессуальный: молодые – это те, кто не завершен, не интегрирован, находятся в состоянии становления, формирования.

Все это позволяет увидеть многогранность данной социальной группы, ее особенность и предназначение в обществе.

Молодежь как особая социальная группа характеризуется по следующим параметрам: возрастные границы, специфика социального статуса, ролевые функции и особенности поведения, ментальность, стилистика и образ жизни, субкультурные предпочтения, социальные функции.

Молодежь – это не только социально-демографическая, но в первую очередь социокультурная общность, обеспечивающая инновационное преобразование общества и сохранение в нем преемственности, имеющая специфические характеристики в части базовых потребностей и интересов, способов социокультурного освоения мира, функций и определенный переходный статус.

Основным признаком, характеристикой, особенностью молодежи является, с нашей точки зрения, включенность данной социальной группы в следующие процессы: поиск идентичности; образование и самообразование; подготовка к профессиональной деятельности; усвоение культурных норм и ценностей; интенсивное саморазвитие личности, раскрытие ее потенциальных способностей, таланта, реализация возможностей; выработка мировоззрения и жизненной позиции; духовно-нравственное становление и самоконтроль, обретение ответственности за свое поведение; становление как гражданина, политическое самоопределение, осознание себя как активного субъекта деятельности гражданского общества, усвоение своих прав и обязанностей; создание семьи и рождение детей.

Несмотря на общие свойства, молодежь как особая группа обладает достаточно сложной структурой. В последние годы дифференциация и стратификация в этой группе усилились, что обусловило появление кардинальных отличий в сознании и поведении, стиле жизни представителей различных ее подгрупп. Нарастает тенденция маргинализации, автономизации и конфликтности ряда субкультурных молодежных объединений.

Деление молодежи на подгруппы возможно по самым различным критериям: возрастному, этническому, по доминанте деятельности, особенностям социального положения, социальному статусу, степени социальной зрелости, субкультурной идентификации, ценностным ориентациям, интересам, стилю жизни и др.

При этом молодое поколение в каждый исторический момент имеет нечто общее, вытекающее из особенностей социализации в конкретных условиях. Нынешняя молодежь формировалась в условиях постперестроечной России, в период становления рыночных отношений (в нашем варианте – «дикого» рынка с номенклатурной приватизацией и резким обнищанием тружеников). Это время можно охарактеризовать как аномичное и противоречивое, что не могло не сказаться на социальном характере молодого поколения. Наряду с раскованностью, предприимчивостью, здоровой амбициозностью, стремлением к успеху современной молодежи присущи мультиморализм, «эластичность» нравственного сознания, правовой нигилизм и прагматизм¹.

Изучение проблем молодежи вносит значительный вклад в изучение социальных процессов, происходящих в обществе в целом. Социально-культурный облик и стиль поведения молодежи в значительной мере определяются способами и степенью включенности в общественное производство и потребление, политическую и культурную деятельность. Современное общество, сделавшее материальное благополучие и обогащение смыслом и философией своего существования, формирует соответствующие культуру и жизненные потребности молодых людей, программирует их социальное поведение.

В чем же заключается специфика этой социальной общности?

Первое, что необходимо отметить, – маргинальный (пограничный) характер данной общности. Это «становящаяся» группа, харак-

¹ См.: Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М., 2011. С. 355–483.

теристиками которой можно считать изменчивость и желание повысить свой статус. Уже не дети, еще не взрослые. Уже есть немало обязанностей, еще нет определенных прав и опыта. Маргинальность делает эту группу наиболее адаптивной и перспективной, и в то же самое время самой противоречивой частью социума.

Молодежь в любом обществе является наиболее динамичной, инновационно настроенной, активной частью населения, призванной изменять и подвергать сомнению ценности и достижения старшего поколения, критически осмысливать его опыт, искать свой путь в жизни. Можно сказать, что молодежь – такая социальная группа, основным смыслом существования которой является обновление общества, отрицание всего отжившего, устаревшего, тормозящего развитие. Это противоречие, отражающее процесс преемственности и отрицания, единства и борьбы, составляет суть вечного конфликта поколений.

Молодежь – наименее консервативная часть общества. Можно с уверенностью говорить о наличии у молодежи установок на перемены и инновационность. Особенно это характерно для поколений кризисных и аномичных времен. Социальное экспериментирование, поиск себя и возможностей приложения своих сил и энергии способствуют появлению различных социальных отклонений в поведении молодых людей – как негативного, так и позитивного (социальное творчество, самодеятельность) характера.

Современные молодые люди не отягощены стереотипами, ведут динамичный образ жизни, имеют новационные ценности и установки. Сегодняшней молодежи свойственны более позитивный, чем у старшего поколения, настрой и свобода от советских и постсоветских ценностей; молодые люди проявляют инициативу, склонны к риску, не жалуются на обстоятельства, в большей степени рассчитывают на себя, нежели на помощь извне (особенно от государства). При этом они значительно меньше интересуются жизнью общества и политикой¹.

Характерными чертами данной группы являются недостаток необходимого социального опыта и высокая степень восприимчивости и подражательности. Функциональное назначение молодежи как одной из частей общества проистекает из противоречивых задач этого этапа жизненного пути человека, связанных с социальной адаптацией и ви-

¹ См.: Горшков М. К. Российское общество как оно есть... С. 421.

доизменением ряда социальных норм, усвоением комплекса ролей для эффективного функционирования в мире взрослых и модифицированием этих ролей и стилей поведения. Данную группу можно охарактеризовать как инновационную, нацеленную на изменения и новшества, жаждущую обновления всех сфер социальной жизни.

Для того чтобы понять причины существования в молодежной среде социальных отклонений, следует обратить внимание на социальные особенности молодежи, и в первую очередь на базовые потребности молодых людей. К числу самых важных социальных потребностей данной социально-демографической группы относится потребность в самоутверждении. Затруднения в реализации данной потребности вызывают формирование комплекса неполноценности, который и толкает некоторых индивидов на антисоциальные поступки и преступления. Именно здесь огромное поле деятельности для педагогов, психологов различных образовательных учреждений всех видов.

Чтобы понять, в чем специфика современной молодежи, важно выявить ценностные ориентации этой социальной группы, поскольку ценностные ориентации – это определенная совокупность иерархически связанных между собой ценностей, которая задает человеку направленность его жизнедеятельности.

Какие жизненные ценности преобладают у одного из наиболее образованных слоев молодежи – студентов вузов профессионально-педагогического профиля?

Совместно с Т. В. Пермяковой и О. И. Власовой на базе кафедры социологии ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»¹ в сентябре 2009 г. нами было проведено исследование среди студентов первого курса (312 человек).

Приведем в порядке убывания предпочтения, доминирующие ценности респондентов²:

- 1) любовь – 68 %;
- 2) дружба – 66 %;
- 3) семья – 49 %;
- 4) здоровье – 46 %;
- 5) материальное благополучие – 42 %;

¹ Далее РГППУ.

² Отметим, что каждый опрошенный мог выбрать несколько вариантов ответа.

- 6) образование – 39 %;
- 7) карьера – 32 %;
- 8) самореализация – 30 %;
- 9) интересная работа – 27 %;
- 10) творчество – 26 %;
- 11) свобода, независимость – 23 %;
- 12) развлечения, отдых – 18 %.

Остальные выбранные респондентами доминирующие ценности не показательны (статистически незначимы), среди них – власть (6 %), служение обществу, людям (3 %), музыка, духовная гармония (по 0,3 %).

Полученные данные коррелируют с результатами социологических исследований, проводимых в течение нескольких десятилетий под руководством известных социальных философов и социологов Ю. Р. Вишневского, И. М. Ильинского, В. Т. Лисовского, Б. А. Ручкина, В. Е. Семенова, В. И. Чупрова, А. В. Шаронова, и дают представление об основных тенденциях в динамике ценностных установок и ориентаций молодежи.

В числе приоритетных ценностей молодых людей – любовь, дружба, семья, здоровье, материальное благополучие.

Находясь на важной стадии социализации, молодежь особенно чутко относится к удовлетворению базовых социальных потребностей – в эмоциональной сопричастности и ощущении себя частью какой-либо группы или общности – семьи, друзей.

Наиболее актуальной жизненной ценностью для молодежи является любовь. Вторая по значимости ценность – дружба, принадлежность к группе сверстников. Эти ценности реализуются преимущественно в досуговой сфере. Поэтому 18 % опрошенных назвали развлечения и отдых ведущей ценностью. Нам представляется, что процент здесь мог бы быть и выше, поскольку досуг традиционно является одной из важнейших сфер жизнедеятельности молодежи.

Традиционно устойчивыми для современной молодежи являются ориентации прагматического характера – материальная обеспеченность (42 %) и карьера (32 %).

Респонденты признают важную роль образования (39 %) и самореализации – реализации своих способностей и талантов (30 %) как основы будущей успешной жизни, карьеры, независимости, свободы, интересной работы и творчества.

Интересная работа как ценность лидировала в опросах советской молодежи конца 60-х – начала 70-х гг.¹. Современная же молодежь далеко не всегда считает интересную работу ценностью. Результаты некоторых опросов свидетельствуют о том, что в ценностной структуре молодежи отсутствует четкая связь между работой и материальным благополучием. В нашем исследовании каждый четвертый опрошенный (27 %) назвал интересную работу ведущей жизненной ценностью, что вкупе с ценностями образования и самореализации благоприятствует формированию успешной учебной мотивации студентов первого курса.

Все в большей степени среди молодых людей проявляется ориентация на достижение личного успеха. Если установка на успех в 1970-е гг. была характерна для 10–15 % респондентов, то в 1990-е гг. – для 60–70 % опрошенных. Истоки изменений лежат как в усилении индивидуалистических ориентаций молодежи, так и в экстремальности современной жизненной ситуации в России. Для большинства молодых людей успех связан с достижением материального благополучия посредством карьеры, приобретения высокого социального статуса. Важность общественного признания большей частью молодежи ставится под сомнение.

Наблюдается противоречие в жизненных установках молодежи. Дух предприимчивости, характерный для рыночной экономики, причудливо уживается с бюрократическим «рынком связей», определяющим каналы достижения материальных, статусных, профессиональных благ и успехов.

В начале рыночных преобразований умение устанавливать связи с «нужными людьми» признавалось молодыми людьми в числе самых важных, в то время как в последние годы становятся важными предприимчивость, образованность, инновационность. На смену инфантильным настроениям («Я могу в жизни добиться чего-либо только благодаря помощи извне») приходит осознание важности, прежде всего, личностных усилий и активной позиции в жизни («Мой успех зависит от меня, от моей предприимчивости»).

Молодежь признает важную роль высшего образования, его значение как основы будущей успешной жизни. Если в начале 1990-х гг. главным при достижении успеха считалось везение, стечение обстоя-

¹ Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исслед. 2007. № 4. С. 37.

тельств, умение рисковать, а уровень образования не рассматривался как фактор успеха, то в последнее время ситуация изменилась. В то же время резко снизилась ориентация на профессиональное мастерство, повышение квалификации. Рыночные отношения создают возможности быстрого обогащения независимо от уровня образования и квалификации.

Происходит снижение престижа традиционных (инженер, педагог и др.) профессий и усиление прагматических настроений. Развивается ориентация в профессиональном и жизненном самоопределении на перспективу. Молодые люди часто выбирают профессию по таким критериям, как престижность и высокая оплата труда в ущерб собственным склонностям и способностям¹. Отмечается стремление к трудоустройству в негосударственном секторе, смене профессиональной деятельности. В определенной мере у молодежи сформировался социальный пессимизм, заключающийся в признании бесполезности своих усилий в интересной и содержательной, но малооплачиваемой работе.

Возрастает роль неформальных межличностных отношений в молодежной среде, референтных групп в социализации молодежи и одновременно снижается роль традиционных институтов социализации личности (семьи, системы образования, культуры и др.).

Противоречиво изменяется ценностное восприятие молодыми межпоколенческих взаимоотношений. С одной стороны, возрастает стремление к самостоятельности, автономности, независимости, а с другой – растут значение родительской семьи, зависимость от нее. При этом внутри семьи усиливаются ценностные конфликты. Родительские ценности «трудовой морали» подвергаются сомнению и отвергаются молодыми людьми как не могущие помочь достичь успеха, замещаясь прагматическими ценностями (материальный достаток, богатство)².

Усиливается аполитичность молодежи, сочетаясь с нарастающим негативизмом и социальным протестом. Среди причин отсутствия интереса к политической жизни – наличие других интересов; дефицит свободного времени и загруженность учебной, работой; недоверие к политикам и политическим партиям; низкий уровень информированности о политических процессах, событиях и явлениях; без-

¹ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социол. исслед. 1998. № 5. С. 90–98.

² См.: «Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей: мнение населения и экспертов. По материалам конкретного социологического исследования подростковой преступности / ЦНСИ. СПб., 2004. С. 20.

различие к политической и общественной жизни; субъективное отношение к политике как к «грязному делу»; социальная пассивность; наличие индивидуалистических ценностных ориентаций¹.

Как уже отмечалось, социально-демографическая общность «молодежь» не является однородной. Она дифференцирована по полу, возрасту, образованию, материальному положению, месту в социальной структуре общества, ценностным установкам, структуре и степени удовлетворения потребностей.

Расслоение молодежной общности обуславливает специфику потребления в зависимости от социального статуса, положения в системе социально-трудовых отношений, величины и способа получения дохода. Рассматривая доход молодежи, необходимо учитывать также «иждивенческий фактор» – зависимость удовлетворения потребностей от материальных возможностей родительской семьи². Действие этого фактора распространяется, прежде всего, на представителей учащейся молодежи, не обладающих экономической самостоятельностью.

Молодежь отличается высоким уровнем социальной мобильности, а изменение статуса молодого человека связано с возрастанием потребностей, которое далеко не всегда сопровождается ростом возможностей, достаточных для их удовлетворения. Исследователи отмечают, что в результате перехода к рыночной системе хозяйствования произошла переориентация молодежи преимущественно на материальные ценности³.

Молодые люди нацелены на повышение уровня жизни, получение достаточно высокого уровня образования, на профессиональный и карьерный рост. Склонность к новаторству не может не сказываться на стиле потребительского поведения молодежи. Большинство новинок на рынке товаров и услуг ориентировано именно на молодых потребителей, открытых новому и не боящихся экспериментов⁴.

¹ Чупров В. И., Zubok Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000. С. 27.

² См.: Ильин В. И. Поведение потребителей. СПб., 2000. С. 78.

³ Помазан А. Н., Седунова А. В., Ядова Е. Н. Социальный ресурс личности и идентификационные ориентации россиян // Социол. исслед. 2001. № 12. С. 122–129.

⁴ Котельникова Н. В. Досуг современной российской молодежи: традиции и инновации // Вестн. Урал. гос. техн. ун-та – УПИ. Актуальные проблемы социологии и менеджмента: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2003. № 4(24). С. 282–284.

В современном динамично развивающемся мире возрастает роль молодежи как проводника информационных потоков, новых знаний и навыков, формирующих новые модели ее поведения, в том числе потребительского. Изменения, произошедшие в социальном положении российской молодежи, оказали непосредственное влияние на ее сознание. Заметные сдвиги произошли в мотивационной структуре, структуре потребностей, потребительском поведении молодых людей¹. Потребности возрастают, мотивационная структура становится потребностно-мотивационной, а потребительское поведение теперь направлено на удовлетворение статусных, функциональных и ситуационных потребностей.

Социологический подход к изучению поведения молодежи предполагает анализ двух групп факторов: объективных и субъективных. К группе объективных факторов в контексте данного объекта исследования относятся экономическая и правовая ситуации, материальное положение и уровень жизни, место в социальной структуре, место в системе трудовых отношений, социально-демографические характеристики (пол, возраст).

К субъективным факторам, влияющим на социальное поведение молодежи, относятся степень удовлетворения потребностей, ценности, уровень экономических и потребительских ожиданий, воздействие рекламы в СМИ, влияние моды и референтных групп.

Недостаточное удовлетворение интересов и запросов молодежи в сфере досуга, коммерциализация и массовизация культуры, усиление ее зрелищности являются факторами, детерминирующими социальные отклонения в молодежной среде.

Молодежь активно использует различные каналы СМИ и Интернет для реализации своих потребностей в сфере досуга. Можно согласиться с мнением члена-корреспондента РАН М. К. Горшкова, что «информационно-коммуникативные технологии превращаются в существенный и всеобъемлющий элемент функционирования современного социума»². Современные средства массовой информации и коммуникации обладают широкой доступностью для всех слоев общества, людей с любым социальным статусом. СМИ обладают возможностью влиять одновременно на большие аудитории, транслируя

¹ Ильин В. И. Указ. соч. С. 83.

² Горшков М. К. Российское общество как оно есть... С. 485.

определенные модели поведения, и порой конкурируют по своей значимости с межличностным общением¹.

Интернет и виртуальная реальность становятся сегодня важными субъектами социализации молодежи, о чем свидетельствует стремительный рост молодежной интернет-аудитории. По итогам зимы 2010–2011 гг. в стране насчитывалось 50,3 млн пользователей «всемирной паутины» старше 18 лет (при прогнозе 30 млн)².

Интернет и социальные сети способствуют развитию дистанционного (зачастую анонимного) общения, интенсификации виртуальной коммуникации и интеллектуализации индивидуального досуга и в то же самое время подвергают молодых людей высокому риску манипуляции, создания потребительских клише и стереотипов³. Информационная свобода имеет немало побочных эффектов. Виртуальная реальность несет угрозы для неискушенных молодых людей, рекламируя и призывая посетить порносайты, посмотреть ролик с аварией или жесткой дракой. Через поисковые системы можно найти информацию о местах продажи наркотиков и даже приобрести их через Интернет или научиться изготавливать самому в домашних условиях.

Одной из сложных латентных проблем остается проблема «интернет-зависимости». Термин был введен в научный оборот в 1995 г. американским психиатром Айвеном Голдбергом (Голдберг Иван), который вкладывал в него не медицинский смысл (сравните с терминами «алкогольная зависимость», «наркотическая зависимость»), а говорил о поведении со сниженным уровнем самоконтроля, грозящим вытеснить нормальную жизнь⁴.

Американская исследовательница К. Янг выделила пять основных типов интернет-зависимости:

- «● навязчивое пристрастие к работе с компьютером (играм, программированию или другим видам деятельности);
- компульсивная навигация по WWW, поиск в удаленных базах данных;

¹ Петухов В. В. Природа и культура. М., 1996. С. 11.

² Интернет в России. Методика и основные результаты исследования. Аналитический бюллетень / Ин-т фонда «Общественное мнение». 2011. Вып. 33. С. 4.

³ Зоркая Н. Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4(66). С. 66–77.

⁴ Голдберг, Иван // Википедия: свобод. энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

- патологическая привязанность к опосредованным Интернетом азартным играм, он-лайнovým аукционам или электронным покупкам;
- зависимость от социальных применений Интернета – общения в чатах, групповых играх и телеконференциях – приводящая к замене имеющихся в реальной жизни семьи и друзей виртуальными;
- зависимость от “киберсекса” (порнографических сайтов в Интернете, обсуждения сексуальной тематики в чатах или закрытых группах “для взрослых”))¹.

«Зависание» в сетях, по нашему мнению, является, наряду с другими социальными отклонениями, формой социальной дезадаптации и ухода от проблем и сложностей реальной жизни.

Социологические исследования диагностируют увеличение времени потребления молодежью аудио- и видеоинформации, полученной по различным каналам средств массовой коммуникации. Доступность, интенсивность и регулярность информационных потоков способствуют формированию у молодого потребителя зависимого поведения, аналогичного наркотической аддикции. Все большая часть времени отводится просмотру и прослушиванию, все меньшая уделяется организованному социальному действию, чтению, интеллектуальной и развивающей деятельности. В этом отношении средства массовой коммуникации могут быть отнесены к одному из наиболее эффективных и признанных социальных наркотиков.

Возрастающий поток сообщений и потребление некачественных образцов массовой культуры программируют у молодых людей интеллектуальное иждивенчество и пассивность.

Проведенное на базе учреждений системы среднего профессионального образования города Асбеста социологическое исследование «Молодежь о средствах массовой информации» (респонденты – молодые люди возрасте 15–20 лет, выборочная совокупность составила 754 человека) показало, что в структуре свободного времени молодежи значительное место уделено просмотру телепередач, молодежных сериалов и пребыванию в виртуальной реальности².

¹ Горшков М. К. Российское общество как оно есть... С. 519.

² Данное исследование было проведено соискателем кафедры социологии ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» А. В. Шалаевой в ноябре 2008 г.

Анализ тематики основных популярных в молодежной среде программ показал, что большинство из них способствует формированию отклоняющегося поведения.

Первая тема – алкоголь, курение и наркотики. Сюда относится пропаганда различных удовольствий, свободного удовлетворения потребностей. Для этого распространяется информация о возможности постижения чего-то нового и сверхчувственного, ухода от реальности, что якобы способствует самовыражению, обогащению духовного мира, решению экзистенциальных проблем. Много эфирного времени предоставляется откровенной или скрытой рекламе спиртных напитков, сигарет. Такая реклама играет на эмоциях, пытаясь ассоциировать с пивом ощущения сексуальной привлекательности, юношеской энергии, чувство взрослости, принадлежности к какой-либо социальной группе и т. п., что очень актуально для молодежи.

Вторая тема – секс как средство самоутверждения и способ развлечения. Демонстрируются извращения, педофилия, гомосексуализм и лесбиянство. Все это формирует противоречия в представлениях молодых людей о «сексуальных сценариях», полоролевом поведении и понятиях нормы и морали. Как следствие большинство подростков имеют сексуальный опыт, причем средства массовой информации провоцируют такое поведение, подогревая интерес, создавая «стимул к действию». В одной из передач программы первого канала «Пусть говорят» обсуждался вопрос о разрешении регистрации браков с 12 лет при условии, что девушка беременна. И многие участники в конце данной передачи пришли к мнению, что этот вопрос необходимо вынести на обсуждение в Государственной думе.

Третья тема – молодежная мода и движения. Это пропаганда шокирующей эпатажной моды и различных субкультур, неформальных движений, моды для дискотек. Таким образом, молодежной аудитории навязываются признаки внешнего облика и поведения, несвойственные нашей культуре и противоречащие нормам. Некоторые молодежные движения имеют антиобщественную направленность, например, эмо и скинхеды. О них постоянно сообщают по телевидению, а это уже скрытая реклама, навязывание информации через негативное освещение событий, преподнесение агрессивного стимула к действию, к определенным моделям поведения.

Четвертая тема – насилие. Сюда относятся описания различных видов преступлений, сексуальной распушенности, употребления алкоголя и наркотиков, использование нецензурной лексики, а также романтизация, героизация преступного мира.

Пятая тема – жизнь шоу-бизнеса. Это реклама той или иной поп-звезды, сведения о ее гонорах, поклонниках, описание успеха, богатства, любовных приключений, сообщения о преступлениях и формах зависимого поведения.

Таким образом, очевидно, что средства массовой информации перегружены темами, так или иначе способствующими распространению различных форм отклоняющегося поведения или, по крайней мере, пропагандирующими терпимое отношение к различным проявлениям подобного поведения.

Противоречивость ценностных ориентаций в современной социокультурной ситуации ведет к тому, что молодые люди утрачивают способность противостоять воздействию негативных тенденций, сформировавшихся в системе молодежного досуга¹, где преобладают формы, направленные не на творчество и духовное развитие, а на отдых, развлечения, рекреацию².

Молодежь как инновационная группа, направленная в будущее, в первую очередь реагирует на происходящие в обществе перемены. Ее сознание формируется прежде всего под влиянием общественных процессов. И от того, каких принципов, норм и ценностей она придерживается, во многом зависит успех или неудача предпринимаемых мер выхода страны из кризиса³.

В настоящее время в молодежной среде наблюдается кризис нравственных ориентиров. Анализ результатов некоторых социологических опросов показал, что происходит «вымыывание» общепринятых и устоявшихся ценностей. Идет процесс дегуманизации морального сознания молодежи, разрушения основ ее нравственности. Уменьшилось количество молодых людей, высоко оценивающих такие ценности, как вежливость, чувство долга, честность, искренность, коллек-

¹ Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 109–115.

² Орлов А. С. Социология рекреации. М., 1995. С. 109–114.

³ Агеева А. В. Ценностные ориентации российской молодежи // Высш. образование в России. 2004. № 3. С. 18.

тивизм. Однако, несмотря на смену моральных ценностей, современная молодежь проявляет значительный интерес к религиозным ценностям и идеалам. И от того, насколько этот интерес примет форму глубокой и устойчивой тенденции, во многом зависит духовный облик российского общества в будущем. В целом молодежь осознает значимость духовных, человеческих ценностей, выступает за усиление внимания к ним. Однако такая оценка действует скорее на вербальном, чем на поведенческом уровне. В реальной жизни господствуют принципы рационализма и прагматизма; происходит «размывание» норм доброты и милосердия, честности и порядочности и т. п. В молодежной среде вырабатываются нормы и ценности, которые через какой-то исторический промежуток времени станут нормами и ценностями всего общества. Формирование ценностей происходит не столь быстро, поэтому есть возможность повлиять на этот процесс, чтобы ослабить какие-то негативные моменты и направить его в нужное русло. Вот почему необходимо сосредоточить внимание на нравственном становлении и общественном самоопределении молодежи.

Итак, современная молодежь имеет как духовно-нравственные, так и сугубо прагматичные, материальные жизненные ценности; высоко оценивает свои возможности в плане создания прочной, счастливой семьи, получения хорошего образования и престижной работы, посещения разных стран мира, профессионального роста и т. п.

Феномен социальных отклонений в поведении современной молодежи имеет свои особые социальные предпосылки. (Под предпосылками мы понимаем совокупность объективных социально-культурных и социально-экономических процессов, создающих благоприятные условия для появления социальных отклонений, но непосредственно на них не влияющих.)

Во-первых, в XX в. происходит эмансипация молодежи и выделение ее в отдельную социально-демографическую, а затем и социально-культурную группу. Это новое явление в истории человечества. Оно связано с тем, что отрезок жизненного пути, необходимый для полноценного вхождения растущего человека в социум, стал несколько длиннее благодаря увеличению сроков обучения, подготовки к профессиональной деятельности и обретения самостоятельности.

Кроме того, молодежь формирует особую субкультуру, отделяясь от культуры взрослых, и завоевывает право на собственное виде-

ние мира, собственные товары и собственный рынок товаров, на внимание общества. Молодежный стиль становится стилем, которому стараются подражать и старшее поколение, и высшие слои общества, т. е. молодым становится быть модно, и ценности молодежного образа жизни распространяются в обществе очень широко. Молодежь завоевала право, по крайней мере в индустриально развитых странах, вести такой образ жизни, который она считает нужным; социальный контроль за поведением молодых людей со стороны родителей и общества значительно ослаб, чему способствовали и смена домашнего образования официальными институтами образования, урбанизация с ее анонимностью, либерализация воспитания и т. д.

Во-вторых, предпосылками, способствующими росту молодежных социальных отклонений, становятся переход общества в фазу массового потребления и сопутствующее этому переходу распространение идеологии и философии гедонизма (своеобразного индивидуалистического эгоизма). Официальной целью жизни в таком обществе провозглашается получение максимального наслаждения, разнообразных ощущений, удовольствий, в том числе и самых экзотических, к которым, безусловно, относится употребление наркотиков. Стремление все попробовать, преодолеть все запреты, испытать неведомые ранее ощущения при отсутствии религиозности и сформированных ценностей у части молодежи является важнейшей предпосылкой отклоняющегося поведения. Приобщение к миру престижных и красивых вещей становится самоцелью, смыслом бытия, а человек превращается в объект манипуляции со стороны индустрии досуга и развлечений. Культ моды, вещизма и потребления овладевает сознанием молодежи и приобретает универсальный характер.

В-третьих, возникает молодежный рынок товаров и услуг, когда целые отрасли индустрии начинают работать только на вкусы и интересы молодежи. Эта индустрия одежды, аксессуаров, парфюмерии, отдыха, туризма, зрелищ, развлечений, удовольствий, спорта – все они нацелены исключительно на молодежь. Молодежный рынок – это особый рынок. Молодежь как инновационная группа вовлекается в символическую работу по развитию собственных стилей, а также по прочтению и декодированию стилей одежды других, соотнесению этих стилей с музыкальными, политическими и социальными ориентациями. Молодежь апробирует товары-новинки и утверждает осо-

бый (раскованный, свободный) молодежный стиль жизни, свои направления моды, становясь референтной группой общества.

В-четвертых, к предпосылкам роста социальных отклонений в молодежной среде можно отнести необычайное усложнение современной жизни, ускорение ее темпа и, главное, повышение требований, предъявляемых именно к молодежи.

В-пятых, молодежь в современном обществе становится неконкурентоспособной социально-демографической группой. В период кризиса выпускникам образовательных учреждений высшего и среднего профессионального обучения все труднее найти работу. Возрастает число молодых безработных. Непрерывно растет число молодых людей, занимающихся трудом, который не соответствует ни их квалификации, ни профилю подготовки, не говоря уже о личных желаниях и уровне заработной платы. Это приводит к нарастанию пессимистических настроений в молодежной среде. О. Хлобутов в своем исследовании, основанном на анализе результатов опроса ВЦИОМ¹, проведенного в июле 2003 г., писал: «Нынешняя российская молодежь достаточно негативно оценивает как материальные, так и иные условия своего существования, причем доля негативных оценок составляет до трети опрошенных»².

Таким образом, менталитет современной молодежи имеет ряд особенностей:

- пластичность ценностно-нормативной системы;
- адаптивность, открытость новому, инновационность восприятия социальной реальности;
- максимализм, стремление критически переосмыслить накопленные культурные ценности и нормы;
- синкретизм, фрагментарность и противоречивость ценностных ориентаций и установок, присутствие конфликтующих интересов, несовместимых ценностей, непредсказуемых реакций на социальные раздражители, мозаичность мировоззрения;
- активность, установка на социальное лидерство и жизненный успех;
- неадекватность в оценках социальной ситуации.

¹ ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения.

² Хлобутов О. Молодежь России в XXI в. // Обозреватель. 2004. № 3. С. 32.

Молодежная ментальность создает предпосылки для социально-го экспериментирования, отсюда проистекает присущая этой группе склонность к социальным отклонениям как позитивного, так и негативного характера.

3.2. Предпосылки и факторы современного молодежного наркотизма

Как уже отмечалось нами ранее, современный наркотизм – преимущественно молодежная проблема, так как из общего числа наркоманов 82 % составляют молодые люди в возрасте до 24 лет, а преобладающий возраст приобщения к наркотикам, по данным специалистов, снизился с 17–18 до 13–14 лет¹. Отсюда следует, что наркотизация в первую очередь угрожает молодежи как особой социально-демографической группе, являющейся носителем нестандартного, в том числе и девиантного, поведения.

Феномен современного молодежного наркотизма, с одной стороны, вписывается в длинную и долгую историю наркомании, с другой – обладает целым рядом серьезных отличий, детерминированных специфическими потребностями данной социальной группы, и, значит, имеет свои особые социальные предпосылки, о которых уже шла речь ранее.

К предпосылкам современного молодежного наркотизма можно отнести необычайное усложнение современной жизни, ускорение ее темпа и, главное, повышение требований, предъявляемых именно к молодежи. Это бремя выбора могут вынести далеко не все. Как известно, сегодня молодой человек должен окончить школу (не менее 9–11 классов), потом сталкивается с проблемой выбора профессии, необходимостью делать карьеру, материально обеспечивать себя; при этом общество (в лице работодателей) предъявляет довольно высокие требования к уровню образования молодого человека. Не все молодые люди способны соответствовать этим требованиям, тем более в подростковом и юношеском возрасте, когда у растущего человека идет физиологическая перестройка организма и для него характерны психическая неустойчивость и иные динамические процессы.

¹ См.: *Рейтов Е. В.* Учащаяся молодежь и наркотики // Социол. исслед. 2004. № 1. С. 86.

В этом случае современную наркоманию можно рассматривать как своеобразный механизм естественного отбора, т. е. те молодые люди, которые не способны выдержать напряженный темп современной жизни, становятся жертвой наркотиков. Безусловно, это спорная точка зрения. Сейчас мы можем лишь указать, что, как правило, те молодые люди, которые хорошо организованы, видят цель в жизни, способны справиться с проблемами, не проявляют интереса к наркотикам. Здесь существует если не причинно-следственная, то, по крайней мере, корреляционная или функциональная зависимость.

Другими предпосылками наркотизации являются глобализация экономики и контактов между людьми, а также все нарастающий обмен товарами и услугами. Сегодня, действительно, эмиграция приобрела массовые масштабы; вместе с ней переносятся ценности культур. Данная ситуация облегчает транспортировку наркотиков. Раньше, когда многие страны были похожи на закрытые феодальные крепости и люди не имели столь широких возможностей выезжать в другие государства, доступ к наркотикам был затруднен, по крайней мере для жителей тех стран, где они никогда не выращивались и не производились.

В качестве еще одной предпосылки наркотизации отметим урбанизацию – всеобъемлющий процесс роста городов. Исследования урбанологов позволяют сделать вывод о том, что крупные города (мегаполисы) в силу своих отличительных черт представляют собой девиантогенное пространство. Кратко рассмотрим основные подходы к анализу влияния городского пространства на социальное поведение.

Методологические подходы к анализу городов были заложены в работах М. Вебера¹. Он рассматривает город как место, в котором можно увидеть много ключевых черт современной урбанизированной территории: рост бюрократии, сменяемые правительства и демократию, купеческий класс и ранние капиталистические предприятия.

Однако целостное изучение города как «социальной лаборатории» начинается с исследований чикагской школы в социологии (1918–1939 гг.), в работах основателей социально-экологического подхода Р. Парка и Э. Берджесса².

¹ См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. 704 с.

² См.: Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Соц. и гуманитар. науки. 2000. № 4. С. 122–136.

Р. Парк и Э. Берджесс анализируют город как «естественное обиталище цивилизованного человека», в котором посредством эмпирических методов можно изучать «человеческую природу» и социальные проблемы¹.

Подчеркивая особенность городской популяции как специфического типа поселения, Э. Берджесс в работе «Рост города: введение в исследовательский проект» описывает «необычайные изменения», которые произошли при переходе от сельской к городской цивилизации². Анализируя последствия экспансии городов, он выделяет следующие отличия урбанизированных территорий: изменение социальной структуры и социальной организации городского сообщества, высокая социальная мобильность, преобладание женщин над мужчинами, большой процент молодежи и людей среднего возраста, более высокая доля уроженцев других стран, растущая профессиональная неоднородность, наличие больших скоплений горожан, неравномерность распределения жителей по районам, тенденция к деморализации населения. Изменения в социальной жизни города вызывают такие социальные проблемы, как развод, делинквентность, социальные волнения, что делает городское пространство «разрушительным», насыщенным конфликтами и противоречиями³.

В городском пространстве постоянно протекают взаимосвязанные процессы дезорганизации и организации, которые поддерживают некое равновесие, социальный порядок. «Поскольку дезорганизация ведет к реорганизации и обеспечивает более эффективное приспособление, дезорганизацию мы должны понимать не как патологический, а как нормальный процесс»⁴.

Дезорганизация (и на индивидуальном, и на групповом уровне) связывается Э. Берджессом с преодолением «мучительного душевного конфликта» и переоценкой моральных норм, реорганизацией установок и поведения горожан.

Тенденция большого города к расширению нашла отражение в понятии «метрополис», который определялся Э. Берджессом как «ареал,

¹ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социол. обозрение. 2002. № 3. Т. 2. С. 1–10.

² Берджесс Э. Рост города... С. 122.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 125.

включающий городскую территорию, обладающую свойством физической смежности»¹. «В ходе экспансии города совершается процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий»². В результате в городах формируются ареалы проживания социально однородных групп: зоны трущоб, делового центра, проживания рабочих, представителей среднего класса, иммигрантов, элиты общества.

Городская общность представлялась исследователями как сложная мозаика различных социальных групп, каждая из которых претендует на собственное территориальное пространство³. Применяв метод социальной картографии, представители чикагской школы выявили в городе Чикаго пространственную дифференциацию и социально-статусную локализацию населения по месту и условиям проживания. «Различия между городскими районами в отношении типа и характера социальной жизни, которую они поддерживают, несомненно, настолько же велики, как и стандарты жизни, которые в них сохраняются, или как цена на землю, на которой они расположены»⁴.

Концентрические зоны расходятся от исторического центра на периферию, представляя собой расширяющийся ряд колец – средоточия социально однородных элементов. Методика картографирования позволила выявить в городе районы с различной степенью криминогенности и девиантогенности. Наиболее высокий уровень отклоняющегося поведения (юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уходы из семьи, детская беспризорность, пороки) наблюдался в пограничных районах с высоким уровнем мобильности и гетерогенным составом населения.

Мобильность жителей Э. Берджесс рассматривает как своеобразный «пульс сообщества», его индикатор, отражающий весь спектр изменений в городском пространстве.

Традиция изучения девиантогенности городов была продолжена учениками и последователями Р. Парка⁵.

¹ Берджесс Э. Рост города... С. 125.

² Там же. С. 126.

³ Парк Р. Город как социальная лаборатория...

⁴ Там же. С. 8.

⁵ См. работы: Н. Андерсен «Хобо» (1923); Ф. Траммер «Банза» (1927); Л. Вирт «Гетто» (1928); К. Шоу «Ареалы отклоняющегося поведения» (1929) и др.

Однако классиком городской социологии можно считать Луиса Вирта, анализировавшего урбанизм как образ жизни. Основные положения его концепции не потеряли своей эвристичности при исследовании проблем современных крупных городов. Главная задача городской социологии, по мнению Л. Вирта, – выявление возможного влияния города на психологические и поведенческие реакции, исследование «форм общественного воздействия и организаций, которые нетипично возникают в относительно постоянных компактных поселениях, где проживает большое количество гетерогенных индивидуумов»¹.

В работе «Урбанизм как образ жизни» Л. Вирт доказывает, что численность, плотность и неоднородность (гетерогенность) населения находят свое выражение в особой городской культуре и образе жизни, формируя особый тип личности городского человека. Последствием огромного размера города становится превращение его в пеструю мозаику «социальных миров», в котором ослабляются первичные контакты (отношения дружбы, родства)².

Городской человек включен в сложную систему услуг и взаимодействий, его контакты имеют публичный характер и превращаются в преимущественно функциональные, поверхностные, ролевые отношения, обеспечивая тем самым «иммунитет» против нежелательных личностных контактов. Именно это имеют в виду, когда говорят, что для города характерны вторичные, а не первичные контакты. Замкнутость, безразличие, анонимность и скепсис, которые обнаруживают в своих взаимоотношениях горожане, могут быть всего лишь средством самозащиты от личностных притязаний и ожиданий других людей³.

Анонимность и эфемерность общения, городская дифференциация и сегрегация приводят к росту социальной дезорганизации, ослаблению социальной солидарности, снижению роли семьи и традиций в регулировании поведения людей. В городах усиливается мобильность, ежедневная вовлеченность населения в деятельность различных социальных институтов. В силу этого темп жизни в городе выше по сравнению с неурбанизированными территориями, а безопасность населения ниже, социальные потрясения происходят чаще.

¹ Wirt L. Urbanism, as way of life. In. R. Sennet / пер. В. В. Вагина. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=99>.

² Там же.

³ Там же.

Концепция урбанизма Л. Вирта позволяет увидеть причины многих социальных проблем, проявляющихся наиболее остро в условиях современного города: неадекватного социального контроля, девиантного поведения, культурных конфликтов, виктимизации населения.

Американский урбанолог Кевин Линч с помощью метода индивидуального картографирования попытался выявить образ города и его влияние на поведение горожан¹. Линч писал: «Общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан. Такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными»².

Он полагал, что «подвижные элементы в городе, и особенно люди и их деятельность, столь же существенны, как его неподвижные материальные части. Мы не только зрители этого спектакля, мы сами – его участники»³. Ментальный образ города формирует ожидания и адекватные формы поведения его жителей.

Альберт Хантер выявил влияние на поведение горожанина феномена соседства как уникального образования, представляющего собой сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни⁴.

Огромное разнообразие типов соседств породило многочисленные попытки их систематизации. Доналд и Рачел Уоррены предложили положить в основу типологизации соседств три различных измерения: самосознание (*identity*) – идентификация с соседским окружением; взаимодействие (*interaction*) – интенсивность коммуникаций и взаимодействий между соседями; социальные связи (*linkages*) – система отношений соседств с обществом⁵.

¹ Линч К. Образ города. URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вагин В. Социология города. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php.

⁵ Там же.

На основании этих критериев Уоррены идентифицировали шесть типов соседств: интегральное, приходское, диффузное, переходное, аномическое, «ступенчатое». Каждое из сообществ имеет свою субкультурную ориентацию, нормы и особенности взаимодействия, определяющие доминирующие стили поведения ее членов¹.

Исследования Уорренов показали, что соседство как устойчивое территориальное социальное окружение может выступать фактором социального контроля и программирования поведения горожанина.

В благополучных районах проживания среднего класса криминальная ситуация намного лучше за счет активности и равнодушия людей (что влечет оперативное обращение в полицию в случае столкновения с нестандартной ситуацией), а также благодаря социально-культурному единству проживающих. Сотрудничество с полицией и неформальный соседский контроль повышают действенность социального контроля, снижая риски виктимизации и наркотизации, повышая безопасность населения.

В маргинальных же районах, напротив, происходит интенсивная виктимизация населения из-за субкультурных особенностей, конфликтных ценностей, установок и ментальности его представителей, что исключает возможность взаимодействия с полицией.

Идеи Р. Парка, Э. Берджесса, Л. Вирта и Уорренов, касающиеся роли местоположения сообщества в городском пространстве в соответствии с занимаемой его обитателями социальной позицией и степенью мобильности, не теряют актуальности и сегодня, позволяют исследовать природу и локализацию социальных проблем.

Город, являясь сложным социально-территориальным образованием, характеризуется наиболее высокой по сравнению с неурбанизированными территориями социальной и миграционной мобильностью и неизбежно становится конгломератом сосуществования различных этно- и субкультурных норм. Анонимность и эфемерность общения, городская дифференциация и сегрегация, высокая плотность населения, интенсивный темп жизни и другие объективные обстоятельства превращают город в девиантогенное пространство, увеличивают риск наркотизации населения.

И, наконец, завершая разговор о предпосылках наркотизации молодежи, хотелось бы еще раз отметить влияние внешней ситуации,

¹ Вагин В. Социология города.

резкие социальные изменения, определенную аномичность переживаемого страной периода – периода, для которого характерны различные кризисы общества, разложение системы устоявшихся ценностей, наличие противоречий между провозглашенными целями и невозможностью их достижения большинством граждан. Таким переходным временам, как мы уже показывали ранее, всегда свойственны моральный релятивизм (относительность моральных норм, отрицание справедливости, нравственности как формы жизни), неопределенность ожиданий людей относительно поведения окружающих, отсутствие общепринятых идеалов.

Усиление социальной дифференциации в российском обществе, появление «новых русских» и «новых нищих» имело целый ряд негативных последствий для молодежи. Среди них утверждение норм «дикого» рынка в сознании молодежи, в том числе стереотипа вседозволенности; формирование «комплекса нищеты» у некоторых групп населения, оказавшихся за чертой бедности; ухудшение социального самочувствия и усиление пессимистических настроений; социальное обнищание большинства населения, его маргинализация, вызвавшие рост социальной напряженности, дефицит терпимости, благожелательности.

Таким образом, сегодня главная социальная база наркотизма – это преимущественно современная молодежь, представляющая собой особый слой людей. Современный молодежный наркотизм обязан своим существованием как длительной традиции потребления наркотиков в мире, так и новым условиям, которые сложились только в XX в.; соединившись, все это и обусловило появление феномена массового, опасного для общества молодежного наркотизма. Ситуация осложняется еще и тем, что по сравнению со всеми предшествующими периодами, когда потреблялись либо мягкие, либо созданные самой природой наркотики, сейчас все большее распространение получают жесткие, тяжелые наркотики. Их использование имеет очень опасные последствия для психики и социального поведения современного человека.

3.3. Наркотизация и виктимизация студенческой молодежи: опыт социологического мониторинга

С целью получения эмпирической информации о наркоситуации в студенческой среде нами был проведен ряд выборочных социологических обследований. Изучение наркоситуации, сложившейся в среде

студентов ряда образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Свердловской области, позволило нам в дальнейшем разработать концептуальные основы воспитания и адекватные программы превенции молодежного наркотизма в конкретных образовательных учреждениях.

Объектом исследования выступили студенты Российского государственного профессионально-педагогического университета, Уральского государственного технического университета (УГТУ – УПИ) и Асбестовского политехникума. Кроме того, для более детального анализа мнения молодежи по интересующей нас проблеме были проведены выборочные обследования студентов РГППУ по углубленной методике.

Одной из задач исследования было выявление ключевых характеристик, которыми респонденты наделяют образ наркомана (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики наркомана, выделяемые студентами,
% от числа опрошенных

Характеристика	Количество студентов учебных заведений			В целом по массиву
	РГППУ	УГТУ – УПИ	Асбестовский политехникум	
Употребление тяжелых наркотиков	93	93	87	91
Употребление токсичных веществ	59	54	38	50
Курение «травки»	55	55	35	48
Нарушения психики	26	16	13	18
Увлечение азартными играми	5	6	5	5
Употребление спиртных напитков	5	5	4	5
Совершение тяжких уголовных преступлений	4	6	4	5
Курение сигарет	3	4	7	4
Использование в речи ненормативной лексики	1	6	2	3
Совершение мелких правонарушений	2	4	2	2

Примечание. Здесь и далее респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Необходимо отметить, что студенты вузов и техникума достаточно единодушны в данном вопросе. Большинство опрошенных считают наркоманом человека, употребляющего тяжелые наркотики. Однако употребление токсичных веществ и курение «травки» далеко не всегда расценивается в студенческой среде как признак наркомании. Это один из опасных социальных мифов, распространенных в молодежной среде. Кроме того, необходимо отметить непонимание студентами связи употребления наркотиков с делинквентным и криминальным поведением (совершением правонарушений и более серьезных уголовных преступлений).

Тем не менее, согласно результатам исследования, проведенного в РГППУ, молодежь считает, что она хорошо осведомлена о последствиях потребления наркотиков: на это указали по 81 % студентов технического и творческого профилей и 86 % опрошенных студентов гуманитарного направления. К чему сводится это знание? По мнению респондентов, потребление наркотиков может привести к смерти (на такой результат указали больше половины опрошенных), ухудшению здоровья, болезни (42 %), наркотической зависимости (около 30 %) (табл. 2).

Таблица 2

Возможные последствия употребления наркотиков
по мнению студентов, % от числа опрошенных

Возможные последствия	Количество студентов, обучающихся по направлениям учебной деятельности			В целом по массиву
	техническому	гуманитарному	творческому	
Смерть	52	53	49	51
Ухудшение здоровья, болезнь	43	53	30	42
Наркотическая зависимость	25	26	36	29
Деградация личности	8	9	7	8
Социальная смерть	6	5	4	5
Причинение вреда окружающим людям	3	0	5	3

Вновь, однако, практически игнорируются или приуменьшаются такие последствия употребления наркотиков, как деградация личности, социальная смерть и причинение вреда окружающим людям.

Создается впечатление, что несмотря на большой «стаж» данной социальной проблемы в российском социуме, у молодежи сформировалось одностороннее представление о ее сущности. Проблема осознается только в смысле и в ситуации опасности для конкретной личности, и лишь в редких случаях – на уровне общества в целом.

Информацию о наркотиках молодежь получает из разных источников. Можно предположить, что эта информация существенно различается по содержанию, способу подачи и характеру комментария. Первые позиции здесь занимают друзья (знакомые) и СМИ (литература) (табл. 3).

Таблица 3

Источники получения студентами информации о наркотиках,
% от числа опрошенных

Источник	Количество студентов, обучающихся по направлениям учебной деятельности			В целом по массиву
	техническому	гуманитарному	творческому	
Друзья, знакомые	67	63	68	66
СМИ, литература	44	64	66	58
Личный опыт	8	8	9	8
Педагоги	5	10	7	7
Родители, родственники	4	6	12	7
Не интересовались	17	18	13	16

Анализ данных, приведенных в табл. 3, позволяет сделать вывод, что наиболее активны в плане получения информации о наркотиках студенты, получающие творческую специальность, – они лидируют практически по всем позициям и среди них меньше тех, кто вообще не интересуется данной темой. Гуманитарии чаще, чем студенты двух других направлений, получают информацию от педагогов; однако среди них больше тех, кто не задавался вопросом об источниках получения информации о наркотиках. Студенты технических специальностей по сравнению с другими группами молодежи в меньшей степени получают информацию из СМИ и литературы: для них в качестве источника информации важнее друзья и знакомые.

Основным фактором вовлечения студенческой молодежи в процесс наркотизации становится доступность наркотиков. По словам 51 % опрошенных нами студентов, им когда-либо предлагали попробовать наркотические вещества (табл. 4), а, как известно, если возможность существует, она может быть реализована.

Таблица 4

Количество студентов, получавших предложение попробовать наркотики, % от числа опрошенных

Предложение	Количество студентов учебных заведений			В целом по массиву
	РГППУ	УГТУ – УПИ	Асбестовский политехникум	
Предлагали	58	54	40	51
Не предлагали	42	46	60	49

Следует отметить тот факт, что в данном случае практически не имеет значения, в каком образовательном учреждении обучаются студенты, вероятность впервые попробовать наркотические вещества одинакова для всех респондентов в мегаполисе и чуть меньше в малом городе (Асбесте).

Каждый четвертый участник опроса, которому предоставили такую возможность, согласился попробовать наркотическое вещество (табл. 5).

Таблица 5

Реакция студентов на предложение попробовать наркотики, % от числа опрошенных

Реакция	Количество студентов учебных заведений			В целом по массиву
	РГППУ	УГТУ – УПИ	Асбестовский политехникум	
Отказались	74	72	81	76
Согласились	26	28	19	24

Согласно результатам исследования, проведенного среди студентов РГППУ, особую группу риска в данном отношении составляют студенты технических специальностей. Они чаще, чем, к примеру, молодые люди, обучающиеся на факультетах творческой направленности, поддаются соблазну новых ощущений (44 % против 19 %).

Основным социальным агентом, стимулирующим данный процесс, является референтная группа; основной сферой, где этот процесс протекает наиболее активно, – сфера досуга. Главной причиной употребления наркотиков почти 70 % участников опроса считают влияние «улицы» и дружеской компании (табл. 6). Следует отметить, что студенты разных образовательных учреждений по-разному оценивают роль данного фактора наркотизации молодежи. Студенты РГППУ значительно чаще называли именно эту причину употребления наркотиков, хотя не следует забывать, что и студенты УГТУ – УПИ также ставят ее на первое место.

Таблица 6

Причины употребления молодыми людьми наркотиков
по мнению студентов, % от числа опрошенных

Причина	Количество студентов учебных заведений			В целом по массиву
	РГППУ	УГТУ – УПИ	Асбестовский политехникум	
Влияние «улицы», компании	79	57	66	68
Неблагополучие в семье	47	26	34	36
Мода на употребление наркотиков в молодежной среде	34	38	39	37
Неумение организовать свой досуг	37	27	15	26
Подражание молодежным кумирам	15	36	27	26
Общекультурная неразвитость	15	20	17	17
Непонимание со стороны взрослых	17	14	5	12
Отсутствие возможности заниматься в молодежных клубах, спортивных секциях, кружках	13	14	8	12
Проблемы в личной жизни	0	36	24	20
Неумение наладить контакты с окружающими	4	23	13	13
Проблемы в учебе	6	11	6	7

В следующую по значимости группу причин входят неблагополучие в семье, мода на употребление наркотиков, неумение организовать свой досуг (см. табл. 6).

Студенты РГППУ, по всей видимости, имеют более тесные связи с родительской семьей. В системе жизненных ценностей представителей данной категории респондентов семья занимает первое место, тогда как в иерархии жизненных приоритетов студентов УГТУ – УПИ она существенно проигрывает дружбе, здоровью и любви. Ведущие ценности учащихся потитехникума – дружба (64 %), здоровье (61 %), семья (57 %). Поэтому вполне объяснимо, что семейные проблемы, по мнению студентов РГППУ, могут стать причиной употребления наркотиков, а вернее – поводом для поиска возможности уйти от реальности. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на контакты данного образовательного учреждения с семьями студентов для повышения эффективности превенции наркотической зависимости.

Ответы респондентов на данный вопрос достаточно ярко демонстрируют, что профилактика наркотической зависимости среди студентов различных образовательных учреждений не должна строиться по шаблону. Так, поскольку студентам УГТУ – УПИ более значимыми причинами употребления наркотиков представляются мода и подражание кумирам, а также проблемы личного характера, то и при организации их досуга следует привносить в молодежную среду новые образцы поведения, ценности, жизненные стили, обучать решению жизненных проблем, саморегуляции и стрессоустойчивости.

Следует отметить также, что причины употребления наркотиков, которые назывались студентами в ходе опроса, как правило, имеют внешний по отношению к учебному процессу характер. Собственно, учеба вообще занимает последнее место в иерархии жизненных ценностей студентов, представляя собой лишь инструмент, обеспечивающий получение более важных вещей: денег, карьеры и т. п. С другой стороны, увеличение учебной нагрузки может способствовать снижению риска наркотизации, поскольку обстоятельства, в которых молодые люди, по мнению студентов, впервые пробуют наркотические вещества, имеют, прежде всего, досуговый характер (табл. 7).

Среди обстоятельств первичной наркотизации лидируют компания друзей (51 %), а также посещение клубов и дискотек (50 %). Усилия, предпринимаемые родителями и сотрудниками образовательных

учреждений, как показывают результаты нашего исследования, оправдывают себя, поскольку доля студентов, считающих, что местом первого знакомства молодых людей с наркотиком является дом или учебное заведение, находится в пределах ошибки. Следовательно, активное включение молодежи во внеучебные мероприятия, участие в научно-исследовательских проектах и конкурсах, наличие возможности для реализации творческого потенциала в конечном итоге могут нейтрализовать отрицательное влияние внешних факторов.

Таблица 7

Обстоятельства, в которых, по мнению студентов, молодые люди впервые пробуют наркотики, % от числа опрошенных

Обстоятельства	Количество студентов учебных заведений			В целом по массиву
	РГППУ	УГТУ – УПИ	Асбестовский политехникум	
В компании друзей	60	49	45	51
На дискотеке, в клубе	45	54	51	50
На улице	25	17	53	32
В учебном заведении	1	5	6	4
Дома	1	5	3	3

Степень распространенности наркотиков напрямую связана с ближайшим окружением, компанией, кругом друзей, оказывающих существенное влияние на поведение и сознание молодого человека. Каждый пятый респондент отметил, что среди его одногруппников есть люди, употребляющие наркотики (табл. 8).

Таблица 8

Количество студентов, знающих об употреблении наркотиков одногруппниками, % от числа опрошенных

Информированность	Количество студентов учебных заведений			В целом по массиву
	РГППУ	УГТУ – УПИ	Асбестовский политехникум	
Знают	22	24	10	19
Не знают	78	76	90	81

Потребители наркотиков включены и в ближайшие социальные сети респондентов. Почти каждый третий (это общая тенденция) ска-

зал, что среди его близких друзей есть люди, употребляющие наркотики. А поскольку сами студенты отмечали в качестве основной причины употребления наркотиков влияние дружеской компании, ситуация представляется достаточно опасной.

В этом контексте уместно остановиться на характеристиках, которыми наделили студенты свою дружескую компанию. Дистанцируясь от форм деятельности, имеющих чисто развлекательный характер (прослушивание музыки, посещение концертов и пр.) или напрямую не связанных с процессами наркотизации, следует упомянуть о таких, как употребление пива (37 %) и распитие спиртных напитков (24 %), а также употребление наркотиков (2 %).

Наиболее распространенным в молодежной среде наркотиком, согласно результатам исследования, является гашиш. В качестве такового его выделили около 75 % студентов РГППУ, 70 % студентов УГТУ – УПИ и 78 % учащихся Асбестовского политехникума. За абсолютным лидером следуют анаша и психотропные препараты. Героин занимает четвертую по степени распространенности позицию.

На основании проведенного выше анализа можно говорить о достаточно широком распространении наркотизма в образовательной среде: студенты в той или иной форме, в той или иной степени вовлечены в наркоситуацию. Какие же пути выхода из сложившейся ситуации видят сами респонденты? В целом, молодежь осознает, что необходимо принимать какие-то меры в этом направлении. Лишь незначительная доля участников опроса указали, что не видят здесь проблемы.

Как оказалось, молодежь является сторонницей достаточно жестких репрессивных мер по отношению к объективным причинам распространения наркомании. Студенты в большей степени также считают эффективной помощь ближайшего окружения (друзей и родственников) и осознают важность профилактических мер, направленных на создание нормальных условий для учебной и досуговой деятельности молодежи и ее самореализации в различных сферах (табл. 9).

Из данных, представленных в табл. 9, видно, что студенты технических специальностей в первую очередь отмечают важность организации досуга молодежи. Гуманитарии являются приверженцами мягких мер по борьбе с наркоманией, антинаркотической пропаганды. Студенты же творческого профиля считают эффективными меры как

репрессивного, так и профилактического характера, в том числе – организацию групп самопомощи.

Таблица 9

Меры борьбы с наркоманией, которые студенты считают эффективными, % от числа опрошенных

Меры борьбы с наркоманией	Количество студентов, обучающихся по направлениям учебной деятельности			В целом по массиву
	техническому	гуманитарному	творческому	
Строгое наказание для наркоторговцев, вплоть до смертной казни	53	44	57	51
Помощь друзей, родных	50	52	42	48
Решение молодежных проблем	44	41	49	44
Создание условий для самореализации молодежи	38	37	38	38
Организация досуга молодежи	45	36	28	36
Социальная реабилитация наркоманов	30	45	25	33
Антинаркотическая пропаганда	30	40	25	32
Принудительное лечение наркоманов	29	32	34	32
Организация групп самопомощи	13	13	26	17
Создание пунктов обмена шприцев	6	7	5	6

На открытый вопрос о мероприятиях, которые могли бы помочь остановить наркоманию, были получены ответы примерно в том же ключе. Сторонником жестких мер (таких, как ужесточение контроля за оборотом наркотиков, смертная казнь за их распространение, строгие законы и т. д.) оказался почти каждый четвертый из опрошенных (24 %). На усиление внимания общества к проблемам молодежи как на профилактическое средство указали 12 % респондентов. Мягкие меры реабилитационного характера (мероприятия против распространения наркотиков, создание реабилитационных центров, помощь психологов и др.) считают эффективными примерно 6 % респондентов. Наконец, практически каждый второй студент (47 %) не знает, что может помочь изменить сложившуюся ситуацию.

Вовлечение студентов в мероприятия по профилактике наркотической зависимости представляется одним из способов решения проблемы. В связи с этим мы попытались выявить степень активности участия молодежи в мероприятиях подобного рода. Согласно результатам исследования, степень социальной активности студентов в этой области является крайне низкой. Лишь 16 % респондентов отметили, что принимали участие в каких-либо акциях. Каковы же результаты? Может быть, это всего лишь бесполезная трата ресурсов (табл. 10)?

Таблица 10

Оценка студентами мероприятий по профилактике наркомании,
% от числа опрошенных

Оценка	Количество студентов, обучающихся по направлениям учебной деятельности			В целом по массиву
	техническому	гуманитарному	творческому	
Мероприятие прошло скучно	10	25	30	22
Большинству участников было интересно	60	55	30	48
Появилось желание противостоять наркомании	30	20	40	30

Опираясь на данные, приведенные в табл. 10, а также на результаты устных опросов студентов, проводимых после мероприятий антинаркотической направленности, мы оценили эффективность профилактических программ для студентов различных специальностей. Возможно, студентов, обучающихся на факультетах гуманитарной и творческой направленности, необходимо привлекать не только в качестве участников, но и в качестве организаторов акций по профилактике наркомании, а студенты технических специальностей нуждаются в адресных, адаптированных к их интересам и мироощущению мероприятиях. Неэффективными, по мнению опрошенных студентов, являются традиционные мероприятия и лекции о вреде наркотиков, направленные на запугивание и устрашение молодежи. Только треть респондентов посещение таких мероприятий заставило по-иному взглянуть на проблему, дало толчок к возникновению желания противостоять наркомании.

Новые подходы и концепции при выработке эффективных мер по профилактике наркотизма, по мнению респондентов, должны строиться на решении молодежных проблем и создании условий для самореализации молодежи, развития ее сущностных сил, способностей и талантов.

Примененная методика социального аудирования позволила нам зафиксировать наркоситуацию, сложившуюся в студенческой среде, и оценить ее как достаточно противоречивую и опасную. В ходе исследования нам удалось выявить в целом отрицательное отношение студенческой молодежи к употреблению наркотиков. Тем не менее, можно говорить о вовлечении достаточно большой доли молодежи (прежде всего мегаполиса) в наркоситуацию. Наличие в ближайшем окружении людей, регулярно употребляющих наркотики, в дальнейшем может только усилить негативные тенденции.

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о том, что употребление наркотиков можно рассматривать как вид ретретистского поведения – ухода от реальной действительности, проблем, неустроенности в мир миражей и иллюзий. В силу этого профилактика наркомании должна органически встраиваться как в учебный процесс, так и во внеучебные мероприятия, проводимые в образовательных учреждениях с учетом интересов и потребностей студентов. Включенность молодого человека в просоциальные коллективы, реализация его способностей и талантов в различных сферах деятельности, насыщенная студенческая жизнь выступают факторами, снижающими риск первичной наркотизации.

Анализ тенденций процесса наркотизации и виктимизации молодежи был продолжен в рамках прикладного социологического исследования проекта «Город как наркогенное пространство», проведенного авторским коллективом (С. З. Гончаров, Т. А. Лугинина) при поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области.

Объектом исследования выступили студенты четырех вузов Екатеринбурга: Уральского Федерального университета, Уральского государственного университета путей сообщения, Уральского государственного экономического университета, Российского государственного профессионально-педагогического университета. Участниками анкетирования стали 319 человек, среди которых женщины составили 66 %, мужчины – 34 %, что соответствует социально-демографическим характеристикам студенчества.

Условия проживания и уровень материального достатка являются одними из важнейших факторов, определяющих вовлеченность молодежи в процесс наркотизации. Среди опрошенных нами студентов наиболее весомой (53 %) является категория проживающих дома с родителями. Почти каждый третий респондент проживает в общежитии. Отдельную квартиру имеют 16 % участников опроса. Уровень материального положения опрошенных студентов можно в целом охарактеризовать по субъективным самооценкам респондентов как «средний».

Для характеристики специфики современной молодежи важно выявить ценностные ориентации этой социальной группы, поскольку ценностные ориентации – это определенная совокупность иерархически связанных между собой ценностей, которая задает человеку направленность его жизнедеятельности.

Какие жизненные ценности имеет один из наиболее образованных слоев молодежи – студенты?

Полученные данные коррелируют с результатами социологических исследований, проводимых в течение нескольких десятилетий под руководством известных социологов Ю. Р. Вишневского, И. М. Ильинского, В. Т. Лисовского, Б. А. Ручкина, В. Е. Семенова, В. И. Чупрова, А. В. Шаронова, и дают представление об основных тенденциях в динамике ценностных установок и ориентаций молодежи.

Современная студенческая молодежь озабочена целым рядом социальных проблем, которые по значимости можно разделить на три блока:

1. Состояние здоровья близких (51 %), низкий уровень культуры молодежи (51 %), рост агрессии и насилия (47 %).

2. Бедность и безработица (38 %), преступность и неэффективность правоохранительной системы (35 %), рост числа наркоманов (32 %), неопределенность собственного будущего (31 %).

3. Коррупция (29 %), неопределенность будущего страны (27 %), состояние собственного здоровья (26 %).

Формы досуговой деятельности студенческой молодежи являются разнообразными, однако носят, как правило, развлекательный характер. Значительное число студентов проводят свободное время на улице, в парках, на природе (59 %), дома (53 %), а также у друзей и знакомых (40 %) (табл. 11). Формы досуга, требующие дополнительных финансовых затрат, менее доступны для студентов, однако по 16 % ответивших посещают кафе, ночные клубы и дискотеки, 12 % – фитнес-центры и тренажерные залы.

Проведенное исследование еще раз показало ту огромную роль, которую играют в жизни молодого человека общение и референтная группа. Общение в разных формах (личное и виртуальное, при посещении кинотеатров и торгово-развлекательных центров) занимает значительную долю свободного времени респондентов (табл. 12). Посещение концертов, театров и музеев традиционно уступает просмотру телепередач, чтению развлекательного характера и занятиям спортом.

Таблица 11

Места, где студенты предпочитают проводить свободное время

Место	Количество опрошенных, в %
Улица, парк, природа	59
Дом	53
Дом друзей, знакомых	40
Кафе	16
Ночной клуб, дискотека	16
Фитнес-центр, тренажерный зал	12
Творческое объединение, студия	8
Библиотека	2
Компьютерный клуб	1

Таблица 12

Формы досуговой деятельности студентов

Форма досуга	Количество опрошенных, в %
Общение с друзьями	89
Виртуальное общение с друзьями	58
Походы в кино	46
Посещение торгово-развлекательных центров	45
Просмотр телепередач	42
Чтение книг, журналов	41
Занятие любимым делом, хобби	35
Занятие физкультурой, спортом	31
Работа в Интернете (чтение новостей, посещение интересных сайтов)	28
Игра на компьютере	16
Посещение концертов	12
Походы в театр	11
Посещение музеев	5
Бездельничество	3

Итак, чем же занимаются респонденты в процессе общения с друзьями? Это вопрос особенно важен в контексте наркотизации современной российской молодежи. Связаны ли между собой характерные для дружеской компании студентов формы девиантного поведения и вовлечение молодежи в процесс наркотизации?

Чаще всего студенты обсуждают со своими друзьями важные проблемы (66 %), посещают различные увеселительные мероприятия (57 %) и слушают современную музыку (40 %). Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать *вывод о превращении в норму молодежной субкультуры целого ряда негативных форм девиантного поведения*. Нормы общения эволюционируют, превращаясь в ненормальные (с точки зрения культуры и здравого смысла) явления, порождая массовые формы асоциального поведения: эгоцентризм, аморальность, бескультурие, цинизм.

Распространенным в молодежной среде сегодня становится общение, которое сопровождается употреблением пива (30 %) и курением (21 %), распитием спиртных напитков (18 %) и использованием нецензурной лексики (18 %). Ненормальность этих четырех моделей поведения все чаще ставится молодежью под сомнение и трансформируется из отклонения в общепринятую форму взаимодействия. Кроме того, на сегодняшний момент среди наших респондентов уже есть 2 % тех, в компании которых принято употреблять наркотики.

Еще одна опасная тенденция была обнаружена в ходе исследования: *утвердительный ответ каждого третьего респондента на вопрос о наличии среди их близких друзей людей, употребляющих наркотики*. При этом частота употребления наркотиков, по мнению студентов, достаточно высока: 15 % респондентов отметили, что друзья употребляют наркотики каждый день, 24 % – раз в неделю.

Различные формы девиантного поведения характерны не только для дружеской компании респондентов, но и для студенческой среды в целом. Данные, представленные в табл. 13, демонстрируют, что наиболее распространенными явлениями в студенческой среде являются применение нецензурной лексики и систематическое употребление спиртных напитков. Мат, нецензурная лексика становятся обыденной практикой студенческих тусовок, «крепкие» выражения сегодня можно услышать практически в любом университете вне зависимости от его специализации («на нем разговаривают, а не ругаются» современные студенты). Кроме того, в студенческом окружении участников опроса встречаются наркоманы и люди, склонные к агрессивному поведению.

Регулярные, повседневные контакты с людьми, употребляющими наркотики, практикующими отклоняющиеся формы поведения, неуклонно ведут к тому, что современная молодежь все больше вовлекается в процесс наркотизации, в частности, очень хорошо информирована о видах и местах приобретения наркотиков. В зоне повышенного риска оказываются студенты, в компании которых принято употреблять наркотики, использовать нецензурную лексику, употреблять спиртные напитки, в том числе пиво, курить (табл. 14).

Таблица 13

Количество товарищей по учебе, проявляющих
девиантное поведение по мнению студентов

Форма девиантного поведения	Количество человек
Употребление нецензурной лексики	9
Систематическое употребление спиртных напитков	7
Беспорядочная половая жизнь	4
Азартные игры на деньги	2
Употребление наркотиков	2
Агрессивное поведение, склонность к насилию	1

Таблица 14

Знание мест приобретения наркотиков в зависимости от моделей
поведения, принятых в дружеской компании студента,
в % от числа опрошенных

Модель поведения	Знание студентами мест приобретения наркотиков	
	Знают	Не знают
Слушают громкую современную музыку	14	86
Обсуждают важные проблемы	16	84
Посещают различные зрелищные, увеселительные мероприятия	15	85
Играют в азартные игры	19	81
Занимаются спортом	19	81
Распивают спиртные напитки	32	68
Пьют пиво	26	74
Курят	30	70
Используют нецензурную лексику	40	60
Употребляют наркотики	80	20

Примечание. Коэффициент Крамера [0...1]: 0,224, вероятность ошибки: 0,1 %.

Наиболее популярными наркотическими веществами в молодежной среде, по мнению студентов, являются гашиш (56 %) и курительные смеси (44 %). Каждый четвертый респондент также упомянул анашу, каждый пятый – экстази. Меньшее распространение в студенческой среде имеют психотропные препараты, дезоморфин, героин и кокаин.

Возможностей для приобретения наркотиков у современной молодежи масса. Основным фактором вовлечения студентов в процесс наркотизации становится именно доступность наркотиков. В ходе социологического исследования, проведенного нами в 2007 г. среди студентов РГППУ и УГТУ – УПИ и посвященного анализу эффективности мер профилактики наркотической зависимости в молодежной среде¹, было выявлено, что 56 % опрошенных когда-либо сталкивались с предложением попробовать наркотические вещества (табл. 15).

Таблица 15

Количество студентов, получавших предложение
попробовать наркотики

Предложение	Количество опрошенных, в %
Предлагали	56
Не предлагали	44

Ситуация усугубляется тем, что часто молодые люди все же решаются на этот опасный шаг. Каждый пятый участник опроса 2007 г., которому предоставили такую возможность, согласился попробовать наркотическое вещество (табл. 16).

Таблица 16

Реакция студентов на предложение попробовать наркотики

Реакция	Количество опрошенных, в %
Отказались	74
Согласились	26

Выше мы уже говорили о значении общения и референтной группы в жизни молодого человека. Как показали результаты исследования, проведенного весной 2007 г., референтная группа является основным социальным агентом, стимулирующим процесс наркотизации

¹ Социологическое исследование проводилось весной 2007 г. при поддержке РГНФ-Урал, проект № 07-06-83606 а/У.

молодежи. Причем наиболее активно этот процесс протекает в сфере досуга. Главной причиной употребления наркотиков 70 % участников опроса считают влияние «улицы» и дружеской компании (табл. 17).

Таблица 17

**Причины употребления молодыми людьми наркотиков
по мнению студентов**

Причина	Количество опрошенных, в %
Влияние «улицы», компании	70
Неблагополучие в семье	39
Мода на употребление наркотиков в молодежной среде	35
Неумение организовать свой досуг	34
Подражание молодежным кумирам	22
Общекультурная неразвитость	17
Непонимание со стороны взрослых	16
Отсутствие возможности заниматься в молодежных клубах, спортивных секциях, кружках	13
Проблемы в личной жизни	11
Неумение наладить контакты с окружающими	10
Проблемы в учебе	8

Следует отметить также, что причины употребления наркотиков, которые назывались студентами в ходе опроса 2007 г., в основном имеют внешний по отношению к учебному процессу характер. Увеличение учебной нагрузки может способствовать оздоровлению наркоситуации, поскольку обстоятельства, в которых молодые люди, по мнению студентов, впервые пробуют наркотические вещества, несут, прежде всего, досуговый характер (табл. 18).

Таблица 18

**Обстоятельства, в которых, по мнению студентов, молодежь
впервые пробует наркотики**

Обстоятельства	Количество опрошенных, в %
На дискотеке, в ночном клубе	55
На улице	33
Дома (у себя или у друзей)	26
У распространителей наркотиков	9
В учебном заведении	4
Не знают	1

Дискотеки и ночные клубы по-прежнему лидируют в списке мест, где молодежь впервые знакомится с наркотиками и где наркотики наиболее доступны (табл. 19). «Улица» и общение с друзьями в домашних условиях также способствуют наркотизации молодежи.

Таблица 19

Места, где, по мнению студентов, проще всего
приобрести наркотики

Место	Количество опрошенных, в %
Дискотека, ночной клуб	39
Дом распространителя наркотиков	20
Точка несанкционированной торговли	18
«Цыганский поселок»	12
Интернет	10
Проще приготовить самому	8
Рынок	7
Аптека	6
Учебное заведение	4
Через знакомых	1
Затрудились ответить	34

Каналы, по которым наркотики поступают к студентам, довольно разнообразны. Помимо ночных клубов наркотики могут приобретаться дома у распространителей, а также в точках несанкционированной торговли. Особенную опасность в данной ситуации представляет один из районов Екатеринбурга, образно названный населением «цыганским поселком» (см. табл. 19).

Достаточно новой тенденцией можно считать использование Интернета как канала приобретения наркотиков (10 % от числа ответивших). Учитывая «погруженность» современной молодежи в виртуальное общение, можно прогнозировать, что в ближайшем будущем этот канал будет только развиваться и охватывать все большую аудиторию.

Информированность студентов о наркотиках, точнее, возможностях их приобретения, зависит от пола: мужчины знакомы с этим вопросом гораздо лучше женщин (табл. 20).

В целом ситуация, сложившаяся в студенческой среде, имеет достаточно противоречивый, а в силу этого опасный характер. В ходе проведенных нами исследований удалось зафиксировать отрицатель-

ное отношение студенческой молодежи к употреблению наркотиков. Тем не менее, можно говорить о вовлечении достаточно большой доли молодежи в наркоситуацию. Наличие в ближайшем окружении людей, регулярно употребляющих наркотики, в дальнейшем может только усилить негативные тенденции.

Таблица 20

Информированность студентов о местах приобретения наркотиков
в зависимости от пола, % от числа опрошенных

Пол	Знание студентами мест приобретения наркотиков	
	Знают	Не знают
Женский	9	91
Мужской	30	70

Примечание. Вероятность ошибки 0,1 %.

Процессы наркотизации молодежи тесно связаны с возрастанием ее виктимной уязвимости. Выше мы уже отмечали, что проблема роста агрессии и насилия в российском обществе оценивается студентами как одна из наиболее значимых. Лишь незначительная доля опрошенных нами респондентов (3 %) считают, что вероятность стать жертвой преступления минимальна. Подавляющее же большинство участников опроса (68 %) говорят, что это вполне возможно. Опасения студентов оправданны, поскольку они регулярно сталкиваются с агрессивным поведением окружающих их людей (табл. 21).

Таблица 21

Количество студентов, сталкивавшихся с агрессивным поведением
окружающих, % от числа опрошенных

Категория людей с агрессивным поведением	Приходилось сталкиваться	Не приходилось сталкиваться
Товарищи по учебе, знакомые	32	68
Сотрудники милиции	30	70
Распространители наркотиков	10	90
Наркоманы	22	78
Преступники	24	76
Пьяные	78	22

Чрезмерное увлечение российского населения алкогольными напитками (это характерно в том числе для молодежного досуга) обусловливает частные конфликты студентов с пьяными людьми (78 % ответивших сталкивались с агрессией со стороны представителей именно этой категории лиц). Второе по частоте место занимают товарищи по учебе, знакомые (32 %) и сотрудники милиции (в современном варианте – полиции) (30 %). Почти каждый пятый студент испытал на себе агрессию со стороны преступников и наркоманов.

По массиву в целом 12 % респондентов сталкивались с преступными и насильственными деяниями по отношению к ним лично. Сама по себе эта цифра является значительной. Однако если учесть, что товарищи по учебе, друзья и прочие знакомые 37 % опрошенных нами студентов в течение последнего года хотя бы раз подвергались насилию или становились жертвой преступления, станет понятно, что масштабы виктимизации современной молодежи еще более существенны. В среднем каждый из отвечавших на этот вопрос студентов имеет трех знакомых, подвергавшихся насилию или ставших жертвой преступления.

В Екатеринбурге наиболее опасны, по мнению студентов, городские окраины (43 %), «Таганский ряд» (территория рынка и прилегающая местность) (42 %), «цыганский поселок» (39 %) и район железнодорожного вокзала (23 %). Впрочем, по мнению 41 % ответивших в ночное время опасен любой район города.

К преступлениям, которые совершались в отношении студентов, относятся:

- 1) кражи, ограбления (47 %);
- 2) драки, конфликты с пьяными и наркоманами, нападения (40 %);
- 3) сексуальное домогательство (13 %).

Несмотря на имевшие место насилие и преступления в отношении студентов, они очень редко обращаются в правоохранительные органы. Почти 8 из 10 жертв тех или иных преступлений по разным причинам не сочли нужным обратиться в органы правопорядка, что еще раз доказывает высокую латентность процесса виктимизации молодежи в крупном городе. Объясняется такая манера поведения отсутствием уверенности в том, что преступление будет раскрыто (48 %), и отсутствием доверия к правоохранительным органам (40 %). Более четверти ответивших вообще считают обращение в милицию (полицию) лишней тратой времени и нервов.

В целом следует отметить, что процесс виктимизации молодежи в мегаполисе носит латентный характер и имеет тенденцию к росту, а это, во-первых, увеличивает уровень социальной напряженности в обществе, во-вторых, провоцирует молодежь на ответную агрессию, формирует соответствующие модели поведения.

Процесс виктимизации усугубляется все более негативными тенденциями наркотизации молодежи. Важнейшим обстоятельством, постоянно подпитывающим данную ситуацию, является размытость, во-первых, характеристик студенческой молодежи как социальной группы (рекрутирование студенческой молодежи происходит из различных социальных слоев), во-вторых, некоторых социальных норм (отдельные виды отклоняющегося поведения – такие, как курение, употребление спиртных напитков и нецензурной лексики – в молодежной среде приобретают статус нормы, превращаются в традиционный элемент досуговой деятельности).

Глава 4. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕВЕНТИВНОЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

4.1. Методологические основы и модели превенции наркомании

В современном обществе для сдерживания и снижения наркотизации населения необходимо адекватное складывающейся ситуации ведение профилактической антинаркотической работы. Под *профилактической антинаркотической работой* мы понимаем такую систему мер превентивного характера, которая была бы направлена на создание условий для полноценного развития личности и ограничение факторов, провоцирующих первичную наркотизацию молодежи.

Антинаркотическая профилактика – это активный поступательный процесс создания условий для формирования личных качеств, поддерживающих благополучие растущего человека. Основными принципами профилактической работы являются непрерывность, своевременность, последовательность. В законодательных актах, в практической работе различают три типа профилактики наркомании: первичную, вторичную и третичную.

Первичная профилактика представляет собой комплекс социально-педагогических мероприятий, направленных на отказ от употребления психоактивных веществ теми, кто до сих пор не употреблял их, предупреждающих возникновение аддиктивного поведения прежде всего у подростков, формирование у них негативного отношения к потреблению наркотиков.

Первичная профилактика направлена, в первую очередь, на обучение людей умению сопротивляться социальному давлению, понимать последствия наркотизма для их здоровья и жизни. В связи с этим представляются необходимыми разработка и внедрение программ первичной профилактики наркотизма в молодежную среду непосредственно в образовательных учреждениях.

Вторичная профилактика – комплекс медико-психологических и социально-педагогических мероприятий, направленных на предупреждение формирования физиологической зависимости у лиц, эпизодически употребляющих наркотические вещества. Она касается тех

лиц, которые уже принимают наркотики, но не обнаруживают признаков заболевания. Цель вторичной профилактики – предотвращение рецидивов после лечения ранних форм наркомании. В таких случаях человека обучают нормальному, умеренному потреблению, рассказывают, как избежать проблем, связанных с передозировкой, уменьшить опасность заражения СПИДом.

Вторичная профилактика направлена на восстановление и развитие утраченных в процессе употребления наркотических веществ психологических характеристик личности, а также повышение общей устойчивости человека к давлению со стороны наркосреды. Такая профилактика может осуществляться как в индивидуальной, так и в групповой форме, причем наиболее эффективным вариантом является сочетание индивидуальных и групповых занятий с подростками.

Третичная профилактика (реабилитация) – это комплекс медицинских и психотерапевтических мероприятий, способствующих восстановлению личностного и социального статуса больного, зависимого от наркотиков человека (наркомана). Третичная профилактика направлена на избежание повторения рецидива заболевания у зависимого человека. Ее цель – уменьшить вероятность неоднократного лечения наркомана в больнице.

Третичная профилактика предполагает сложную и длительную реабилитацию, которой могут сопутствовать неоднократные рецидивы и даже безуспешное лечение. Третичная профилактика по сути своей уже не является профилактической, так как в основном связана с коррекционной и ресоциализационной работой. Понятно, что данным видом профилактики должны заниматься медики, наркологи и психологи в специализированных медицинских учреждениях. В образовательных учреждениях возможна организация только первичной и вторичной профилактики – именно эти виды превентивной работы мы будем подразумевать в дальнейшем, говоря о профилактике наркотизма.

Таким образом, первичная профилактика направлена на предупреждение болезней, вторичная подразумевает способы сдерживания темпа их развития и предупреждение осложнений, а третичная представляет собой комплекс реабилитационных воздействий на уже наркозависимых больных.

В решении проблем наркотической превенции главную роль должно играть государство как источник ресурсного обеспечения и формирования морально-нравственного климата в обществе. На государственном уровне в решении вопросов наркомании можно выделить три основных аспекта:

- формирование в обществе определенного отношения к наркотикам и наркоманам;
- разработка и осуществление государственной политики в вопросах борьбы с производством, сбытом и распространением наркотиков;
- конкретные меры, принимаемые государственными органами и общественными организациями по организации профилактики наркомании, реабилитации наркоманов и т. д.

На государственном уровне ни одна даже самая благополучная в экономическом отношении страна не финансирует весь спектр деятельности по борьбе с наркоманией и ее последствиями. Так, в Германии на долю общественных организаций приходится до 80 % всех специализированных наркологических медико-социальных служб: ими создана собственная сеть учреждений медицинской и социальной помощи, включая консультационные пункты, амбулатории, стационары, юношеские и молодежные центры, приюты и т. д. Бюджетное здравоохранение Германии ориентировано в основном на прямую медицинскую помощь – снятие наркотической интоксикации и специализированное наркологическое лечение в острых случаях. В стране действует принцип «помощь важнее наказания». Например, федеральный закон о наркотических веществах разрешает раздавать наркоманам одноразовые шприцы с целью недопущения заболевания СПИДом, давать наркоманам метадон (заменитель героина).

В Дании, Бельгии, Норвегии созданы достаточно разветвленные социально-реабилитационные сети помощи наркоманам. В этих странах обращается особое внимание на организацию отдыха, особенно в вечернее время, как альтернативу приему наркотиков. В профилактическую работу включаются бывшие наркоманы, а также молодежь, так как подростки не верят в массовые акции и редко доверяют взрослым.

Важным моментом в области предупреждения употребления психоактивных веществ и профилактики наркомании в зарубежных странах следует считать нацеленность мероприятий на контингент школьного возраста, так как именно несовершеннолетние быстро втя-

гиваются в наркотизацию, что осложняется сопутствующими болезнями вследствие отсутствия должной гигиены и наличия случайных половых контактов. В ряде стран для детей и подростков группы риска развернута целая сеть учреждений социальной помощи: «жилые общины» для молодежи, женщин с детьми, «кризисные» молодежные временные убежища, ночные приюты.

Другой формой работы за рубежом является организация помощи на рабочих местах, в учебных заведениях, что позволяет предотвращать наркотизацию несовершеннолетних, включенных и не включенных в группы риска. Это важное направление профилактической работы не может существовать без эффективно работающего института социальных работников. Во многих учебных заведениях европейских стран и США есть должности специалистов по профилактике зависимостей, консультантов, которые выявляют в учебных заведениях группы риска, исследуют причины возникновения проблем, вырабатывают совместно с администрацией, родителями и медицинскими специалистами программу действий. Такой подход широко распространен во всем мире; в нашей стране, к сожалению, он делает только первые шаги.

В России представляется важным и анализ правового поля с точки зрения профилактики употребления наркотических веществ. Все стороны, заинтересованные в решении проблем профилактики наркомании, ощущают потребность в конкретных законодательных актах, четко регламентирующих такую деятельность. Современное развитие законодательной базы характеризуется тем, что место профилактики среди других юридических понятий не определено, т. е. правовое поле профилактики не разработано. Законодательное обеспечение государственной системы профилактики наркомании практически отсутствует.

Изучение наркоситуации, сложившейся среди студентов ряда образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Свердловской области, позволило нам разработать концептуальные основы воспитания и адекватные программы превенции молодежного наркотизма в конкретных образовательных учреждениях, применяя технологию социального аудирования.

Социальный аудит можно назвать своеобразным инструментом менеджмента, специфической формой анализа условий социальной среды организации, способствующего выявлению факторов социальных рисков и выработке предложений по минимизации их воздейст-

вия. Суть его заключается в диагностике причин возникновения социальных проблем, изучении процесса их развития и адекватных способов разрешения, разработке мер предупреждения и минимизации негативных последствий. Аудит заключается в измерении достигнутых результатов и анализе факторов, тормозящих процесс достижения организацией поставленных целей.

Основные функции социального аудита:

1. Измерение фактически достигнутых результатов организации и соотнесение их с нормативно заданными, с целями и ценностями организации.

2. Корректировка деятельности организации для поддержания ее успешного функционирования.

3. Предупреждение возникновения кризисных ситуаций.

Различают внешний и внутренний социальный аудит. Под *внутренним* подразумевают действия собственного персонала (служб внутреннего контроля, менеджмента качества, специализированных лабораторий и др.) по оценке деятельности организации. Соответственно, *внешний* аудит – оценка социально значимой деятельности организации сторонними специалистами – представителями фирмы, специализирующейся на подобных видах исследований.

Наш опыт показывает, что при диагностике и решении такой проблемы, как оценка эффективности мер профилактики наркотической зависимости в образовательных учреждениях, результативнее внешний аудит в лице независимых специализированных организаций. Это связано, в первую очередь, со стремлением администрации образовательных учреждений приукрашивать ситуацию и оценивать ее необъективно.

В процессе аудирования используются междисциплинарные методы и технологии: диагностическое исследование, экспертное интервью, наблюдение, анкетирование, социометрический опрос и другие. Под социальным аудитом мы понимаем в первую очередь *систему обратной связи*, позволяющую выявить множество непредвиденных проблем и скорректировать управленческий процесс для минимизации отклонений организации от поставленных целей. Аудирование позволяет проводить точные сравнения с прошлыми результатами и результатами других организаций. Таким образом, социальный аудит позволяет получить актуальную информацию для принятия управленческих решений.

В отличие от понятия «контроль» термин «социальный аудит» акцентирует внимание на оценке социальных последствий и рисков в деятельности организации.

В основе социального аудита мер профилактики наркотической зависимости в образовательном учреждении должен лежать постоянный мониторинг наркоситуации в молодежной среде.

Сегодня можно обозначить четыре направления первичной профилактики в зависимости от размеров аудитории, возможностей влияния и основных целей антинаркотической работы государственных учреждений и органов власти.

Первое направление – *информационное*, приоритетным субъектом которого являются средства массовой информации, где помимо освещения негативных последствий зависимости и результатов борьбы с незаконным оборотом наркотиков необходимо давать практически ценную информацию о признаках злоупотребления наркотиками детьми и подростками, о конструктивном поведении взрослых, о самодиагностике для «экспериментаторов». Кроме того, самостоятельным блоком могут стать образцы антирекламы сигарет и алкогольных напитков.

Второе направление, которое необходимо развивать в профилактической работе, – это *апелляция к семье, временным и постоянным сообществам* («тусовкам»). Данное направление деятельности возможно реализовать через семейные консультативные пункты, женские и прочие общественные организации, средства печати. Здесь можно говорить о ценности жизни, здоровья, успеха, отношений. Только внутри этих социальных структур возможны освоение позитивных жизненных правил и приобретение практического опыта в формировании системы ценностей.

Многие родители и педагоги полагают, что проблема наркомагии их не касается, и не обсуждают ее со своими детьми. Зачастую даже взрослые помогают детям сделать первый шаг к наркотикам. Стоит ребенку чихнуть, как его, еще не заболевшего, начинают пичкать лекарствами. Уже с рождения ребенок привыкает к таблеткам, уколам. К тому же дети во многом берут пример со взрослых. Они видят, как их родители снимают стресс при помощи алкоголя, таблеток, и копируют поведение старших. А родительская задача состоит в том, чтобы научить подростков использовать собственные ресурсы

(интеллектуальные, физические, духовные) для противостояния внешней среде. Нужно готовить и педагогов, которые, в свою очередь, смогут консультировать родителей.

О чем раньше говорили с молодежью? О том, как вредно и как страшно принимать наркотики. Такое «запретительное» и «устрашающее» воздействие, по данным наших исследований, лишь провоцировало наркотизацию молодежи в силу возрастной тяги к необычному, запретному, страшному и ничего общего с профилактикой наркомании не имело. «Устрашающий» подход к антинаркотической работе никак не влиял на решение базовых проблем данной социально-демографической группы, не учил молодых людей справляться с опасностями, осознавать цену своей жизни, не объяснял причины обращения к наркотикам, а главное, не предлагал альтернативных путей снятия напряжения посредством приобщения к спорту, искусству, творчеству.

Третье направление вырастает из изучения психических нарушений, возникших по причине дефицита общения, – таких, как гиперактивность, склонность к рискованному поведению, жестокость и др. В этом направлении профилактика становится предметом психодиагностики, деятельности профессионалов в области *психотерапии* и *психокоррекции*.

Четвертое направление первичной профилактики – *интерактивное обучение* в рамках образовательных программ. Здесь молодыми людьми может осуществляться направленное освоение психосоциальных навыков, способствующих автономии личности и ее позитивному развитию через взаимодействие с окружающими, через символическое овладение ситуациями, связанными с риском для здоровья и жизни.

Подобное структурное деление по сути единой профилактической работы является в известной мере условным, однако выработка и построение схемы превентивной деятельности помогает ставить и решать как исследовательские, так и практические задачи.

Сегодня уже очевидно выдвижение на первый план не только проблемы лечебно-профилактической и реабилитационной работы в области наркологии, касающейся явных, запущенных случаев, но и проблемы превенции наркомании в целом, т. е. комплекса осознанных и согласованных мер и действий, направленных на предупреждение болезни, на опережающее целевое воздействие и исключение ее причин, прежде всего внутренних.

Анализируя сложившуюся в России ситуацию в области профилактики наркомании, следует отметить, что первичной профилактикой наркомании преимущественно (в меру своих сил и возможностей) занимаются образовательные учреждения среднего звена – школы, профессиональные училища, менее активно – колледжи, лицеи и вузы. Например, в последние годы введены новые учебные программы («Основы безопасности жизнедеятельности», «Валеология»), которые, однако, лишь косвенным образом ориентированы на профилактику наркомании. В стране до сих пор нет единой общегосударственной антинаркотической программы.

Сегодня одним из основных вопросов предупреждения распространения наркотиков является содержательная сторона профилактической деятельности. Подход, в основе которого лежало, по существу, устрашение мерами юридической ответственности, негативными последствиями для здоровья и жизни потребителей, в последнее время подвергается резкой критике. Все большую популярность получают концепции, основывающиеся на положительных образцах, – «позитивные ориентации», «снижение вреда», «здоровый образ жизни».

Все существующие в России антинаркотические программы можно условно разделить на три типа: семейные, школьные, уличные. В *семейных* программах делается акцент на выравнивании ситуации при семейном неблагополучии, нарушениях родительско-детских отношений, наличии родственников-наркоманов или алкоголиков, предлагаются различные мероприятия по улучшению отношений в семье. *Школьные* программы, как правило, ориентируются на формирование у обучающихся альтернативного наркотизации здорового образа жизни, умения противостоять негативному влиянию сверстников-одноклассников. В их рамках проводятся уроки формирования социальных навыков сопротивления наркодавлению, распространяется информация о негативных последствиях злоупотребления наркотиками.

В *уличных* программах акцент ставится на нейтрализации вредного влияния безнадзорности детей, дворовых компаний. Делаются попытки в сотрудничестве с полицией организовать свободное от школы время детей так, чтобы они были заняты под контролем взрослых.

Определенным вкладом в антинаркотическую работу является организация антинаркотической пропаганды в сети Интернет. На сегодняшний день антинаркотический ресурс широко представлен на ряде сайтов (Antipav.ru, Narkotiki.ru, Otrok.ru и др.). На этих сайтах, кроме

собственно размещения информационного антинаркотического ресурса, осуществляется консультативная помощь по различным аспектам антинаркотической профилактики, что представляется очень важным, в том числе и при решении проблем дистанционного образования.

Кроме того, все больше внимания уделяется программам, касающимся здорового образа жизни (темы конференций, Интернет, статьи в журналах и т. д.). Здоровый образ жизни сейчас не только слова, это выбор жизненной позиции, выбор своего будущего. Задача образовательных учреждений – помочь подрастающему поколению не растеряться среди обманчивых соблазнов, модных влияний и выбрать верный путь. Здоровый образ жизни предполагает, что ребенок должен уметь радоваться, удивляться, восхищаться, уметь играть и трудиться, уметь быть добрым и общительным, а значит, быть счастливым.

Следует различать профилактику и пропаганду здорового образа жизни; последняя отличается от профилактики своим глобальным пониманием здоровья. Пропаганда здорового образа жизни задействует индивидуальные и коллективные ресурсы физического, психологического и социального благополучия. Она адресуется не только здоровым людям, но и больным.

Эффективное решение проблем наркотизации возможно исключительно в рамках научно обоснованных моделей организации превентивной антинаркотической работы. На сегодняшний день существует несколько классификаций таких моделей. Вот некоторые из них.

1. Классификация моделей профилактики наркотизма по способу решения задач¹

В правовой модели доминирующая роль отводится законодательному регулированию проблем, связанных с преодолением наркотизма.

Медицинская модель основана на постулате о том, что злоупотребление наркотиками представляет собой серьезный болезненный процесс, а его распространение носит характер эпидемии. В ней отдается предпочтение мерам медицинского характера.

В психосоциальной модели потребители наркотиков рассматриваются через призму разнообразных психических процессов, происходящих во взаимодействии с окружающей средой.

¹ *Стребков А. И.* Антинаркотическая политика в России: образовательный аспект. URL: <http://www.ecadi.ru>; *Прохорова М. Л.* Медицинский аспект профилактики наркомании. URL: <http://www.Antipav.ru>.

2. Классификация моделей профилактики наркотизма по характеру использования поступающей информации¹

Запрещающая модель. В ряде стран введен «сухой закон» на все виды наркотиков, осуществляется полный государственный контроль над ними. К негативным последствиям такой запрещающей модели можно отнести рост преступности, нанесение вреда здоровью подростков, страдающих зависимостью и уклоняющихся от официальной регистрации.

В нашей стране вплоть до настоящего времени акцент в профилактике наркотизма также ставился на методе запретов и наказаний. Пожалуй, самым существенным ее недостатком является то, что данная технология не учитывает социально-психологические и возрастные особенности человека. Эти деструктивные методы, связанные с запугиванием, сегодня все чаще заменяют ориентированием молодежи на формирование таких установок, при которых наркотики не являлись бы жизненной ценностью.

Информационная модель. Она направлена на формирование негативного отношения к наркотикам. Для этого используется большое количество приемов. Например, широко распространяется информация о негативных последствиях употребления наркотиков. Для создания негативных установок задействуются высказывания авторитетных сверстников, популярных киноартистов, рок-певцов, проводятся публичные дискуссии в классе и семье, где обсуждаются все доводы «за» и «против» употребления психоактивных веществ.

Модель обучения навыкам. Она направлена на формирование социально-психологических навыков, которые помогают противостоять желанию, предложению использовать наркотики, возможно, найти ответы, построить модели поведения в ситуациях, когда нужно отказать от предложения употребить наркотики.

В рамках данной модели существует еще одна, своеобразная, модель превенции наркотизма – *экстремальная*, которая связана с различными экстремальными видами спорта, с поиском новых ощущений. Это могут быть прыжки с парашютом, экстремальные походы, покорение вершин, сноубординг и т. д. Основываясь на данных психофизиологии человека, специалисты говорят о том, что гормон, выделяющийся в организме в различных экстремальных ситуациях,

¹ Беличева С. А. Основы превентивной психологии. Отклоняющееся поведение. URL: <http://www.yurpsy.ru>.

одинаков с тем, который вырабатывается при употреблении наркотиков. Следовательно, экстремальная модель, помимо компенсаторной функции, связана с психофизиологией и, помогая достичь ощущения адреналина, может препятствовать потреблению наркотиков. Помимо этого, занятия данного рода увлечениями связаны с физическими способностями организма, которые зачастую не могут совмещаться с потреблением наркотиков.

3. Классификация моделей превенции наркотизма в зависимости от целей профилактической работы

Социально-медицинская модель предполагает информирование (в основном в виде бесед и лекций) молодых людей о последствиях употребления наркотиков для психического и физического здоровья. Основная цель – предупреждение таких сопутствующих наркомании заболеваний, как гепатит, венерические болезни, ВИЧ-инфекции. Для реализации этой модели обычно привлекаются специалисты (медицинские работники, имеющие опыт педагогической работы).

Социально-экологическая модель связана с овладением молодежью техникой социальной безопасности, предполагающей нанесение вреда себе и окружающему миру, умение противостоять давлению группы и использовать навыки поддержания духовного и физического здоровья, доминирование ценностей здорового образа жизни. Для реализации данной модели необходимы совместные усилия педагогов, родителей, психологов, представителей лечебно-профилактических, культурных и спортивных учреждений.

Креативно-развивающая модель направлена на формирование у обучающихся личностных ресурсов, творческого потенциала, профессиональных способностей. Учитывая преимущественно компенсаторную природу негативных девиаций (и наркотизма в том числе), данная модель должна органически встраиваться как в учебный процесс, так и во внеучебные мероприятия, проводимые в учебном заведении. Включенность молодого человека в просоциальные коллективы, возможность реализации его способностей и талантов в различных сферах деятельности (учебной, спортивной, культурной, научной), насыщенная школьная и студенческая жизнь выступают факторами, снижающими риск первичной наркотизации.

Эта модель предполагает внедрение молодежных программ здорового образа жизни, в основу которых легла бы объективная и вызы-

вающая доверие информация о наркотизации и ее последствиях и целью которых было бы формирование у молодежи стилей и моделей образа жизни, социально приемлемых и одновременно предоставляющих возможности для наиболее адекватной самореализации и самовыражения личности, для адаптации в окружающей среде.

В наше время различные методики профилактики наркотизма перестали быть новшеством. Вот уже много лет идет процесс разработки и внедрения различных моделей превенции, но, к сожалению, по сию пору проблема остается одной из самых сложных и практически нерешенных. В силу ряда причин (экономических, политических, социальных) существующие программы превенции чаще становятся предметом критики, нежели практического осуществления и внедрения. Зачастую критика является обоснованной. Так, мы на каждом углу слышим и видим лозунги о вреде наркотиков и не задумываемся о том, что тем самым пагубно влияем на молодежь. Ярко, красочно описанные в литературе, кино, прессе примеры приема наркотических веществ, скорее, вызывают обостренный интерес к их потреблению, нежели заставляют отказаться от таковых. До сих пор неизвестно, в какой степени разработанные программы и модели превенции оказывают благоприятное воздействие. Так же, как и в случае с многочисленными образовательными программами, в нашей стране пока не проводилось серьезных исследований их действенности и эффективности.

Следует признать, что современный массовый наркотизм порожден самим ходом антропогенеза, имеет глубокие исторические корни и социально-культурные предпосылки, которые нельзя не учитывать при социальном проектировании антинаркотической работы. Несмотря на то, что злоупотребление наркотиками стало одной из важнейших мировых проблем лишь в XX в., опыт потребления наркотических веществ измеряется, по самым скромным оценкам, многими тысячелетиями.

Наркотики издревле являются атрибутом человеческого сообщества, органично вплетены в его обычаи, ритуалы, культурные традиции. Употребление наркотиков может выступать формой познания мира, свойственной определенному возрасту, культуре или субкультуре. Длительность потребления человеческим обществом наркотиков свидетельствует о том, что они выполняют определенные, иногда жизненно важные, социальные функции. Суть проблемы заключается не в самих наркотиках, а в культуре их использования.

Однако если когда-то наркопотребление было элементом ритуальных церемоний, то для современного общества наркомания является, безусловно, социальным злом. Наркомания – одно из наиболее серьезных девиантных явлений, с которым человечество вступило в XXI в. По оценкам ООН, в 2001 г. в мире насчитывалось 200 миллионов человек, злоупотребляющих наркотиками. Увеличение численности потребителей наркотиков происходит преимущественно в слаборазвитых и развивающихся странах, к которым относится сегодня и Россия. Самая опасная тенденция заключается в том, что наиболее интенсивно растет число наркоманов среди молодежи.

Злоупотребление наркотическими веществами влечет за собой множество опасных последствий: люди еще в молодом возрасте превращаются в хронических больных, инвалидов, нетрудоспособных, а нередко и социально опасных членов общества, вследствие чего разрушаются семьи, учащаются случаи самоубийств и преступлений на почве алкогольных и наркотических психозов, возникающих из-за стремления любым путем удовлетворить потребность в наркотиках.

Несмотря на сложность наркотической ситуации в обществе, мы должны все-таки признать приоритетность первичной профилактики злоупотребления наркотиками и иными психоактивными веществами. Первичная антинаркотическая профилактическая работа является прерогативой социальных структур, которые ближе всего находятся к ребенку и его семье, и в первую очередь учебных заведений, социальных служб, правоохранительных органов, медицинских учреждений и общественных организаций. Только объединение усилий всех государственных и общественных структур позволит остановить нарастающий вал наркотизации, который обрушился на российское общество за последние два десятилетия, и преодолеть негативные тенденции в развитии наркоситуации в стране.

4.2. Методологические основы разработки комплексной программы профилактики наркотизации на муниципальном уровне

Как уже отмечалось выше, все негативные (девиантные) отклонения от общепринятых норм поведения имеют компенсаторную природу и тесно связаны с нереализованностью человека в социально

одобряемых видах деятельности, а также с нарушением адаптационных механизмов как в обществе в целом, так и на уровне отдельных социальных групп.

Поскольку девиантность, в определенной степени, есть реакция человека на изменения внешней среды, т. е. она выступает способом адаптации к ней, то невозможно полностью искоренить, ликвидировать негативное девиантное поведение, а значит, и наркоманию. В первую очередь надо изменять социальную среду.

Долгое время основные силы и средства нашего общества были направлены на лечение наркомании как уже сформировавшейся медико-социальной болезни, но результат оставлял желать лучшего. Неэффективными оказались и сугубо репрессивно-карательные формы социального контроля за злоупотреблением наркотиками: проблема загонялась «вглубь», удары наносились не по причинам наркомании, а по ее последствиям.

Сегодня становится очевидным выдвижение на первый план не столько проблем лечебно-профилактического и реабилитационного характера, сколько вопросов *превенции наркомании*, т. е. комплекса социально приемлемых мер и действий, направленных на предупреждение и минимизацию наркомании как социальной болезни. В этом смысле наиболее перспективной является идея использования модели *позитивного девиантного поведения* как альтернативы негативным формам.

Однако вопросы, посвященные профилактике наркотизма, носят достаточно общий характер, отсутствует четкая методология превенции. Надо отметить, что даже в тех работах, которые посвящены профилактике наркотизма в молодежной среде (исследования А. Л. Вдовиченко, В. В. Гульдаи, В. В. Макарова, Т. И. Петракова, О. Л. Романовой и др.), формулируются лишь общие требования к превенции молодежного наркотизма, анализируется опыт частичной адаптации в российском социуме программ превентивного обучения и воспитания подростков, применяемых на Западе. Конкретные методики и программы по профилактике наркотизма, пригодные для России, практически не предлагаются; а те, которые разработаны в условиях России, обладают рядом недостатков: они не всегда научно обоснованы, громоздки и трудоемки в исполнении; кроме того, нет данных об их эффективности.

Мы исходим из того, что решение любой комплексной проблемы требует, соответственно, комплексного подхода. Достижение определенного успеха в нашем случае возможно лишь при координации усилий всех структур и образований, имеющих отношение к профилактике и превенции молодежной наркомании: правоохранных, образовательных, медицинских, управленческих, общественных и др. К сожалению, на практике чаще наблюдается разрозненность действий организаций, ведомств и специалистов, призванных решать эту проблему.

Как показывает практика, на уровне отдельных территорий и муниципалитетов наиболее целесообразна разработка общей программы социального противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту, которая бы стала научной и организационной основой превентивной антинаркотической политики в отдельно взятом муниципальном образовании. В такой программе должны быть сформулированы стратегические направления и прописаны принципы действия всех заинтересованных сторон: администрации района, государственных, муниципальных, общественных организаций, хозяйствующих субъектов, гражданского населения.

Рассмотрим основные элементы программы.

Наименование программы исходит из того, что наркомания – это беда, одолеть которую можно только всем миром. Когда речь заходит о профилактике наркомании, то проблема выходит за пределы сферы здравоохранения или правоохранительной деятельности – она становится общесоциальной. И здесь должны быть задействованы различные общественные структуры, в частности, учреждения образования, культуры и спорта, индустрия питания, средства массовой информации, общественные организации и др. Учить здоровью надо так же, как алгебре, физике, истории... Именно этот тезис должен быть положен в основу разрабатываемой программы и отражен в ее социальной направленности. Против наркотиков надо выступать широким социальным фронтом.

В программе социального противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту выделяются три основных направления работы: правоохранный, медицинский и социально-педагогический, причем последнее направление должно стать приоритетным. Прежде всего, не забывая о других мероприятиях, необходимо развивать систему *первичной профилактики*

ческой работы с молодежью. Первичная профилактика употребления психоактивных веществ должна стать социальным заказом со стороны населения и администрации территории.

Сегодня центр тяжести следует перенести из правоохранительной сферы в социально-педагогическую. Организация антинаркотической профилактической деятельности – это организация нового социокультурного пространства, которое предполагает вовлечение в профилактику всех здоровых интеллектуальных, нравственно-волевых, культурно-ценностных, мировоззренческих и профессиональных ресурсов. Именно поэтому в названии комплексной программы должны быть отражены меры социального противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту.

Назначение программы заключается в том, что она должна выступать научно-методической и планово-организационной основой превентивной антинаркотической политики в отдельно взятом муниципальном образовании. Цель и основные задачи программы должны соответствовать государственной политике в социальной сфере, современному состоянию российского общества, местным социально-экономическим, национально-культурным и демографическим особенностям.

Программа должна быть межведомственной и объединять деятельность администрации района, государственных, муниципальных, общественных организаций, хозяйствующих субъектов, а также отдельных граждан, заинтересованных в активной муниципальной антинаркотической работе на территории.

Основными *исполнителями и соисполнителями программы* должны быть структурные подразделения администрации района: межведомственная комиссия по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту, комитет по молодежной политике, комитет по спорту, комитет по культуре, комитет по здравоохранению; управление образования, управление социальной защиты, районный отдел внутренних дел, военный комиссариат, образовательные, медицинские и культурные учреждения района.

Целью программы должно стать формирование на территории единого профилактического пространства и социальной среды, способной противостоять наркодавлению и приобщению граждан к потреблению наркотических средств.

В отношении молодежных групп населения цель может отражать специфику их образа жизни. Цель молодежной профилактики наркомании – создание в молодежной среде ситуации, препятствующей злоупотреблению наркотиками и снижающей вред от их употребления.

Задачи программы:

1. Дальнейшее сокращение наркомании, прежде всего в молодежной среде, и связанных с ней негативных проявлений в социальной и других общественных сферах. Приоритетным видом превентивной работы в данной программе является *первичная профилактика* наркозависимости.

2. Проведение превентивных мероприятий, препятствующих поступлению на территорию района наркотиков, и изъятие у граждан незаконных наркотических средств.

3. Активизация в районе деятельности по организации разнообразных спортивно-оздоровительных, культурно-массовых, досуговых мероприятий для всех категорий населения, и в первую очередь – для молодежи.

4. Обеспечение доступности консультативной, лечебной и реабилитационной помощи лицам, употребляющим наркотические средства, и их родственникам.

5. Обеспечение современными научно-методическими разработками деятельности специалистов разного профиля по профилактике наркотической зависимости, и в первую очередь – педагогов образовательных учреждений.

6. Доведение до населения основных идей и подходов, заложенных в данной программе, и оперативное информирование о ходе ее реализации. Обеспечение возможности участия каждого жителя района в профилактике злоупотребления наркотическими средствами.

7. Совершенствование работы средств массовой информации и учреждений социальной сферы, непосредственно влияющих на формирование физического и нравственного здоровья населения района.

8. Постоянное ведение мониторинга и научно-исследовательской работы по отслеживанию динамики наркотизации населения района и разработка эффективных профилактических мероприятий наркозависимости.

Как показывает мировой опыт, проблема профилактики злоупотребления наркотическими веществами не может быть кардинально решена за короткий исторический срок. Стратегически программа может быть определена на длительный период становления гражданского сообщества, способного противостоять наркодавлению, однако основные мероприятия программы рассчитаны на реализацию в течение двух-трех лет.

Реализация программы основывается на следующих принципах социального управления:

1) *комплексности*, который заключается в привлечении к реализации программы разных учреждений, ведомств, общественных организаций, специалистов различного профиля (социологов, педагогов, медиков, юристов, представителей силовых структур, религиозных конфессий и др.);

2) *системности*, предполагающем единство пропагандистской, превентивной, медицинской, воспитательной, научно-исследовательской работы;

3) *приоритетности первичной профилактики*, т. е. акцент ставится на работу со здоровыми, молодыми людьми, не употребляющими наркотические вещества;

4) *наступательности*, требующем действий опережающего характера, активного противостояния наркоагрессии;

5) *долгосрочности*, т. е. выстраивание превентивной работы с ориентацией на перспективу, а не на сиюминутные результаты;

6) *научной обоснованности*, означающем учет в работе современных достижений науки и практики;

7) *обратной связи*, подразумевающим постоянное ведение мониторинга наркоситуации в молодежной среде, оценку эффективности проводимых профилактических мероприятий, исследование динамики распространения наркомании;

8) *социального партнерства*, согласно которому система взаимоотношений должна быть основана на распределении ответственности и направлена на обеспечение интересов в решении проблем профилактики наркопотребления всех заинтересованных сторон: органов власти, учреждений, ведомств, общественных организаций, хозяйствующих субъектов, частных лиц.

В плане реализации программы профилактики на территории отдельного муниципального образования необходимо выделить следующие направления деятельности: нормативно-правовое, финансовое, организационно-управленческое, информационно-аналитическое, лечебно-профилактическое, подготовка и переподготовка кадров, научно-методическое обеспечение антинаркотической работы. Рассмотрим указанные направления антинаркотической работы подробнее с предложением определенных превентивных мероприятий.

1. *Нормативно-правовое и правоохранительное обеспечение* профилактической антинаркотической работы предполагает ведение силовыми структурами превентивной работы по изъятию незаконных наркотических средств у населения, непримиримой борьбы с производством и незаконной доставкой наркотических средств. В рамках этого направления необходимо поддерживать в силовых структурах кадровую политику, направленную на укрепление их рядов, укреплять материально-техническую базу, помогать в обеспечении необходимыми средствами и материалами экспресс-диагностики наркотического состояния вне лабораторных условий; поддерживать работу по выявлению полицией наркопритонов, лиц, вовлекающих несовершеннолетних в потребление наркотиков, объявить жестокую борьбу распространителям наркотиков в местах массового досуга молодежи.

2. *Финансовое обеспечение* профилактической антинаркотической работы является основой действий всех участников программы, источником ее ресурсного обеспечения. Для более полной и эффективной реализации данной программы необходимо финансирование, соответствующее содержанию поставленных в ней задач и заложенных мероприятий. Немаловажное значение в деле профилактики потребления наркотиков играют социально-культурные и спортивно-массовые оздоровительные программы и мероприятия. Это направление финансирования должно стать приоритетным на данном этапе.

Финансирование программы должно основываться на принципе социального партнерства с долевым участием бюджетов разных уровней, с привлечением средств и ресурсов общественных (благотворительных) организаций, хозяйствующих субъектов всех организационно-правовых форм, заинтересованных в реализации программы.

3. *Организационно-управленческое обеспечение* – это деятельность по координации мероприятий программы. Проблема профилак-

тики наркозависимости носит межведомственный характер, поэтому необходимо так выстраивать единое профилактическое пространство района, чтобы все, начиная с обычного жителя, могли бы участвовать в реализации антинаркотической программы. На Западе это называется «*community policing*» («никто не устраняется от решения общественных проблем»).

Нужны популяризация разработанной программы превентивных действий, доведение ее до большинства населения района. Всеми доступными способами надо стремиться к блокированию идеологии потребления наркотических средств и формировать социально приемлемую иерархию ценностей у подростков и молодежи. Только действуя таким образом, можно добиться сколько-нибудь ощутимого результата.

4. Информационно-аналитическое обеспечение профилактики наркозависимости – очень важное направление деятельности. Практика противодействия злоупотреблению наркотиками традиционно относит к важнейшим направлениям профилактики *антинаркотическую пропаганду*. В советский период российской истории антинаркотической пропаганде придавалось большое значение, но и тогда в ее адрес раздавались нарекания в том, что она не отличается разнообразием материала и эффективностью его подачи. Основной упор делался на запугивании неблагоприятными последствиями медицинского и правового характера. Все эти меры оказались не столь эффективными; впрочем, о существовании в стране проблемы наркотизма заговорили лишь в годы перестройки. Все, что было связано с потреблением наркотиков, как и многие другие «острые» вопросы, в Советском Союзе было засекречено.

Несмотря на то, что со времени легализации этой темы прошло не менее 30 лет, нельзя сказать, что проблема хорошо изучена; главное – отсутствуют четкие, эффективные механизмы предотвращения наркотизма. Для половины молодых людей источниками сведений о наркотиках являются СМИ и Интернет¹. К сожалению, это обстоятельство вызывает скорее тревогу, чем удовлетворение. Рутинность, неизобретательность в формах подачи материала, скудость его содержания, повлекшие критику в адрес средств массовой информации

¹ Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. URL: [http:// www.high.ru/library/scinse/drugs-n-social](http://www.high.ru/library/scinse/drugs-n-social).

последних советских и первых постсоветских лет, выглядят значительно меньшей бедой в сравнении с «красочным» освещением проблемы наркотиков в современных российских средствах массовой информации. Если в некоторых изданиях вред от такого рода публикаций обусловлен некомпетентностью и небрежностью отдельных журналистов и редакторов, то часть изданий под видом поиска решения важной проблемы выработки эффективных мер борьбы с наркоманией ведет плохо маскируемую пропаганду наркотиков.

Необходимо координировать деятельность местных СМИ, направленную на освещение негативных последствий наркотической зависимости, результатов борьбы с незаконным оборотом наркотиков, необходимо давать практическую информацию о признаках злоупотребления наркотиками детьми и подростками, о поведении и действиях в этих случаях родителей, взрослых, о механизмах формирования и развития наркомании и токсикомании, об их тяжелых медицинских и социальных последствиях.

5. *Социально-педагогическое обеспечение* – это, в том числе, и спортивно-оздоровительная работа с населением, в первую очередь с молодежью. Важным фактором первичной профилактики наркопотребления является обеспечение досуга и занятости детей во второй половине дня. Значительную роль в профилактике наркопотребления играет система дополнительного образования школьников, выполняющая не только развивающую, обучающую, воспитывающую, но и социально-педагогическую, реабилитирующую, профилактическую функции; очень действенны социально-культурные и спортивно-массовые оздоровительные программы и мероприятия.

Необходимо выявлять и удовлетворять базовые потребности молодежи. Для этого следует энергично развивать сеть учреждений дополнительного образования, детско-юношеских спортивных и туристических секций и клубов, оснащенных спортоборудованиями, спортплощадками и инвентарем, педагогическими и тренерскими кадрами, обеспечивающих организацию доступного и содержательного досуга для детей, подростков и молодежи. Надо максимально использовать огромный потенциал физической культуры и спорта в профилактике наркомании, поскольку это наименее затратный и наиболее результативный рычаг форсированного морального и физического оздоровления детей, подростков и молодежи.

Требуются создание летних лагерей труда и отдыха на базе детских клубов по месту жительства, разработка комплексных целевых программ профилактики наркозависимости на основе организации работы волонтеров по принципу «ровесник – ровеснику». Следует организовывать различные социально-культурные, военно-спортивные досуговые мероприятия, рассчитанные в первую очередь на подростков и молодежь. Властям необходимо рассмотреть вопрос об отчислении средств на организацию и содержание дополнительного количества спортивных секций, спортивных клубов, летних оздоровительных лагерей, клубов по интересам, медицинских центров и других учреждений, предоставляющих бесплатные услуги по укреплению здоровья и организации содержательного и развивающего досуга детей и подростков.

Нужно организовывать реабилитационную работу с детьми, попавшими в зависимость от наркотиков; очень продуктивны «телефоны доверия» для оказания экстренной помощи, создание анонимно-консультативных кабинетов для родителей и подростков, центра реабилитации для детей и подростков с аддиктивным поведением, который бы мог координировать всю работу в районе по вторичной и третичной профилактике. Необходимы разработка и внедрение профилактических программ антинаркотической работы с социально неблагополучными семьями, на производстве, с безнадзорными и беспризорными детьми, организация работы опорных (экспериментальных) площадок по реализации инновационных программ и проектов профилактики наркотической зависимости среди молодежи.

Мировой и отечественный опыт показывает, что средства физической культуры и спорта обладают универсальной способностью в комплексе решать проблемы повышения уровня здоровья населения, воспитания и образования детей, подростков и молодежи, формировать здоровый морально-психологический климат в обществе. Всемирно признано, что занятия физической культурой и спортом являются не только превентивным средством поддержания и укрепления здоровья, профилактики различных заболеваний и вредных привычек, но и важным фактором предупреждения асоциального поведения молодежи, и в частности распространения наркомании.

Увлечение наркотиками – явление групповое, атрибут определенной субкультуры, проявление уродливых форм коллективного

сознания. Сфера спорта также опирается в своей основе на идею сплочения малых групп (спортивной команды). Но в спорте воспитание в команде строится на принципах взаимовыручки и солидарности, являясь реальной альтернативой наркотикам. Именно поэтому вовлечение в занятия физической культурой и спортом может рассматриваться как реальный противовес организованной наркомафии, заинтересованной в широком распространении наркотиков в молодежной среде. Утверждение такой позиции позволяет по-иному посмотреть на феномен физической культуры, способной выработать у детей, подростков, молодежи устойчивые психологические установки и ценностные ориентации, позволяющие противостоять приобщению к среде наркоманов и сохранять стойкое отрицательное отношение к наркомании и алкоголизму.

6. *Лечебно-профилактическая работа* учреждений системы здравоохранения подразумевает вторичную и третичную профилактику наркозависимости. Вторичная профилактика, как мы уже говорили, – это система мер, направленных на восстановление и развитие утраченных в процессе употребления наркотических веществ психологических характеристик личности, а также на повышение общей устойчивости человека к давлению со стороны наркосреды. Она касается лиц, которые уже принимают наркотики, но не обнаруживают признаков заболевания. Цель вторичной профилактики – предотвращение рецидивов после лечения ранних форм наркомании. Третичная профилактика – это сложная и длительная реабилитация человека в случае неоднократных рецидивов и безуспешного лечения. Третичная профилактика уже не является по своей сути профилактической работой, а в основном связана с ресоциализацией наркоманов. Данным видом профилактики должны заниматься только специалисты-медики, прежде всего наркологи и психологи.

Подготовка и переподготовка кадров – специалистов в области превенции и профилактики – предполагает серьезную научную и методическую работу по профессиональному оснащению лиц, осуществляющих профилактическую работу, методическими психологическими, педагогическими и социальными инструментами антинаркотической профилактики. Только овладение таким инструментарием делает их действительно настоящими превентологами, специалистами в области антинаркотической профилактической деятельности.

7. *Научно-методическое обеспечение* антинаркотической работы в районе – одно из наименее разработанных направлений. Не до конца преодолен информационно-просветительский подход в решении проблем профилактики злоупотребления психоактивными веществами среди детей и молодежи, когда план антинаркотической работы обеспечивается за счет регулярных, но недостаточно эффективных мероприятий (чтение лекций, проведение антинаркотических акций, конкурсов плакатов, рисунков) с акцентированием внимания на негативных последствиях наркомании. Отстает уровень индивидуальной профилактической работы с подростками и молодежью, потребляющими наркотики, слабо ведется работа с семьями. В первую очередь упор надо делать на первичную профилактику, на нравственное и духовное развитие человека и общества, разрабатывать комплексные целевые программы профилактики наркозависимости по принципу организации работы волонтеров («ровесник – ровеснику»). Необходимы изучение и применение международного и российского опыта профилактики наркозависимости, лечения и ресоциализации потребителей наркотических средств, участие в международных и российских программах по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту. Следует установить дружеские контакты с иностранными и российскими городами (города-побратимы), расположенными в аналогичных природно-климатических зонах (Финляндия, Швеция, Норвегия, Канада), с которыми можно было бы обмениваться опытом работы по проблемам наркомании.

Чтобы предлагаемая ниже комплексная система мероприятий (см. п. 4.3) оказалась эффективной (качественной и результативной), она должна соответствовать ряду принципов:

- опираться на научные исследования в области распространения молодежной наркомании;
- носить предупреждающий (превентивный) характер;
- предусматривать разнообразные формы взаимодействия всех слоев общественности, всех ведомств и органов управления, всего населения района в целом;
- быть нацеленной на активное сотрудничество с молодежью, формальными и неформальными молодежными объединениями, помогать в реализации их позитивных интересов и устремлений.

Существует много видов поведения человека, представляющих-ся не соответствующими общественным интересам и социально не-желательными. Социально отклоняющееся поведение имеет место то-гда, когда нарушаются нормы поведения, неформальные поведенче-ские установки. К числу важнейших задач при ведении превентивной антинаркотической работы относится выявление более-менее точного состояния наркоситуации на территории.

Не бывает наркомании, полностью оторванной и не зависящей от социальной реакции общества на употребление наркотиков. Нар-комания есть прежде всего атрибут социума системы, и понять ее можно только в соотношении с обществом в целом и его системой социального контроля¹.

Существующая статистика наркотизации всегда ориентирована на действующее в данный момент времени законодательство, поэто-му изменения в нем и практика его применения всегда оказывают на нее влияние. Статистика наркомании не является инструментом из-мерения «действительной» наркомании – это, скорее, учетный меха-низм, фиксирующий состояние системы. Ведь наркомания – это не изолированный, статичный и несвязанный с социальным контролем феномен, это лишь оценочная характеристика того или иного пове-дения человека, возникающая в процессе социальной или индивиду-альной наркотизации населения. Наркозависимость как преступное деяние отличают от поведения наркомана как непроступного по чис-то формальным признакам, на основе официально установленных норм уголовного права и в порядке реализации этих норм с помощью структур социального контроля.

Наркомания определяется социальными и индивидуальными процессами наркотизации, которые в свою очередь можно разделить на процесс *причинения* и процесс *наименования*².

Измерение наркомании сводится к тому, что все индивидуаль-ные факты девиантного поведения, совершающиеся в определенном географическом пространстве и в определенный промежуток време-ни, делят на временные отрезки или территории, в пределах которых подсчитывают случаи преступлений на почве наркомании или лиц, замеченных в употреблении наркотиков.

¹ Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 107.

² Там же. С. 111.

Кроме того, можно измерять наркотизацию населения до получения официальных данных. Для этого применяют специальные опросы на основе реперных точек. Следовательно, наркомания существует не только в статистических, по сути – изолированных, событиях, она существует прежде всего в реальных процессах, на которые по мере поступления информации также надо реагировать.

Процесс наркотизации можно изобразить в виде модели, представляющей собой подобие перевернутой воронки. В ней выделяются следующие уровни: *первый уровень* – латентная наркомания, *второй* – регистрируемая наркомания, *третий* – уголовные процессы по фактам распространения наркотиков и вовлечения несовершеннолетних, *четвертый* – уголовное наказание за распространение наркотиков.

Эффект «воронки»: 1) реальная, но скрытая наркомания; 2) круг лиц, подозреваемых в употреблении наркотиков; 3) количество зарегистрированных наркоманов; 4) количество наркоманов, на которых заведены уголовные дела по фактам уголовных преступлений, в том числе за распространение наркотиков и вовлечение несовершеннолетних; количество осужденных за уголовные преступления наркоманов, наркосбытчиков.

Подсчитывать количество людей, соответствующих определенным критериям, – в принципе непростая задача. Это особенно касается таких неоднозначных феноменов, как наркомания и наркоманы. Сведения о наркотизации населения нелегко собрать и описать; кроме того, здесь возникают проблемы выборки, обработки, анализа и интерпретации данных. Используя статистику наркоситуации на территории, можно выявить масштабы наркотизации населения, получить данные об уровне, видах, тенденциях и распределении наркомании; выработать гипотезы и предположения о причинах возникновения наркомании. При сопоставлении данных по наркомании с другими социально-экономическими и демографическими показателями можно установить влияние на наркоманию некоторых социальных и экономических факторов – таких, как безработица, уровень жизни, возраст, мода, возможности проведения досуга и др. Эти данные позволяют сделать вывод о том, какие группы населения и почему значительно больше поражены наркозависимостью.

Кроме того, данные о рабочей нагрузке правоохранительных органов позволяют определять эффективность их деятельности

и служат основой для принятия властями решений о выделении средств и распределении людских ресурсов в правоохранительной системе, а также контроле, управлении, планировании действий правоохранительных структур.

Практика показывает, что одним из условий эффективности подобных социально-профилактических мероприятий является обязательное проведение социологических исследований мониторингового типа, которые предполагают отслеживание динамики распространения наркомании и выявление эффективности предпринимаемых усилий по ее превенции. Цель такого мониторинга и заключается в осуществлении социального аудита эффективности мер профилактики наркотической зависимости, проводимой среди населения.

Наркотизм как социальное явление характеризуется такими показателями, как распространенность наркопотребления, структура и способы употребления, социально-демографический состав потребителей наркотиков, формы социального контроля и, наконец, мода на тот или иной наркотик¹.

Состояние наркотизма в стране или отдельном регионе характеризуется следующими *показателями*, используемыми в статистической отчетности:

- смертность от причин, связанных с потреблением наркотиков;
- количество зарегистрированных наркоманов;
- доля зарегистрированных наркоманов в общей численности населения;
- количество преступлений, связанных с наркотиками;
- доля преступлений, связанных с наркотиками, в общей численности преступлений;
- структура потребляемых наркотиков.

Для оценки *состояния* наркоситуации на отдельной территории мы предлагаем использовать следующие объективные показатели, отражаемые официальной статистикой:

1. *Объем наркотизации* – абсолютное количество наркозависимых лиц, зарегистрированных на территории района за год, $V_{нар}$.

2. *Уровень наркотизации* – количество наркозависимых лиц, зарегистрированных на территории района за год, в расчете на каждые

¹ Девиантность и социальный контроль... С. 216.

10 тыс. жителей района. Уровень наркотизации выражается коэффициентом $K_{\text{нар.}}$, который рассчитывается следующим образом:

$$K_{\text{нар.}} = \frac{N_{\text{рег.}}}{V_{\text{жит.}}} \cdot 10000,$$

где $N_{\text{рег.}}$ – количество зарегистрированных в районе наркозависимых лиц за год;

$V_{\text{жит.}}$ – численность жителей района.

3. *Структура наркотизации* – количество наркозависимых лиц:

- по видам употребляемых наркотиков – тяжелые, $V_{\text{нар. тяж.}}$, средние, $V_{\text{нар. ср.}}$, легкие, $V_{\text{нар. лег.}}$;

- половому признаку – мужчины, $V_{\text{нар. муж.}}$, женщины, $V_{\text{нар. жен.}}$;

- по возрастному признаку – несовершеннолетние, $V_{\text{нар. нсв.}}$, взрослые, $V_{\text{нар. взр.}}$

4. *Уровень преступности на почве наркомании* – абсолютное количество наркозависимых лиц, привлеченных к уголовной ответственности за год, $V_{\text{прс нар.}}$.

5. *Объем незаконного оборота наркотиков*, $V_{\text{об. нар.}}$, в районе за год, в кг.

6. *Количество наркоточек в районе*, $V_{\text{точ. нар.}}$.

7. *Объем смертности*, $V_{\text{смер.}}$.

8. *Уровень смертности* (в том числе самоубийств) вследствие употребления наркотиков и сопутствующих заболеваний: вирусный гепатит, СПИД и др., $V_{\text{смер нар.}}$.

9. *Количество новорожденных с диагнозом «наркомания»*, $V_{\text{нар. рож.}}$.

10. *Количество лиц, прошедших социальную и медицинскую реабилитацию и воздерживающихся от дальнейшего употребления наркотиков*, $V_{\text{нар. леч.}}$.

Кроме того, для выявления незарегистрированных (латентных) наркопроцессов, идущих в районе, в дополнение к указанным показателям предлагается использовать так называемые *реперные точки*. Реперные точки определяются по результатам проводимых анонимных (виктимологических) опросов населения.

11. *Количество лиц, указавших, что в их ближайшем окружении употребляются наркотики*, $V_{\text{нар. окр.}}$.

12. *Частота употребления наркотиков лицами ближайшего окружения*: а) систематически, $V_{\text{нар. сис.}}$; б) раз в неделю, $V_{\text{нар. нед.}}$; в) раз в месяц, $V_{\text{нар. мес.}}$; г) раз в год, $V_{\text{нар. год.}}$

13. *Количество лиц, указавших, что хотя бы один раз они пробовали наркотики, $V_{\text{нар. прб.}}$*

14. *Количество лиц, отрицательно относящихся к употреблению наркотиков, $V_{\text{отр. нар.}}$*

В качестве критериев эффективности профилактической работы наркотизации на территории предлагается использовать следующие показатели динамики наркоситуации:

1) уменьшение количества лиц, поставленных на учет с диагнозом «наркомания»;

2) уменьшение в структуре наркотизации употребления тяжелых и средних наркотиков, уменьшение доли женщин и несовершеннолетних среди зарегистрированных наркоманов;

3) снижение количества преступлений, совершенных на почве наркомании;

4) снижение объема незаконного оборота наркотиков в районе;

5) сокращение числа наркоточек в районе;

6) сокращение смертности (в том числе самоубийств) на почве употребления наркотиков и сопутствующих заболеваний (вирусный гепатит, СПИД и др.);

7) уменьшение количества новорожденных с диагнозом «наркомания»;

8) рост числа лиц, прошедших социальную и медицинскую реабилитацию и воздерживающихся от дальнейшего употребления наркотиков;

9) уменьшение количества лиц, в ближайшем окружении которых употребляются наркотики;

10) уменьшение количества лиц, хотя бы один раз пробовавших наркотики;

11) увеличение количества лиц, отрицательно относящихся к употреблению наркотиков.

В качестве критериев эффективности профилактики наркотизма мы предлагаем использовать также следующие показатели:

12) рост числа реабилитационных центров оказания помощи больным наркоманией;

13) сокращение групп риска, подверженных девиантному поведению (бомжей, безнадзорных подростков, молодых людей, имеющих наркоманов в ближайшем окружении).

4.3. Антинаркотическая превентивная работа в образовательных учреждениях

Сегодня цель антинаркотической превентивной работы в образовательных учреждениях – создать условия для формирования позитивных жизненных навыков у учащихся, осознания ими ценности собственного здоровья и ответственности за него. Одним из путей достижения данной цели в плане профилактики химической зависимости является формирование и развитие жизненных навыков. Это навыки общения, принятия решения, ответственного поведения, противостояния стрессам, сопротивления негативным социальным влияниям. Работа по развитию навыков должна быть продумана в соответствии с возрастными особенностями детей. Так, в начальной школе работа ведется на эмоциональном уровне восприятия. В среднем и старшем звене (с подростками) – на сознательном уровне. Здесь эффективны просветительская деятельность и активные формы работы.

Специалисты утверждают, что уберечь молодых людей от злоупотребления лекарственными и наркотическими веществами – не легкая задача¹. Многие разработанные для этой цели программы оказались неэффективными, а некоторые даже приводили к противоположному результату. Чтобы молодой человек мог противостоять давлению компании, толкающей его к наркотикам, он должен быть внутренне убежден в неприемлемости подобных действий. Попытки просто давать подросткам сведения о психоактивных средствах и риске, связанном с их употреблением, не приносят существенного успеха в решении этой труднейшей задачи. Все большее число специалистов по борьбе с наркоманией приходят к выводу, что сама по себе школьная программа не может быть эффективной, необходимо участие семьи и общества в целом.

Наркомания – это не проблема, касающаяся здоровья отдельных членов общества, страдающих этим недугом, наркомания – это проблема общества в целом. Так или иначе она затрагивает все его элементы. Это, прежде всего, снижение производительности труда, расходы на лечение наркоманов, на ликвидацию последствий всякого рода преступлений, совершаемых людьми в состоянии наркотического опья-

¹ Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Культура здоровья студента. Екатеринбург, 2003. С. 206–210.

нения, на содержание судебных органов, тюрем и других институтов, призванных вести борьбу с наркотиками. Поэтому общество вправе ввести жесткий контроль над употреблением наркотических средств.

Одна из самых важных задач сегодняшнего дня – снизить уровень наркомании. Предлагаемые меры чрезвычайно разнообразны, они варьируют от применения военной силы до полной легализации наркотических средств. Некоторые специалисты считают необходимым ограничить доступность наркотиков, другие полагают, что важно уменьшить спрос.

К сожалению, попытки уменьшить спрос на наркотические средства также не увенчались успехом. Несмотря на все усилия специально подготовленных педагогов и воспитателей люди продолжают злоупотреблять наркотиками и алкоголем. Следует признать, что эффективные способы борьбы с наркоманией и предотвращения ее еще не найдены. Мы надеемся, что данные, полученные в результате нашего исследования, смогут помочь в разработке новых рекомендаций и способов борьбы с такими злободневными проблемами общества, как наркомания, алкоголизм и др.

Один из наиболее значимых субъектов влияния на поведение молодежи – образовательное учреждение (школа, среднее профессиональное или высшее учебное заведение) – оказывает наиболее противоречивое воздействие на современных молодых людей. Школа полностью перекладывает ответственность за асоциальное поведение детей на плечи семьи (хотя зачастую бывает и наоборот). Так, в ходе социологического опроса, проводимого среди руководителей образовательных учреждений Свердловской области (132 участника семинара «Профилактика наркомании, токсикомании и других форм девиантного поведения детей и подростков в образовательных учреждениях Свердловской области», г. Верхняя Пышма, август 1999 г.), 82 % респондентов на вопрос о причинах роста наркотической зависимости среди молодежи отметили дурное влияние улицы, компании, 81 % – неблагополучие в семье и 56 % указали на общекультурную неразвитость молодых людей. Проблемы с учебой, дезадаптация в коллективе, отсутствие профилактической работы в школе не рассматриваются директорами школ и училищ как факторы, влияющие на распространение наркомании среди учащихся. В ходе данного исследования было обнаружено, что директора школ не владеют информацией о степе-

ни распространенности наркотической зависимости в их образовательных учреждениях, более половины (64 %) считают, что эта проблема их школы еще не коснулась. В то же время выборочные интервью с учащимися нескольких школ Екатеринбурга показывают, что нередко наркотики продают прямо в стенах школы; одурманивающие вещества оказываются более доступными и по цене (по сравнению с алкоголем), тем более что первые дозы распространители наркотиков предлагают бесплатно.

У опрошенных нами руководителей школ и училищ преобладают чувство растерянности, тревога, у многих нет конкретной программы действий в ситуации нарастающей наркотизации подростков. В ходе исследования было выявлено, что у части руководителей учебных заведений сохраняются стереотипы тоталитарного мышления, стратегию антинаркотической работы они видят в ужесточении репрессий, запугивании молодежи. Похожая ситуация наблюдалась во время антиалкогольной кампании начала перестройки. Репрессивные меры, применяемые педагогами по отношению к ученикам, употребляющим алкогольные напитки, подтолкнули некоторых молодых людей к наркотикам.

Другая часть директоров школ и училищ психологически еще не готовы к профилактической работе с подростками из-за чувства страха, негативного отношения к этой острой социальной проблеме. При этом большинство опрошенных руководителей образовательных учреждений хотели бы включиться в работу по профилактике наркомании и других зависимостей. Респонденты считают, что педагоги должны проводить превентивные мероприятия и работать со здоровыми учащимися, а больными следует заниматься специалистам медицинских учреждений.

Что касается высших учебных заведений, то здесь профилактическая работа еще только начинается; между тем, сегодня в Свердловской области и ее столице – Екатеринбурге сложилась, как нам представляется, крайне неблагоприятная ситуация.

Основными задачами профилактической антинаркотической работы в учебных заведениях являются следующие:

- 1) формирование у обучающихся ценностных установок на здоровый образ жизни и самореализацию личности как залог успешности будущей профессиональной деятельности;

2) обеспечение реализации потребности личности в повышении своей общей и профессиональной культуры;

3) формирование у обучающихся экологического мышления (ментальной экологии), включающего установку на бережное отношение к живой и неживой природе, среде обитания, осознание ценности человеческой жизни;

4) воспитание гибкости поведения (в том числе в случае противостояния агрессии, вовлечению в тоталитарные секты, противоправные группировки, асоциальные сообщества);

5) формирование у обучающихся умений и навыков активной психологической защиты от давления группы;

6) создание условий для самореализации обучающихся в социально одобряемых сферах деятельности (учебной, научной, досуговой, развивающей);

7) сохранение и укрепление душевного, духовного и физического здоровья обучающихся, предупреждение заболеваний и нравственных деформаций личности (агрессии, наркомании и др.);

8) обучение молодых людей методикам самодиагностики, самооценки, самокоррекции, самоконтроля и саморазвития личности, а также умению проведения коррекции собственного поведения;

9) создание в образовательном учреждении развивающей образовательной среды, соответствующей современным эстетическим и эргономическим требованиям.

Учебное заведение обладает рядом уникальных возможностей для успешной реализации антинаркотической профилактической работы, в том числе следующими:

- привитие навыков здорового образа жизни в процессе обучения;
- влияние на уровень притязаний обучающихся и их самооценку;
- свободный доступ к семьям обучающихся для проведения анализа и контроля за ситуацией;
- привлечение специалистов по профилактике.

Профилактика наркомании должна строиться на комплексной основе и обеспечиваться совместными усилиями воспитателей, педагогов, психологов, медиков, социальных работников, сотрудников правоохранительных органов. Однако несмотря на все усилия и затраты именно профилактика является сегодня наиболее уязвимым

местом. Уже очевидно выдвижение на первый план не только проблемы лечебно-профилактической и реабилитационной работы в области наркологии, касающейся явных, запущенных случаев, но и проблемы превенции наркомании, т. е. комплекса осознанных и согласованных мер и действий, направленных на предупреждение «болезни», опережающее целевое воздействие, на исключение ее причин, прежде всего внутренних. Это означает формирование у молодежи способности и установки на самостоятельность в принятии решений и достижении своих целей, навыков осознания себя и саморегуляции своего поведения, реальной самооценки, стремления к самореализации и обретению смысла жизни.

Мы уже отмечали, что профилактику заболеваний в этиологии принято разделять на первичную, вторичную и третичную. Первичная профилактика направлена на предупреждение болезней, вторичная подразумевает способы сдерживания темпа их развития и предупреждения осложнений, а третичная представляет собой комплекс реабилитационных воздействий на больных. В образовательных учреждениях возможна организация первичной и вторичной профилактики.

Сегодня можно обозначить четыре направления профилактики в зависимости от размеров аудитории, возможностей влияния и основных целей.

Первое направление – информационная деятельность; здесь приоритет принадлежит средствам массовой информации.

Второе направление – апелляция к семье, временным и постоянным сообществам («тусовкам»).

Третье направление – работа, связанная с изучением психических нарушений, возникших из-за дефицита общения: гиперактивности, дефицита психической активности, склонности к рискованному поведению, жестокости и др.

Четвертое направление первичной профилактики – интерактивное обучение в рамках образовательных программ. Молодежь может осваивать психосоциальные навыки, способствующие формированию автономии личности и ее позитивному развитию через взаимодействие с окружающими, через символическое овладение ситуациями, связанными с риском для здоровья и жизни.

Цель профилактики наркомании среди молодежи – создание у молодых людей установок, препятствующих распространению упо-

требления наркотиков и снижающих вред от их использования. Такая профилактическая программа должна включать в себя следующие приоритетные виды работ:

- распространение информации о причинах, формах и последствиях злоупотребления наркотическими средствами;
- формирование у молодежи навыков анализа и критической оценки информации, получаемой о наркотиках, умения принимать правильные решения;
- предоставление молодежи доступных альтернативных способов самореализации.

Отличительной особенностью профилактической работы с данной категорией населения является то, что большая часть молодых людей сосредоточена в учебных заведениях, где и должна вестись основная работа. Учебное заведение обладает рядом уникальных возможностей для успешной реализации антинаркотической профилактической работы.

Специфика построения профилактической работы в учебном заведении заключается в следующем:

1. Работа в области антинаркотического просвещения должна проводиться только специально обученным персоналом из числа работников школы в рамках комплексных программ на базе утвержденной концепции профилактической работы.

2. Просветительские программы должны реализовываться на протяжении всего периода обучения учащегося в учебном заведении, начинаться в младших классах и продолжаться до выпуска. В ходе реализации таких программ учащимся должна предоставляться точная и полная информация о наркотиках и их влиянии на психическое, психологическое, социальное и экономическое благополучие человека.

3. Информация должна быть уместной и предоставлять знания о последствиях злоупотребления наркотиками для личности и общества. Необходимо делать акцент на пропаганде здорового образа жизни и формировании жизненных навыков, необходимых для того, чтобы противостоять желанию попробовать наркотики или обращаться к ним в моменты стресса, изоляции или при жизненных неудачах.

4. Информация должна предоставляться с учетом особенностей аудитории (пола, возраста, убеждений).

5. Родители и другие взрослые, играющие важную роль в жизни ребенка, должны вовлекаться в разработку стратегии антинаркотического просвещения образовательного учреждения.

6. Для оценки эффективности профилактической программы необходимы мониторинг, регулярные социологические исследования, проводимые независимыми экспертами.

Работая в области антинаркотического просвещения молодежи, не следует допускать следующего:

- использования тактики запугивания, так как доказана неэффективность таких действий в области профилактики наркомании;
- искажения и преувеличения негативных последствий злоупотребления наркотиками при рассказе об их воздействии на человека;
- разового характера действий, направленных на профилактику. Такой рассчитанный на быстрый эффект подход не дает подросткам возможности развивать навыки противостояния наркотикам;
- ложной информации. Даже после однократной ее подачи вся дальнейшая информация будет отторгаться подростками, которые сегодня достаточно хорошо информированы;
- упоминаний о культурных предпосылках употребления наркотиков;
- оправдания употребления наркотиков какими бы то ни было причинами.

Сегодня в работе с молодежью нужны новый подход, новые программы и проекты – такие, как программа «Сверстник – младшему сверстнику», целью которой является подготовка старшеклассников, студентов для работы со школьниками по профилактике наркомании; спецкурсы для образовательных учреждений «Основы здорового образа жизни», «Умей сказать себе “Нет!”», «Береги здоровье смолоду» и др. с комплексом тренинговых занятий по воспитанию противодействия наркотикам; организация молодежных выборных органов по выработке молодежной политики и соуправлению с органами муниципалитета, поддержке молодежных инициатив в нетрадиционных культурно-спортивных формированиях (например, клуб экспериментальной истории в РГППУ).

Нужно ли проводить в учебных заведениях специальные антинаркотические мероприятия? Понять это можно лишь при условии

проведения систематических социологических исследований, позволяющих ответить на вопрос о степени распространенности наркотизма в конкретном учебном заведении, выявляющих преобладающие установки и отношение обучающихся к употреблению наркотических веществ. Только на основе полученных данных возможны разработка варианта программы профилактики наркомании, наполнение молодежного диалогового пространства специфической информацией.

Уже многократно подтверждалось, что информация о наркотиках оказывает парадоксальное воздействие: чем больше знаешь, тем больше хочется. Эта закономерность особенно применима к юношескому возрасту. В прошлом в нашей стране, в Советском Союзе, действовало негласное правило: любая информация о наркотических веществах должна быть максимально закрытой для общества. И несмотря на существование проблемы наркомании множество наших людей за всю свою жизнь никогда не видели живого наркомана.

Решение проблемы наркомании невозможно в отдельно взятом учебном заведении. Социальные связи все равно «приведут» туда наркотики. Необходимо в первую очередь ужесточение, а не ослабление законодательства против наркоторговли. Наркорынок все равно будет втягивать в свой круг определенную, психологически неустойчивую, часть молодежи, несмотря на все социальные программы и превентивную работу.

В США, например, много лет занимались пропагандой и профилактикой вреда курения. Результат был, скорее, обратный, что особенно было видно по подростковой среде. Только тогда, когда изменили законодательство – запретили курение в общественных местах, начали штрафовать, увольнять с работы, проблема в определенной степени стала решаться.

Сегодня надо честно признать: против молодого поколения развязана настоящая психологическая война. Война эта особая: страшный, коварный враг подталкивает людей к самоубийству, внушая им, что наркотики – это путь к полноценной жизни, наслаждению, высшему благу. А главное, что это их свободный выбор.

Методы противодействия распространению наркомании должны быть адекватными, т. е. профилактика зависимости должна строиться с учетом возрастных особенностей юношеского возраста. Работу

с молодежью надо вести, в первую очередь, на подсознательном уровне. Здесь весьма эффективны различные психологические приемы с использованием метафор, аналогий, рассказыванием жизненных историй, использованием музыки, литературных произведений.

На молодежь оказывает большое впечатление тезис о том, что наркоманы не знают счастья любви, что самое интересное в жизни проходит мимо них, что люди боятся общаться с ними, как с прокаженными.

Люди, входящие в период физического расцвета, чувствуют себя почти неуязвимыми. Они самой природой запрограммированы на бесстрашие, на риск, без которого невозможны стремление к тайнам мироздания, открытие и познание мира. Человечество давно выродилось бы и исчезло с лица Земли, если бы молодежь считала высшей ценностью свое здоровье и жизнь. Некому было бы участвовать в сражениях, открывать континенты, тушить пожары, осушать болота, строить города. Это особенность молодежного возраста, и ее надо учитывать¹.

Предлагаемые приемы превентивной антинаркотической работы направлены на блокирование у молодого человека тяги к наркотикам на ментальном уровне, когда при всей возможной доступности наркотиков человек их не употребляет, потому что считает это несовместимым с собственными жизненными установками и целями.

Несмотря на сложность наркотической ситуации в обществе, мы должны все-таки отдавать приоритет первичной профилактике злоупотребления наркотиками и иными психоактивными веществами. Необходимо признать, что первичная антинаркотическая профилактическая работа является прерогативой социальных структур, которые ближе всего находятся к ребенку и его семье, и в первую очередь учебных заведений, социальных служб, правоохранительных органов, медицинских учреждений и общественных организаций. Только объединение усилий всех государственных и общественных структур позволит остановить нарастающий вал наркотизации, который обрушился на российское общество в последние два десятилетия, и преодолеть негативные тенденции в развитии наркоситуации в стране.

¹ Медведева И. Я., Шишова Т. Л. Убийца предупреждает: убийство опасно для вашего здоровья. М., 2002. С. 22.

Выполнение антинаркотических профилактических программ следует анализировать и оценивать специалистам, так как необходимо знать, насколько эффективно такое превентивное вмешательство. Программа должна быть в достаточной степени гибкой, чтобы позволить адаптировать результаты ее оценки. Даже если цель сформулирована относительно строго, путей ее достижения может быть множество.

Профилактика наркотизма напрямую связана с важнейшей задачей социально-экономического развития нашей страны: развитием человеческого потенциала. Именно в этом свете предстает осуществляемая нами деятельность. Организация антинаркотической профилактической работы – это организация нового социокультурного пространства, которое предполагает вовлечение в профилактику всех здоровых интеллектуальных, нравственно-волевых, культурно-ценностных, мировоззренческих и профессиональных ресурсов.

Заключение

Актуальность данного исследования связана с ростом различных видов социальных отклонений в современном мире, многие из которых получили статус глобальных проблем. Лавинообразный рост новых жизненных стилей, укладов и видов аддиктивного (зависимого) поведения определяет важность и необходимость научной рефлексии данного феномена. Наряду с достаточно традиционными аддикциями – такими, как лудомания (игромания, патологический гэмблинг), алкоголизм, никотинозависимость, наркомания, трудоголизм, фанатизм, появляются новые: заппинг (беспорядочное непрерывное переключение телеканалов, признанное американскими психиатрами болезнью), шоппоголизм, сексоголизм, интернет-зависимость, сетевая зависимость, технозависимость и целый ряд других зависимостей, схожих с наркотической по своей силе и форме протекания. Наблюдается иррационализация социального пространства, проявляющаяся в тяге к мистическому и потустороннему. Услуги «колдунов», «магов», астрологов, экстрасенсов востребованы как никогда ранее. Этим объясняется наш исследовательский интерес к проблеме социальных отклонений.

В работе мы рассмотрели социальные отклонения как сложный феномен социально-исторической реальности, связанный не только с изменениями и преобразованиями, происходящими в обществе, но и с рисками и угрозой разрушения социальной стабильности.

Социальные отклонения проистекают из креативности социального действия и ризоморфности (гетерогенности) социального пространства, воспроизводящего различные, в том числе конфликтные, дискурсивные практики. Тенденция к дестандартизации социального поведения резко возрастает в кризисные времена, усиливая имморализм, ценностный плюрализм и противоречивость норм в обществе.

Нормы и отклонения исторически изменчивы, в ходе социальной динамики они видоизменяются, переходят на следующий последовательный цикл своего развития, сохраняя преемственность со своим предыдущим состоянием. Понять сущность и направление развития норм и отклонений можно, опираясь на сформулированный Гегелем закон отрицания отрицания.

С позиций гегелевской диалектики можно понять процесс развития норм, в ходе которого накапливаются противоречия, приводящие к отрицанию существующих норм и их преобразованию («снятию»), связанному с переходом к новому этапу развития («отрицанию отрицания»).

Социальная норма и социальное отклонение – это парные дихотомические категории, являющиеся социально-культурными конструктами, отражающими, соответственно, одобряемые и осуждаемые конкретным обществом (общностями, группами) ценности, жизненные идеалы и поведенческие образцы.

Эти категории диалектически взаимосвязаны, переходят друг в друга (отклонение становится нормой, а норма – отклонением) и имеют значение лишь при сопоставлении друг с другом, сохраняя свою сущностную противоположность и диалектическое единство. Социальные отклонения связаны с нарушением норм, а сами нормы изменяются, становятся отклоняющимися вслед за развитием общества и форм социального контроля. Этот перманентный процесс может быть назван динамической патологией нормальности, или нормализацией девиантности. «Что было пороками, стало нравами», – так охарактеризовал данное явление на примере трансформации сексуальных стандартов С. И. Голод¹.

Будучи социально-культурными конструктами, отклонения проявляются и проявляются в процессе социального коммуникативирования, взаимодействия социальных институтов, общностей, групп и отдельных акторов. Поскольку нормы являются атрибутом социальных институтов как устоявшихся ценностно-нормативных комплексов, мы применили в нашей работе институциональный подход к анализу отклоняющегося поведения.

Социальными отклонениями мы считаем устойчивые социальные явления, связанные с динамичностью социальных процессов, проистекающие из нарушения общепринятых норм жизнедеятельности общества (общности) и институциональных ожиданий, принимающих конфликтный характер. Социальные отклонения проявляются через взаимосвязь социальных действий, приводящих к разрыву

¹ См.: Голод С. И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности. М., 2005. 233 с.

социальной целостности, социальным изменениям, смене жизненного уклада, преобразованию образа жизни и появлению социальных субъектов – носителей нестандартных форм поведения (групп, общностей, организаций, институтов). Отклоняющееся поведение выступает атрибутом социальных отклонений.

Отклоняющееся поведение мы рассматриваем как разновидность массовых форм поведения, которые признаются в конкретном обществе (или социальной общности) в той или иной ситуации не соответствующими ожиданиям других людей, выходящими за границы меры дозволенного и предполагающими санкции к нормонарушителям. Отклоняющееся поведение может быть попыткой переосмысления социальных норм в соответствии с изменившимися социальными условиями.

Полное принятие норм недостижимо в обществе, поэтому социальные отклонения существуют повсеместно. Людей, пытающихся во всем соответствовать нормам, называют конформистами. Судя по тому, что этот термин стал восприниматься как преимущественно негативная характеристика личности, понимание нормонарушения на уровне обыденного сознания либерализируется.

Продуктивными для анализа социальных отклонений на наш взгляд являются следующие используемые в работе идеи: «социального характера» (Д. Рисмен, Э. Фромм), «базисных типов личности» (А. Кардинер), «статусной личности» (Р. Линтон), «модальной личности» (К. Дю Буа, А. Инкельс, Д. Левинсон), «авторитарной личности» (Т. Адорно и др.), концепция «одномерного человека» (Г. Маркузе).

Понятие «модальная личность» (от математического понятия моды – пика в частотном распределении) характеризует преобладающий в том или ином социуме, общности тип личности – носителя тех или иных социально единых характеристик. В ризоморфном социальном пространстве может быть не один такой тип, а несколько, и ни один из них не оказывается преобладающим. Так, например, полученные социологические данные позволяют типологизировать студенческую молодежь и выделить в ней три группы, используя в качестве критерия комплексные показатели: уровень вовлеченности в учебно-воспитательную деятельность и формы отклоняющегося поведения.

Первый, идеальный, тип можно условно назвать рационально-креативным (на молодежном сленге – «ботаники»). Это не очень рас-

пространенный тип, представленный отличниками, именными стипендиатами, победителями научных конкурсов и грантов, во внеучебной деятельности ориентированными на здоровый образ жизни, содержательный досуг, культуру поведения и саморазвитие. В поведении представителей этого типа доминируют позитивные формы девиантного поведения (научное и социальное творчество). А встречающие формы негативного девиантного поведения минимизированы.

Второй тип условно можно назвать «умеренные негативисты». Это достаточно большая группа студенческой молодежи с преобладанием незначительных отклонений: в учебной деятельности – опоздания на занятия, прогулы занятий, списывание, при выполнении самостоятельных работ – «клонирование» интернет-ресурсов, использование шпаргалок и т. д.; во внеучебной деятельности – доминирование досугово-потребительских форм, использование крепких выражений и нецензурной лексики (для данной группы это норма общения), употребление пива и более крепких напитков, экспериментирование с наркотиками; большинство представителей этой группы имеют различные виды зависимостей (от Интернета, виртуального общения до азартных игр и др.). Вторая группа репрезентирует преобладающий в мегаполисе тип личности современного горожанина-потребителя, ориентированный на умеренные отклонения. Сужение моральной регуляции и эскапизм являются нарастающей тенденцией и распространяются прежде всего на представителей данного типа.

Третий тип – «потенциальные девианты». Для входящих в группу характерна «рецидивизация», систематичность негативных форм поведения, эпизодически встречающихся у представителей второго типа (в том числе – употребление наркотиков и сопутствующие формы отклоняющегося поведения).

Существование мультимодального социума приводит к конструированию конфликтных норм и размыванию понятия нормы и эталонов должного. В результате нарушаются функции оценки и ориентации личности, общности в социальном пространстве, осложняются социальная регуляция и контроль над социальными отклонениями.

Следует отметить комплементарную природу социальных отклонений. Они обладают синергетическим эффектом (взаимоусиления, взаимопроникновения и взаимоподдержания), релевантны ценностным основаниям социального бытия. Институционализация соци-

альных отклонений связана с их феноменологией, диалектическим единством с нормами и социальными стандартами, выступающими основными компонентами социальных институтов как нормативно-ценностных комплексов, интегрирующих общество.

Хосе Ортега-и-Гассет в трактате «Человек и люди» объяснил социальные отклонения тем, что массовый современный человек «потерялся», т. е. потерял связь со своим внутренним миром – «глубинным уровнем радикальной реальности», без которого жизнь не имеет смысла, что привело его к самоотчуждению. По мнению писателя, «жизнь всегда имеет личный и связанный с обстоятельствами характер, она непередаваема и ответственна»¹. Потеря внутренней связи человека с бытием приводит к разрушению личности.

Ежедневные социальные практики включают в себя два основных измерения: социально-экономическое (бедность, снижение качества жизни, ситуация на рынке труда и т. д.) и духовное (набор специфических ценностных ориентаций, установок, мотиваций и интериоризированных норм). В кризисные времена ценностные компоненты сознания обретают вид симулякров.

Современный кризис обнажил нравственный конфликт между необходимостью сохранения культуры и желанием бизнесменов получать сверхприбыли, противоречивость интересов элиты и простых людей, обозначил потерю контроля власти над социальной ситуацией.

Социальные отклонения рассматриваются в контексте проблем, связанных с пониманием сущности социального контроля – механизма саморегуляции и самосохранения общества как самодостаточной социальной системы.

Актуализируется проблема адекватности социального контроля и возможностей его регулирования без ущерба для общества и разрушения личностного потенциала девиантов. Современные исследования показывают неэффективность социального контроля над девиантностью в силу неадекватности регуляционных механизмов гуманистическим целям. Идет поиск адекватных мер социального контроля, помогающих минимизировать девиантное поведение. Проблема является столь сложной, что многие представители постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко) ставят вопрос о принципиальной невозмож-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 516.

ности реализации мер социального контроля в эпоху хаоса и девиантогенности общества. Полиция, пенитенциарная система, тотальные учреждения превратились в негативные социальные институты, не решающие стоящие перед ними задачи. Отсюда – повышенное внимание к неформальным средствам социального контроля и неформальным институтам.

Социокультурный анализ истории России позволяет увидеть образцы аутентичного решения проблем, связанных с регулированием отклоняющегося поведения. Интересен опыт сельской крестьянской общины как основы общественного самоуправления и естественного неформального социального института, контролирующего все стороны жизни крестьянской общности. Коллективная порука, ответственность общины за соблюдение норм и обычаев минимизировали социальные отклонения и регламентировали отношения между ее членами и внешними социальными организациями. Сочетание формального и неформального контроля, позитивных (возможность избираться старостой, принимать участие в общих сходах и решении важных для общины вопросов) и негативных (сельская расправа, суды) санкций, группового контроля и ценностного единства делало сельскую общину гибким институтом с адекватными формами регулирования системы отношений в крестьянском социуме. Трудовая мораль, коллективные работы, забота о каждом человеке – все это повышало значимость общинных отношений и мотивировало на соблюдение норм и традиций. Безусловно, простое копирование и проекция этого опыта на современные реалии неэффективны, да и невозможны. Но поиск культурных истоков для новых форм социального контроля, которые бы не отторгались и принимались населением и были результативными, является важной научной проблемой.

На наш взгляд, интересна практика организации совместной деятельности жителей МЖК (молодежного жилого комплекса) в районе ЖБИ Екатеринбурга в 80-е гг. прошлого столетия. Всех жителей микрорайона МЖК отличала активная и равнодушная жизненная позиция, выражавшаяся в постулатах «Нет чужих детей», «Нет чужих проблем», «Все в ответственности за происходящее». Молодым людям удалось не только своими силами построить для себя жилье, но и организовать комфортную и безопасную среду обитания, способст-

вующую саморазвитию взрослых и детей: бесплатные клубы, коллективное благоустройство дворов, ночное патрулирование близлежащих территорий. Самоорганизация и соседская взаимопомощь в организации быта, досуга и воспитания детей формировала особый жизненный уклад, ориентированный на здоровый образ жизни и коллективный контроль за порядком. По сути, микрорайон МЖК был зоной, свободной от девиантного поведения.

Среди разнообразных социальных отклонений в молодежной среде наиболее опасным для будущего состояния общества и судьбы отдельного человека является, на наш взгляд, наркотизм, который понимается нами как процесс системного распространения и приобщения к употреблению наркотиков (в широком смысле этого слова, включая алкоголь и никотин) отдельных групп населения.

В социально-философском аспекте наркомания – это специфический деструктивный образ жизни, пусковым механизмом которого являются кризис идентичности, напряженность потребностей и влечений, сочетающиеся с невозможностью их удовлетворения социально приемлемыми и эффективными способами. Для потребителей наркотиков характерна тенденция к ценностному кризису, разрушению сознательной воли субъекта, проистекающая из рассогласованности между жизненными целями личности и способами их реализации.

Причиной наркотизма следует считать отчуждение как социальное противоречие, характеризующее состояние современного общества, которое постоянно воспроизводит личность, готовую к использованию любых средств и способов ухода от действительности.

Понятия «наркомания», «наркоман», давно используемые наукой и практикой, не полностью отражают складывающуюся наркоситуацию в обществе, поскольку они игнорируют социальную сущность наркозависимости. Вот почему сегодня наука все чаще рассматривает проблему наркозависимости через понятие «наркотизм».

Этот термин характеризует процесс распространения в обществе наркотических веществ, его феноменологию (сущностные свойства) и этиологию (комплекс детерминирующих причин). Социальная медицина определяет наркотизм как негативное социальное явление, обусловленное неблагоприятными условиями внешней среды и антиобщественной ориентацией личности, которое выражается в незаконном

умышленном потреблении наркотических веществ, причиняющем вред здоровью человека и представляющем опасность для общества.

Для понимания сущности наркотизации на основе результатов социокультурного анализа исторически существующих видов наркопотребления нами были сформулированы критерии (разновидности принимаемых наркотиков, социальный статус наркопотребителей, социально-культурная база и контекст, функциональные характеристики) наркопрактик и разработана их типология.

Мы показали специфику современного молодежного наркотизма, для которого характерны свои особенности процесса потребления наркотиков, мода на те или иные их виды и новые функции наркопотребления. Для современного потребителя наркотиков это занятие не попутное, а самоценное. Он принимает наркотики ради самих наркотиков, и целью являются ощущения как таковые, причем чем полнее эти ощущения, тем лучше. Данный тип наркотической практики и выступил предметом нашего анализа.

Нормы как формы социальной регуляции поведения связаны и функционируют внутри социальных институтов в виде устойчивых ценностно-нормативных комплексов. В связи с этим мы применили институциональный подход к анализу социальных отклонений. Наш анализ показал тенденцию институционализации наркотизма, протекающей на фоне кризиса традиционных институтов социализации личности (семьи, образования, культуры, социальной работы, средств массовой информации) и институтов социального контроля (права, судопроизводства, полиции, пенитенциарных учреждений).

Поскольку социальные нормы и связанные с ними отклонения отражают систему воззрений на социальную жизнь, содержащую то или иное понимание сущности (цели) общества, человека и его бытия, мы связали концепцию профилактики негативных социальных отклонений с процессом становления субъектной целостной личности с развитым самосознанием и самоконтролем.

Доказав институциональный характер современного наркотизма, мы выдвинули идею необходимости становления института профилактики негативных девиаций, принятия мер общественного и правового воздействия, создания системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которая должна стать неотъемлемой частью социальной политики государства.

Концепция профилактики наркотизма (как и многих других видов отклоняющегося поведения) строится с опорой на следующие идеи:

1. Развитие и реализация человеческого капитала через образование, формирование креативного и рефлексивного поведения, самоконтроля, возможности самореализации в социально одобряемых сферах деятельности в условиях ценностно непротиворечивого социального пространства и бесконфликтных регуляторных паттернов.

2. Минимизация рисков вовлечения в девиантные формы жизнедеятельности. Институционализация профилактических мероприятий по обеспечению техники социальной безопасности молодежи. Сочетание антинаркотической профилактики с виктимологической превентивной деятельностью.

3. Вытеснение негативных форм девиантного поведения позитивными креативно-развивающими видами.

Именно на эти идеи следует опираться при формировании в нашей стране института профилактической работы как ценностно-нормативного комплекса мероприятий, направленного на создание условий для развития целостной субъективной личности и возможностей ее самореализации в социально одобряемой сфере.

Библиографический список

- Авраамова Е.* Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки / Е. Авраамова, Д. Логинов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3(59). С. 13–17.
- Адлер А.* Наука жить / А. Адлер. Киев: Port-Royal, 1997. 168 с.
- Адорно Т. В.* Негативная диалектика / Т. В. Адорно; пер. с нем. Е. Л. Петренко. Москва: Научный мир, 2003. 373 с.
- Акулич М. М.* Эксперты о противодействии наркомании в регионе / М. М. Акулич [и др.] // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 94–96.
- Андреев Ю. П.* Социальные институты: содержание, функции, структура // Ю. П. Андреев, Н. М. Коржевская, Н. Б. Костина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 84 с.
- Антология мировой философии: в 4 томах / Акад. наук СССР; Ин-т философии.* Москва: Мысль, 1969. Т. 1. 576 с.
- Антонян Ю. М.* Психология убийства / Ю. М. Антонян. Москва: Юристъ, 1997. 303 с.
- Арефьев А. Л.* Поколение, которое теряет Россия / А. Л. Арефьев // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 97–105.
- Астоянц М. С.* Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация): монография / М. С. Астоянц. Азов: АзовПечать, 2009. 272 с.
- Афанасьев В. С.* Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества / В. С. Афанасьев, Я. И. Гилинский; С.-Петерб. фил. ИС РАН. Санкт-Петербург, 1995. 240 с.
- Афанасьев В. С.* Эволюционные концепции аномии в социологии девиантного поведения / В. С. Афанасьев // Рубеж: альманах социологических исследований. 1992. № 2. С. 62–68.
- Ашин Г. К.* Доктрина «массового общества» / Г. К. Ашин. Москва: Политиздат, 1971. 188 с.
- Бабаян Э. А.* Наркология / Э. А. Бабаян, М. Х. Гонопольский. Москва: Медицина, 1990. 336 с.
- Бабинцев В. П.* Лидерство и аутсайдерство в молодежной среде региона / В. П. Бабинцев, И. В. Бояринова, Е. В. Реутов // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 76–82.

Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы: по материалам проекта «Томская инициатива». Москва: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Баймухаметов С. Т. Сны золотые. Исповеди наркоманов / С. Т. Баймухаметов. Москва: Знание, 1998. 160 с.

Бараева Н. Б. Организованная преступность как социальный институт [Электронный ресурс]: монография / Н. Б. Бараева. Режим доступа: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Baraeva-Organizovannaya_prestupnost_kak_sotsialny_institut.pdf.

Баразгова Е. С. Американская социология (традиции и современность): курс лекций / Е. С. Баразгова. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. 176 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество: перевод с английского / З. Бауман; под ред. В. Л. Иноземцева. Москва: Логос, 2002. 390 с.

Бауман З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. Ю. В. Асочакова. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.

Бахтияров В. А. К вопросу о наркомании / В. А. Бахтияров // Сборник трудов НИИ облздравотдела / НИИ облздравотдела. Свердловск, 1936. С. 199–204.

Бачинин В. А. Человек катастрофы и его влечение к хаосу: онтология и ментальность / В. А. Бачинин // Социальный кризис и социальная катастрофа: сборник материалов конференции / под ред. Д. У. Орлова; С.-Петерб. филос. о-во. Санкт-Петербург, 2002. С. 205–210.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. 895 с.

Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью / С. А. Белановский. Москва: Наука, 1993. 352 с.

Белявский А. Ступени к храму – ступени к здоровью / А. Белявский // Диалоги о воспитании. 2000. № 1. С. 142–146.

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Москва: Медиум, 1995. 323 с.

Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. Москва: Республика, 1993. 383 с.

Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/carstvo.html>.

Блумер Г. Символический интеракционизм / Г. Блумер; пер. Л. А. Журавлевой // Социологические парадигмы второй половины XX в.: хрестоматия / под ред. С. П. Мамаев; Урал. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2002. С. 88–104.

Боголюбова Т. А. Наркотизм и наркомания / Т. А. Боголюбова, К. А. Толшекин // Советское государство и право. 1987. № 1. С. 42–58.

Болотовский И. С. Наркомания, токсикомания / И. С. Болотовский. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 91 с.

Бориневич В. В. Наркомания / В. В. Бориневич; Гос. НИИ психиатрии МЗ РФ. Москва, 1963. 275 с.

Борисова Л. Г. Подросток в бизнесе: социализация или девиация? / Л. Г. Борисова // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 68–76.

Борьба с наркоманией в цифрах и фактах из номера // Аргументы и факты. 2012. № 26.

Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение: перевод с английского / Дж. Брейтуэйт; под ред. М. Флямера; коммент. Я. Гилинского; Центр «Судебно-правовая реформа». Москва, 2002. 310 с.

Бродский В. «В огне твоих расширенных зрачков исчезнут города...»: новые российские рок-идолы зовут молодежь в наркотический рай / В. Бродский // Комсомольская правда. 1999. 14 янв. С. 7.

Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя / М. Бургос // Вопросы социологии. 1992. Т. 2. № 2. С. 104–116.

Быков С. А. Наркомания среди молодежи как показатель дезадаптированности / С. А. Быков // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 48–52.

Вагин В. Социология города [Электронный ресурс] / В. Вагин. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php.

Вахромеева Т. Практика организации научно-исследовательской и учебно-методической работы по профилактике наркомании в подростковой и молодежной среде / Т. Вахромеева // Диалоги о воспитании. 2000. № 1. С. 118–121.

Вебер М. Избранное. Образ общества: перевод с немецкого / М. Вебер. Москва: Юрист, 1994. 704 с.

Вермиленко Ю. Подростковый наркотизм: диагностика, превенция, коррекция / Ю. Вермиленко // Регион: политика, экономика, социология. Санкт-Петербург, 1999. № 1–2. С. 23–30.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни [Электронный ресурс] / Л. Вирт; пер. В. В. Вагина // Социологические прогулки. Город ногами социолога. Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=99>.

Вишневский Ю. Р. Парадоксальный молодой человек / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.

Волков Ю. Г. Социология молодежи: учебное пособие / Ю. Г. Волков [и др.]; под ред. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 576 с.

Волкова В. Эти дети не рисуют своих родителей: материалы «круглого стола» о роли СМИ в профилактике наркомании среди молодежи / В. Волкова // Культура. 1999. № 5. С. 2–4.

Габиани А. А. Кто такие наркоманы? / А. А. Габиани // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 78–83.

Габиани А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы: книга для учителя / А. А. Габиани. Москва: Просвещение, 1990. 221 с.

Габиани А. А. Наркотизм: вчера и сегодня / А. А. Габиани. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1988. 143 с.

Габиани А. А. Наркотизм: конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР / А. А. Габиани. Тбилиси: Мецниреба, 1977. 160 с.

Гегель Г. В. Ф. Система наук / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Шпета. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 443 с. (Слово о сущем.)

Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии / М. Н. Гернет. 2-е изд. Харьков: Изд-во НКЮ УССР, 1930. 264 с.

Гернет М. Н. Избранные произведения / М. Н. Гернет. Москва: Юридическая литература, 1974. 638 с.

Герцензон А. А. Преступность и алкоголизм в РСФСР / А. А. Герцензон. Москва: Просвещение, 1922. 329 с

Гидденс Э. Устроение общества / Э. Гидденс. Москва: Академический проект, 2003. 528 с.

Гилинский Я. И. Девиантное поведение в России в XX в.: основные тенденции развития / Я. И. Гилинский // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 2. С. 157–164.

Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2004. 520 с.

Гилинский Я. И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: учебное пособие / Я. И. Гилинский, В. С. Афанасьев; С.-Петерб. фил. ИС РАН. Санкт-Петербург, 1993. 340 с.

Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля / Я. И. Гилинский // Мир России. 1997. № 1. С. 50–61.

Гилинский Я. И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) / Я. И. Гилинский // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 70–73.

Гиляровский П. Социальное пространство наркотизма / П. Гиляровский, Л. Кесельман, М. Мацкевич. Санкт-Петербург: Медицинская пресса, 2001. 272 с.

Глобализация и социальные институты: социологический подход / отв. ред. И. Ф. Девятко, В. Н. Фомина. Москва: Наука, 2010. 335 с.

Голод С. И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности / С. И. Голод. Москва: Ладомир, 2005. 233 с.

Горшков М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги; Ин-т социол. РАН. Москва, 2010. 592 с.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2011. 672 с.

Гранье Ж. Концепция хаоса у Ницше [Электронный ресурс] / Ж. Гранье. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/granie.php>.

Гришко А. Я. О наркомании среди подростков / А. Я. Гришко // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 73–77.

Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. Москва: Соцветие, 1992. 335 с.

Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л. Н. Гумилев. Москва: АСТ, 2004. 415 с.

Гусейнов А. А. Негативная этика / А. А. Гусейнов. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУП, 2007. 36 с.

Давыдов Ю. Н. Патологичность «состояния постмодерна» / Ю. Н. Давыдов // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 3–13.

Двойменный И. А. Незаконный оборот наркотиков / И. А. Двойменный // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 74–79.

Девиянтность в обществе потребления: коллективная монография / под ред. Я. И. Гилинского, Т. В. Шипуновой. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. 464 с.

Девиянтность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я. И. Гилинского. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. 384 с.

Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения: всемирная история наркотиков. 1500–2000 гг. / Р. Дейвенпорт-Хайнс; пер. с англ. А. В. Савинова. Москва: АСТ: Транзиткнига, 2004. 622 с.

Дети и наркотики // Родительское собрание. 2003. № 11. С. 4–7.

Динамика ценностей населения реформируемой России / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. Москва: Едиториал УРСС, 1996. 224 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. Москва: Мысль, 1986. 620 с.

Дрегалю А. А. Северная провинция: трансформация социальных институтов / А. А. Дрегалю, Ю. Ф. Лукин, В. И. Ульяновский. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2008. 419 с.

Дунаевский В. В. Наркомании и токсикомании / В. В. Дунаевский, В. Д. Стяжкин. Ленинград: Медицина, 1991. 206 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. Москва: Наука, 1990. 575 с.

Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Н. Ильинского; под ред. В. А. Базарова. Москва: Мысль, 1994. 399 с.

Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. Москва: Канон, 1995. 352 с.

Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях / В. Ф. Журавлев // Социология: методология, методы, математические модели. 1993–1994. № 3–4. С. 5–19.

Журавлева И. В. Здоровье подростков: социологический анализ / И. В. Журавлева. Москва: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2002. 240 с.

Журавлева Л. А. Концептуальные подходы к анализу феноменологии социальных отклонений / Л. А. Журавлева, Н. С. Кожеурова // Евразийство: история и современность: материалы Международной научно-теоретической конференции / Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2011. С. 142–150.

Журавлева Л. А. Концептуальные подходы к организации превентивной антинаркотической работы в высших учебных заведениях / Л. А. Журавлева // Наука и образование. Известия УрО РАО. 2001. № 2. С. 119–127.

Журавлева Л. А. Методологические проблемы исследования наркомании как социального явления / Л. А. Журавлева // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики: тезисы докладов 4-й Всероссийской научной конференции / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 272 с.

Журавлева Л. А. Методология и методика исследования процесса наркотизации молодежи / Л. А. Журавлева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2004. 192 с.

Журавлева Л. А. Молодежь как креативная социальная группа / Л. А. Журавлева // Человек креативный: способности, ценности, культура: сборник научных статей по материалам 8-й Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 нояб. 2011 г. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. С. 148–159.

Журавлева Л. А. Проблема наркотизации молодежи: социологический анализ / Л. А. Журавлева // Общество и социология: труды 1-го Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи», Санкт-Петербург, 27–30 сент. 2000 г. Санкт-Петербург, 2002. С. 215–226.

Журавлева Л. А. Социальные отклонения в современном обществе // Традиция. Духовность. Правопорядок: материалы 6-й Всероссийской научной конференции, Тюмень, 20–21 мая 2011 г. / Тюмен. юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2011. С. 107–108.

Журавлева Л. А. Социальные причины наркомании в зеркале социологии / Л. А. Журавлева // Студенчество и наркомания: пути решения проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Урал. гос. техн. ун-т. Екатеринбург, 2000. С. 100–101.

Журавлева Л. А. Социальные причины наркомании в молодежной среде / Л. А. Журавлева // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики: тезисы докладов 3-й межрегиональной научной конференции / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2000. С. 120–122.

Журавлева Л. А. Факторы и условия наркотизации молодежи / Л. А. Журавлева // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 43–48.

За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / под ред. Б. М. Левина. Москва: Наука, 1993. 230 с.

Заиграев Г. Г. Особенности российской модели потребления не-коммерческого алкоголя / Г. Г. Заиграев // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 33–41.

Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13–25.

Здравомыслова О. Поведение, отклоняющееся от нормы / О. Здравомыслова // Народное образование. 1999. № 9. С. 233–235.

Зоркая Н. Ценности и установки российской молодежи / Н. Зоркая // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4(66). С. 66–77.

Зубок Ю. А. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. Москва: Академия, 2008. 272 с.

Зубок Ю. А. Становление и развитие отечественной социологии молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 108–117.

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи / Ю. А. Зубок. Москва: Мысль, 2007. 288 с.

Иванов В. М. Девиантное поведение: причины и масштабы / В. М. Иванов // Социально-политический журнал. 1995. № 2. С. 47–57.

Иванов Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.

Иванов Д. В. Критическая теория и виртуализация общества / Д. В. Иванов // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 32–41.

Иванчук Н. В. Технологии зла в манипуляторской деятельности / Н. В. Иванчук. Екатеринбург: Изд-во УрАГС: Полиграфист, 2000. 196 с.

Ильин В. И. Поведение потребителей / В. И. Ильин. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 224 с.

Ильин И. А. Кризис безбожия / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 томах / И. А. Ильин. Москва: Русская книга, 1996. Т. 1. С. 332–358.

Кавецкий С. Т. Аномия: истоки и современность / С. Т. Кавецкий. Брест: Изд-во БрГУ, 2010. 235 с.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2002. 832 с.

Кармадонов О. А. Трансформация и адаптация: стратегия выживания в кризисном социуме / О. А. Кармадонов, В. В. Кобжицкий. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 175 с.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина; ИЗ и ОПП СО РАН. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2001. 308 с.

Кириллов И. М. Отношение учащихся к употреблению спиртных напитков и токсических веществ / И. М. Кириллов, Ю. В. Шиленко // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 51–55.

Клейберг Ю. А. Социальные нормы и отклонения / Ю. А. Клейберг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 140 с.

Клейнер Г. Б. Homo economicus и Homo institutus в российской институциональной среде / Г. Б. Клейнер // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 5–18.

Климова С. Г. Изменения в алкогольном поведении молодежи / С. Г. Климова // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 90–97.

Климова С. Г. Контроль отклоняющегося поведения со стороны государства и общества / С. Г. Климова // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 88–95.

Клюшкина О. Б. Построение теорий на основе качественных данных / О. Б. Клюшкина // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 92–101.

Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.

Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. Москва: Мысль, 1984. 252 с.

Кон И. С. В поисках себя (Личность и ее самосознание) / И. С. Кон. Москва: Политиздат, 1984. 336 с.

Кон И. С. Социологическая психология: учебное пособие / И. С. Кон; МПСИ. Москва: МОДЭК, 1999. 126 с.

Кон И. С. Юность как социальная проблема / И. С. Кон // Социология молодежи: учебник / отв. ред. В. Т. Лисовский. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. Гл. 3. С. 81–123.

Конт О. Курс положительной философии: в 6 томах / О. Конт. Санкт-Петербург: Экономическая типография, 1899. Т. 1. 203 с.

Концепция профилактики потребления психоактивных веществ в образовательной среде // Диалоги о воспитании. 2000. № 1. С. 35–48.

Короленко Ц. П. Семь путей к катастрофе (деструктивное поведение в современном мире) / Ц. П. Короленко, Т. А. Донских. Новосибирск: Наука, 1990. 222 с.

Корпоративная культура вуза как фактор воспитания и подготовки современного специалиста / под ред. В. И. Филоненко. Ростов-на-Дону, 2010. 290 с.

Костылева Е. Г. Социальный контроль наркотизма в общеобразовательной школе: автореферат диссертации ... кандидата социологических наук / Е. Г. Костылева; Уфим. гос. техн. ун-т. Уфа, 2001. 18 с.

Котельникова Н. В. Досуг современной российской молодежи: традиции и инновации / Н. В. Котельникова // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. Сер. «Гуманитарные и социально-экономические науки». Екатеринбург: Изд-во УГТУ – УПИ, 2003. № 4(24). С. 282–284.

Коуз Р. Фирма, рынок, закон / Р. Коуз. Москва: Дело ЛТД, 1993. 192 с.

Козн А. Отклоняющееся поведение и контроль за ним / А. Козн // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. Москва: Прогресс, 1972. С. 282–296.

Кравченко И. И. Общественный кризис XX в. и его отражение в ряде западных концепций / И. И. Кравченко // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 35–48.

Кравченко С. А. Игноризация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) / С. А. Кравченко // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.

Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. Москва: Анкил, 2009. 224 с.

Кравченко С. А. Социология: парадигмы и темы / С. А. Кравченко, М. О. Мнацаканян, Н. Е. Покровский. Москва: Анкил, 1998. 507 с.

Кречмер Э. Строение тела и характер: перевод с немецкого / Э. Кречмер. Москва; Ленинград: [Б. и.], 1930. 304 с.

Кристи Н. Плотность общества / Н. Кристи; пер. с норвеж. Е. Рачинской; РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия». Москва, 2001. 140 с.

Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества / В. Н. Кудрявцев. Москва: Гардарики, 2002. 238 с.

Культура социальной ответственности: теория и практика: монография / под ред. К. П. Стожко; Урал. ин-т бизнеса. Екатеринбург, 2009. 530 с.

Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации / Н. И. Лапин; ИФ РАН. Москва, 2000. 194 с.

Ларионов А. В. Наркомания: мифы, смысл, причины, терапия / А. В. Ларионов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 218 с.

Левада Ю. Варианты адаптивного поведения / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 7–13.

Лисицын Ю. П. Алкоголизм / Ю. П. Лисицын, Н. Я. Копыт. Москва: Медицина, 1983. 264 с.

Личко А. Е. Подростковая наркомания / А. Е. Личко, В. С. Битенский. Ленинград: Медицина, 1990. 301 с.

Ломброзо Ч. Преступление / Ч. Ломброзо. Москва: Спарк, 1994. 220 с.

Лунеев В. В. Модернизация в условиях преступности [Электронный ресурс] / В. В. Лунеев. Режим доступа: <http://crimpravo.ru/blog/1470.html#cut>.

Маликова Н. Н. Типология отношений студентов к наркомании / Н. Н. Маликова // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 50–59.

Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. Москва: АСТ: Ермак, 2003. 331 с.

Маршак А. Л. Особенности социокультурных связей социально дезориентированной молодежи / А. Л. Маршак // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 94–97.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: перевод с английского / А. Маслоу. Москва: Смысл, 1999. 425 с.

Маслоу А. Психология бытия: перевод с английского / А. Маслоу. Киев: Ваклер, 1997. 345 с.

Мень М. А. Лидерство как социальный и личностный феномен (теоретико-методологический аспект исследования) / М. А. Мень. Москва: Изд-во МГУ, 2011. 268 с.

Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон. Москва: АСТ: Хранитель, 2006. 880 с.

Мертон Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. Москва: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и упр., 1996. С. 393–461.

Метцлер Б. Предотвращение наркомании путем разъяснительной работы / Б. Метцлер // Диалоги о воспитании. 2000. № 1. С. 174–180.

Молодежь района: социальные проблемы и пути их решения / Г. Е. Зборовский [и др.]. Екатеринбург: СВ, 1996. 229 с.

Моргунова А. Г. Образование как социальный институт: историография проблемы / А. Г. Моргунова // Вестник СамГУ. 2003. № 3. С. 1–9.

Московский А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики / А. Московский // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 110–124.

Наркомания: Ситуация, опыт, профилактика / ВЦХТ. Москва, 2000. 269 с.

Наркомания: Ситуация, тенденции и проблемы / под общ. ред. М. Е. Поздняковой. Москва: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2002. Вып. 2. 188 с.

Новые направления в социологической теории / ред. Г. В. Осипов. Москва: Прогресс, 1978. 392 с.

Норт Д. Институты и экономический рост / Д. Норт // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69–91.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. Москва: Изд-во фонда экон. кн. «Начала», 1997. 180 с.

Образование в меняющемся мире: «круглый стол» // Наука и образование. Известия УрО РАО. 2001. № 2. С. 156–179.

Олпорт Г. Становление личности: избранные труды: перевод с английского / Г. Олпорт; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. Москва: Смысл, 2002. 462 с.

Орлов А. С. Социология рекреации / А. С. Орлов. Москва: Наука, 1995. 118 с.

Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: перевод с испанского / Х. Ортега-и-Гассет. Москва: Весь мир, 1997. 704 с.

Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. Москва: Академический проект, 2002. 831 с.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. Москва: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и упр., 1996. С. 494–525.

Перепелкин Л. С. Социальные институты на заре человеческой истории: к вопросу о «минимуме социальности» / Л. С. Перепелкин // Личность. Культура. Общество. Москва, 2010. Т. 12, № 55/56. С. 132–144.

Петухов В. В. Природа и культура / В. В. Петухов. Москва: Три-вола, 1996. 134 с.

Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве / под ред. В. Абрамкина. Москва: Права человека, 1996. 240 с.

Помазан А. Н. Социальный ресурс личности и идентификационные ориентации россиян / А. Н. Помазан, А. В. Седунова, Е. Н. Ядова // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 122–129.

Попов В. А. Наркотизация в России – шаг до национальной катастрофы / В. А. Попов, О. Ю. Кондратьева // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 65–68.

Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов 8-й Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», Уфа, 22–25 октября 2012 г. / Ин-т соц.-полит. и правовых исслед. Респ. Башкортостан. Уфа: Изд-во АН РБ: Гилем, 2012. 472 с.

Прохорова М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование / М. Л. Прохорова. Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2002. 384 с.

Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В. В. Радаев // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5–26.

Реутов Е. В. Учащаяся молодежь и наркотики / Е. В. Реутов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 86–91.

Рожков А. Ю. Молодой человек 20-х гг.: протест и девиантное поведение / А. Ю. Рожков // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 107–114.

Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. Москва: Норма: Инфра-М, 1999. 672 с.

Рубан Л. С. Девиация как проблема безопасности / Л. С. Рубан // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 81–90.

Рущенко И. П. Латентные социальные процессы: теоретические и практические исследования / И. П. Рущенко // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 74–86.

Рыбакова Л. Подросток и наркотики: опыт зарубежных стран по антинаркотической и антиалкогольной профилактике / Л. Рыбакова // Педагогика. 1998. № 2. С. 45–48.

Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия / Р. В. Рывкина // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 3–13.

Сапожников Е. И. Общество потребления в странах Запада / Е. И. Сапожников // Вопросы философии. 2007. № 10. С. 53–63.

Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи / В. Е. Семенов // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.

Сергеев В. К. Молодежь и город: лицом к лицу: молодежная культура мегаполиса в условиях социальных трансформаций / В. К. Сергеев; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 549 с.

Серл Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 4–27.

Скриптунова Е. А. О предпочтениях городской молодежи / Е. А. Скриптунова, А. А. Морозов // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 105–110.

Смелзер Н. Дж. Социология: перевод с английского / Н. Дж. Смелзер. Москва: Феникс, 1994. 688 с.

Современная социологическая теория: перевод с английского / сост. Г. Беккер, А. Босков. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. 322 с.

Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. Москва: Наука, 1997. 351 с.

Сорокин П. А. Кризис нашего времени / П. А. Сорокин // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. Москва: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и упр., 1996. С. 356–371.

Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Санкт-Петербург: Изд-во РГХИ, 1999. 447 с.

Сорокин П. А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии: статьи разных лет / П. А. Сорокин. Москва: Наука, 1994. С. 418–490.

Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы / под ред. Я. И. Гилинского; Ин-т социол. РАН. Санкт-Петербург, 1998. 196 с.

Социология молодежи: учебник / под ред. В. Н. Кузнецова. Москва: Гардарики, 2005. 335 с.

Социология молодежи: учебник / под ред. В. Т. Лисовского. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 460 с.

Спенсер Г. Основания социологии / Г. Спенсер. Санкт-Петербург: Тип. В. Демакова, 1876. 505 с.

Станица Кушевская, 2010 год: маленькое зеркало большой беды / С. Бабурин [и др.]. Москва: Изд-во РГТЭУ, 2011. 94 с.

Стожко К. П. Экономическое сознание / К. П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 426 с.

Студент – 2003: информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (март – июнь 2003) / УГТУ – УПИ. Екатеринбург, 2003. 142 с.

Студенчество и наркомания: пути решения проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / УГТУ – УПИ. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2000. 182 с.

Тишков В. А. Национальная идентичность и духовно-нравственные ценности российского народа / В. А. Тишков. Санкт-Петербург: Астерион, 2010. 492 с.

Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография / Ж. Т. Тощенко. 2-е изд. Москва: Юнита-Дана, 2008. 543 с.

Фаризова С. Наркоманов начнут искать в школах: Д. Медведев предложил меры по борьбе с «дурью» / С. Фаризова // Известия. 2009. 9 сент.

Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Фрейд З. «Я» и «Оно»: труды разных лет: в 3 книгах / З. Фрейд. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 2. 425 с.

Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. Москва: Республика, 1992. 430 с.

Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. Москва: АСТ: АСТ Москва, 2007. 314 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году / М. Фуко. Санкт-Петербург: Наука, 2005. 432 с.

Фукс-Хайнриц В. Биографический метод / В. Фукс-Хайнриц // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / ред. кол.: В. В. Семенова, Е. Ю. Мещеркина; Ин-т социол. РАН. Москва, 1993. С. 11–41.

Хатаев А. Мировой наркобизнес [Электронный ресурс] / А. Хатаев. Режим доступа: http://fskn.rkomi.ru/obzor_smi/fskn/2009/02_2009/obzor_smi_fskn_12_02_2009.htm.

Хлобустов О. Молодежь России в XXI в. / О. Хлобустов // Обозреватель. № 3. 2004. С. 26–28.

Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы / Г. Ф. Хохряков. Москва: Юридическая литература, 1991. 222 с.

Чередниченко Г. А. Молодежь вступает в жизнь: социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства / Г. А. Чередниченко, В. Н. Шубкин. Москва: Мысль, 1985. 239 с.

Черкасова Т. В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема: диссертация ... доктора социологических наук / Т. В. Черкасова. Москва, 2004. 27 с.

Чупров В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. Москва: Наука, 2001. 223 с.

Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок; РИЦ ИСПИ РАН. Москва, 2000. 116 с.

Чупров В. И. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Е. А. Певцова. Москва: Русское слово – РС, 2009. 176 с.

Чупров В. И. Социология молодежи / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. Москва: Норма: Инфра-М, 2011. 336 с.

Шелдон У. Анализ конституциональных различий по биографическим данным / У. Шелдон // Психология индивидуальных различий: тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. Москва: Изд-во МГУ, 1982. С. 248–261.

Шкуратов И. Феномен настроения: пути к осмыслению [Электронный ресурс] / И. Шкуратов // Phenomen.Ru: философский журнал. Режим доступа: <http://phenomen.ru/public/journal.php?article=23>.

Шмерлина И. А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов / И. А. Шмерлина // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53–69.

Шнайдер Г. Й. Криминология / Г. Й. Шнайдер; под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова. Москва: Прогресс-Универс, 1994. 504 с.

Шоу К. Р. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго / К. Р. Шоу, Г. Д. Маккей // Социология преступности (современные буржуазные теории): сборник статей / пер. с англ. А. С. Никифорова, А. М. Яковлева; ред. Б. С. Никифоров. Москва: Прогресс, 1966. С. 288–298.

Штомпка П. Роберт Мертон: динамический функционализм / П. Штомпка // Современная американская социология / под ред. В. И. Добренькова. Москва: Изд-во МГУ, 1994. С. 78–93.

Щебланова В. В. Динамика рисков современного терроризма / В. В. Щебланова. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2010. 292 с.

Щепанский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепанский. Москва: Прогресс, 1969. 240 с.

Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г. В. Осипова; ИСПИ РАН. Москва, 1995. 939 с.

Юдина Л. Гибель не в кайф! Эпидемия наркомании в РФ началась в 1991 году / Л. Юдина // Аргументы и факты. 2012. № 38.

Юридическая социология / под ред. В. А. Глазырина. Москва: Норма, 2000. 368 с.

Becker H. The Outsiders: Studies in the sociology of deviance / H. Becker. New York: The Free Press of Glencoe, 1963. 224 p.

Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior / E. Lemert. New York: McGraw-Hill, 1951. 459 p.

Quinney R. Class, State and Crime / R. Quinney. New York: David McKay, 1977. 366 p.

Turk A. Criminality and Legal Order / A. Turk. Chicago: Rand McNally, 1969. 184 p.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования социальных отклонений.....	15
1.1. Социальные отклонения как феномен современного об- щества.....	15
1.2. Проблема адекватности социального контроля.....	55
1.3. Наркотизация общества как социально-философская проб- лема.....	67
Глава 2. Институциональная природа социальных отклонений.....	86
2.1. Сущностные характеристики социальных институтов.....	86
2.2. Амбивалентность современных социальных институтов.....	92
2.3. Институционализация наркотических практик в современ- ных условиях.....	102
Глава 3. Сущность и особенности наркотизации молодежи.....	108
3.1. Молодежь как креативная социальная общность.....	108
3.2. Предпосылки и факторы современного молодежного нар- котизма.....	129
3.3. Наркотизация и виктимизация студенческой молодежи: опыт социологического мониторинга.....	136
Глава 4. Концепция организации превентивной антинаркоти- ческой работы.....	158
4.1. Методологические основы и модели превенции наркома- нии.....	158
4.2. Методологические основы разработки комплексной про- граммы профилактики наркотизации на муниципальном уровне.....	170
4.3. Антинаркотическая превентивная работа в образователь- ных учреждениях.....	187
Заключение.....	197
Библиографический список.....	206

Научное издание

Журавлева Людмила Анатольевна

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА
СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО НАРКОТИЗМА**

Монография

Редактор О. Е. Мелкозерова
Компьютерная верстка А. В. Кебель

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 15.04.13. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 13,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 783.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического
университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Отпечатано в ООО «ТРИКС»
г. Верхняя Пышма, ул. Калинина, 64.
www.printvp.ru